

ЭЙЛИН ТОРЕН

ПРИЗЫВ
ВЕДЬМЫ

ЧАСТЬ I

Мгновение назад завтракаешь, а потом вдруг мир переворачивается с ног на голову. И что теперь делать обычной студентке, когда внезапно превратилась в ведьму, которая всем позарез нужна, а из умений пока только рыдания? Куда убежать, если дороги домой нет, и надо смириться, что вокруг суровые воины, средневековые замки и мир полный магии, о которых читала только в книжках? И главное — какого чёрта здесь поют знакомые с детства песни?

Глава 1

Сначала Милена подумала, что это всего лишь дурной сон.

Яркий слепящий свет, белый, холодный, окутавший её с ног до головы, она словно парит, но нет, это только ощущение, которое пугает, но между тем восхищает. Но восхищение было мимолётным, потому что внутри всё дернулось и Милену вырвало. Это был завтрак, тот самый, который она ела с таким остервенением и злостью на мать. Реальный завтрак, во всём нереальном происходящем, как и обида за сказанные ей слова мамы.

Может Миле и не стоило принимать их так близко к сердцу, не первый раз она слышала что-то подобное, но всегда прощала. Ничего другого ей не оставалось. Милена всегда напоминала себе, что мама такая, что она не специально, что ей очень плохо, что это всё горе потери.

А теперь почему-то пришло осознание, что мама и Милену, потеряла — внутри поселилось что-то страшное, болезненно яркое до умопомрачения.

Девушка с трудом встала на четвереньки и вытерла рот тыльной стороной ладони.

“Это сон. Просто жуткий сон, — стала она повторять себе, пытаюсь уговорить сознание, что ничего страшного не происходит, — ещё немного и это закончится, просто нужно проснуться. Может я не ругалась с мамой? Вдруг это часть сна? Просто нужно заставить себя открыть глаза и всё станет хорошо!”

Она зажмурилась и попыталась открыть глаза, в отчаянной попытке проснуться. Открыла, но ничего не изменилось. Всё то же помещение, заполненное белым светом так, что не понятно, где стены, где верх, да и пол понятно где, только потому что она на нём сидит.

А ещё этот запах рвоты — такой реальный, резкий. Но во сне ведь не бывает запахов?

И чувство страха, что родилось внутри ранее, стало разрастаться и укореняться — это всё происходит на самом деле!

Милена тряхнула яркими пышными волосами, поняла, что видит своё отражение в белом полу и попыталась в очередной раз найти в происходящем логику. Она начала цепляться за то, что было сейчас самым реальным и знакомым — за себя саму.

Лицо, с правильными привлекательными чертами, длинная шея, волнистые волосы. Милена была обладательницей роскошной копны светло-русых волос. Она подкрашивала их в рыжие оттенки, превращая в россыпь медной нити. И сейчас она видела их перед собой, такие к каким привыкла.

Видела своё тело, которое она строила с остервенением и упорством. Милена была строга к себе, даже жестока — ничего сладкого, жирного, никакого гастрономического мусора, считала калории и изнуряла себя физическими нагрузками.

Внутри был страх, что, потеряв идеальность тела, потеряешь себя, потеряешь мир вокруг, ничего не достигнешь. Станешь этакой тёткой, погрязшей в пустом быту, нелюбимом муже и раздражающих детях. Она и не знала откуда в ней это, но было убеждение, что нужна только такая вот стройная, красивая, не стоящая на месте.

И она считала, что до стройности, до красоты, до идеала ещё очень далеко. Поэтому фитнес-клуб был в её расписании, как учёба и работа, словно панацея от будущей безысходности и запланированном провале. Весь её день был расписан по секундам — от и до.

Милена попыталась сесть, что было сложно, потому что голова кружилась так словно она была пьяна, мотало из стороны в сторону, как после катания на карусели. Неприятное чувство.

Постепенно глаза привыкли к яркому свету и она начала различать стены и потолок. Но спустя несколько секунд они снова стали мерцать, стало совсем не по себе, и Мила зажмурилась, ухватившись за мысли о том, что сейчас наконец-то проснётся, снова потеряла сознание.

— Ты уверен, что она белая? — прямо-таки прогремыхал мужской голос где-то над её головой.

— Конечно, уверен, достопочтенный митар Изарии, — ответил другой, тонкий и неприятный, мужской голос, заискивающим и немного оскорбленным тоном.

— Она вообще какая-то хвораая, нет? Худая, мне кажется. Вообще выживет в наших-то условиях?

“Хвораая? Худая?” — мысленно возмутилась Милена, пытаясь возразить что-то вслух и открыть глаза.

— Ну может это заставит её побыстрее выполнить то, ради чего мы её столько времени искали и с таким трудом вытащили из её мира? — предположил тот, что заискивал.

Первый, который громыхал, с сомнением хмыкнул.

— Но если вам не надо, достопочтенный митар Изарии, то мы на такой диковинный товар быстро найдем другого покупателя, — мерзкий голос пропел эту фразу и Милену снова стало выворачивать наизнанку.

— Нет, с чего вдруг? — возмутился этот самый достопочтенный. — Она наша. И мы её забираем. И свою кровь мы впустую не тратим.

По звуку удаляющихся шагов стало понятно, что мужчины ушли. Милена попробовала открыть глаза и осмотреться, но ничего не вышло. Голова была тяжелой и словно ей не принадлежала. Внутри стала разрастаться какая-то будто обида на себя и происходящее. Обида готовая обрушиться на неё истерикой.

Девушка ещё раз попыталась пошевелиться, но, как ей показалось, ничего не вышло. Однако именно в этот момент совсем рядом с ней третий голос, которого она ещё не слышала, вдруг возвестил:

— Достопочтенный митар Изарии, ведьма приходит в себя, вам надо спешить.

И спустя всего пару мгновений после этих слов, чьи-то сильные руки подхватили её и безо всякого труда оторвали от твердой поверхности, на которой она лежала. Мужчина был огромным, как ей показалось, и руки у него были просто чудовищного размера.

Милена почему-то вспомнила, как в далеком детстве папа переносил её спящую с дивана в комнате родителей к ней в комнату. И это ощущение тепла и невесомости захватывало её и казалось невообразимо волшебным, сказочным, словно она принцесса и

мир вокруг полон добра и света. И сейчас было так же — эти несколько шагов, пока она была крепко прижата к широкой мужской груди.

А потом снова словно карусель и снова желудок свело и, если бы он не был пуст, её снова вывернуло бы наизнанку.

— Достопочтенный митар, — последовал возглас, когда карусель остановилась. — Вы так скоро? Это белая ведьма?

— Надеюсь, — ответил громыхавший недавно над её головой голос, сомневающегося в её выносливости мужчины, а теперь она слышала его у своего уха, была прижата к его груди. — Феран у себя?

— Да, достопочтенный митар, достопочтенный феран у себя.

— Позови его.

— Да, достопочтенный митар.

“И охота им всё время это выговаривать?” — мысли стали вырисовываться в голове уже осмысленнее, переставая быть невыносимым неуправляемым потоком, до того беспредельничавшим в её голове.

В комнате возникли ещё чьи-то шаги, тяжелые и настораживающие.

— Роар? — голос мужчины был хриплым, глухим. — Это белая?

Её положили и на этот раз это было что-то мягкое и приятное.

— Они так сказали, — был ответ того, кто её принёс, и, потеряв тепло его объятий, Миле наконец удалось открыть глаза.

Взвизгнуть или закричать не получилось, хотя очень захотелось.

Лицо мужчины, изучавшего её, было суровым и жутким — он был бородат, глубокий старый шрам проходил по его лицу наискосок по нахмуренному лбу, через глаз, на щеку и дальше в бороду. Нос, когда-то прямой, был сломан не менее пары раз. Волосы каштановые с сединой, были забраны в хвост. Из-за шрама лицо имело странный прищур, не надменный, а с недоброй такой усмешкой. Милене стало отчаянно страшно.

— Тихо, мы не обидим, — отозвался знакомый голос. К удивительному облегчению он принадлежал другому мужчине, не тому, который сейчас стоял склонившись над ней и напугал почти до обморока.

Мужчина, который ее принес, был высоким, светловолосым, и моложе этого, со шрамом. Правильные черты лица скрывала не длинная ухоженная борода, а глаза были ясные, теплого медового цвета. В иных обстоятельствах Милена назвала бы его очень привлекательным, даже красивым.

Но думать об этом сейчас было нелепо. Истерика снова ворвалась в её разум, который отказывался понимать и принимать происходящее. Она снова и снова пыталась понять, что происходит. Снова и снова пыталась убедить себя, что это всего лишь безумный сон.

Внутри бурлило и клокотало — вот-вот и оно взорвётся, ползет наружу сметая всё на своём пути. К глазам подступили предательские слёзы и Мила сквозь рыдания начала причитать. Что именно она и не осознала, но “не убивайте”, “простите”, “отпустите” и так далее по классическому сценарию в её истеричном монологе точно были.

Мужчина со шрамом выпрямился и Мила осознала, что он тоже невероятно высокий, на полголовы выше того, который её принес. Ширина его плеч безумно пугала.

Когда он встал и отвернулся, то сквозь слёзы Милена увидела, что одежда на них не привычная её глазу, может что-то похожее она видела в исторических фильмах. Цвета

одежды были синего, тёмно-синего и чёрных цветов. А стоящий в комнате третий мужчина, которого она только что заметила, был одет в одежду коричневого цвета. И к своему нескрываемому ужасу она наконец заметила, что на поясах у всех троих были мечи, а на поясах за спиной самые настоящие кинжалы.

И слёзы снова потекли ручьём.

— Веди её к серым, — прохрипел тот, что со шрамом.

— А не рано? — с сомнением спросил тот, который её принёс.

— Тогда сам её успокаивай, — отрезал “шрам”.

Дальше эти двое повели её по мрачным каменным коридорам, в которых было холодно и жутко. Милена упиралась, хваталась за всё, что придётся, но это мало ей помогало. Они прошли мимо ещё нескольких здоровенных мужиков в коричневых одеждах, все они были страшными, на бородатых лицах ухмылки. И её топило понимание, что она не может рассчитывать на их помощь.

В какой-то момент слёзы окончательно застлали её глаза и силы её покинули. Её подхватили за талию и она не видела больше дороги, перестала сопротивляться, только шептала о том, чтобы её не убивали и отпустили. Кошмар никак не хотел прекращаться и Милене никак не удавалось наконец проснуться.

Когда они остановились, она поняла, что оказалась в теплой и просторной комнате с приглушенным светом двух потолочных люстр. Милену оставили тащившие её руки, и она осела на пол, потому что ноги отказались её держать.

— Нам нашли белую ведьму? — очередной мужской голос пророкотал у неё над головой и снова крепкие руки бесцеремонно и с силой подняли её и развернули.

Этот “великан” был темноволосым, смуглым, тоже приятным на лицо, хотя черты его лица были резкими, а взгляд темных глаз был пренебрежительным.

— Какая-то она, хм, мелкая? Тошная. Она точно белая и сможет прекратить холодную пору? — этот ей не нравился ещё больше, чем вот те двое, которые стояли теперь за спиной этого и в их взглядах даже сквозь туман слёз она видела тонну сомнения.

— Маги сказали, что белая, — ответил светловолосый, который её сюда притащил.

— А может маги ошиблись? — спросил этот жуткий тёмный, так и не отпустив её руки.

— Элгор, отпусти девочку, — приказал мужчина со шрамом.

Этот самый Элгор послушался и отпустил — словно мусор выронил. Милена снова оказалась на коленях на каменном полу.

— Где Хэла? — спросил “шрам”.

— Там, — робко ответил ему тихий девичий голосок.

Милена устремила к нему свой взгляд и увидела с десятков девичьих лиц. Все они смотрели на неё с интересом и сочувствием. И сочувствие это сковывало ледяным ужасом.

— Позови, — приказал шрам.

Но не успел никто из девушек и пошевелиться, а было понимание, что обращён приказ был именно к кому-то из них, как в комнате, в другой её стороне, темной и не видимой для взгляда Милены, раздалось пение. И к своему невероятному изумлению девушка узнала эту песню. С мотивом всплыло яркое воспоминание о Кольке, который лет в пятнадцать очень любил песни этой группы. Сама же Милена с необузданным энтузиазмом десятилетки горланила строчки припевов, забавляла брата и раздражала родителей, но, несмотря ни на что, продолжала подпевать. Припев вот этой конкретной песни они с братом орали как ошалелые.

“То парень к лесу мчится, то в поле, то к ручью,
Всё поймать стремится моооооолнию”. [1]

Песню пела женщина лет тридцати. И Милена всегда смущалась этому обращению, когда надо было окликнуть кого-то кому уже за тридцать, но нет ещё, например, пятидесяти. Понятно, что не девушка, но и женщина как-то странно звучит.

Слова песни умолкли. Её исполнительница замерла под одной из люстр, внимательно изучая зарёванную девушку, сидящую в нелепой позе на полу. Милена в изумлении уставилась на ту, что сейчас пела, и песня была кажется самым реальным из всего того, что происходило вокруг.

— Хэла? — отозвался навстречу женщине мужчина со шрамом. И Мила решила, что он всё-таки тут был самым старшим и по возрасту и по положению.

— Белую нашли? — спросила женщина, небрежно склоняя голову набок.

— Вроде.

Она вздохнула и подошла ближе, присела перед Миленой.

— Ох, очередная крошка-хорошка, — буркнула комментарий словно сама себе.

— Я знаю эту песню, — к своему изумлению выдала Мила.

— А? — нахмурилась женщина, приподнимая одну бровь. Милена напряглась — её имя Хэла?

— Я знаю эту песню, — повторила девушка еще раз.

— И откуда ты такая? — с усталостью и без интереса спросила она Милу, нахмутив густые темные брови.

— В смысле?

— Ну, песню знаешь, значит на просторах России-матушки выросла или около того... вот и спрашиваю — откуда ты?

— Питер, — выдала Мила.

— Эх, “если выпить вы хотите, то берите водки литер, это ж Питер, тётя, ну шо, берёте?” [2] — проговорила ехидно Хэла.

— Боже, вы... Вы тоже из Питера?

Хэла мотнула головой не соглашаясь.

— Можно на ты. Выпить-то будешь?

— Что? — смутилась Мила.

— Ну и водку можно, — лукаво подмигнула собеседница.

Она улыбнулась и Милена увидела очаровательную кривоватую, но очень добрую улыбку — обычно такая легко располагает к себе людей. Взгляд серых, кажется, глаз был озорным. Вокруг них была слабая сетка морщинок.

— Я никогда не пила водку, — честно призналась девушка.

— Бывает, — повела головой Хэла. Потом встала и вернулась обратно с глиняной, так по крайней мере показалось, кружкой. — Держи.

Милена взяла её в руки. На дне было немного жидкости, которая по запаху напоминала водку.

— Это что?

— Вдохни и залпом пей, — кивком приказала ей женщина, послушаться не получилось.

Мила хлебнула и поняла, что обожгла себе все внутренности, закашлялась и сжалась.

— Хэла, эй... — кто-то из мужчин, которые так никуда и не делись, видимо напрягся от реакции Милены на этот крепкий алкоголь.

— Нормально всё, достопочтенный митар, всё с вашей ведьмой хорошо будет, — ответила она и и заглянула Милене в глаза. — Откуда песню-то знаешь?

— Мой брат слушал, — отозвалась та.

— А какие ещё песни знаешь?

— Прыгну со скалы, — сама не понимая зачем стала перечислять всплывающие в голове названия песен Милена, — Кукла колдуна, Камнем по голове, Лесник, Смелычак и ветер...

— Во, сойдет, — прервала её Хэла. — Запевай.

И к своему ужасу Милена начала чеканить слова, которые видимо навсегда были в её голове:

— Я ведь не из робких,

Всё мне по плечу.

Сильный я и ловкий

Ветра проучу... [3]

И Хэла ухмыльнулась, подхватила и продолжила:

— Был сильный ветер, крыши рвал

И несмотря на поздний час

В округе вряд ли кто-то спал

Стихия не на шутку разошлась...

Она пела и Милена подпевала ей совершенно по инерции. И кто-то ещё подпевал, хотя она и не видела кто.

Всё происходившее стало окончательно нереальным, безумным, словно уже не сон, а странный фильм, с нелепыми музыкальными вставками. Но несмотря на всё это внутри у Милы разлилось невероятное тепло, мысли стали гибче и в какой-то момент ей стало совершенно всё равно — она пела песню с безумием и отвагой, уже не пытаясь дать отчет тому, что происходит.

Когда они допели в комнате прибавилось народу. Пришли несколько мужчин одетые в коричневые одежды, как тот, которого Мила уже видела. Возле неё оказалась пожилая дородная женщина с приятным мягким и добрым лицом, и, словно насадка, стала квочить вокруг так и сидевшей на полу Милены.

— Белая, богам слава! Белая! Ох, крошечка какая, а худенькая, но это мы поправим. Хэла, а точно белая?

— Точно, — кивнула Хэла, в руках которой тоже была кружка. — Звать-то тебя как, тётя?

— Мила, — отозвалась девушка. — Милена, в смысле.

— Это что, два имени, одинаковых? — смутилась женщина, которая суетилась возле нее.

— Нет, одно, — ухмыльнулась Хэла. — Просто Милена это полное, а Мила короткое, сокращенное.

— Вот те раз, а я вот Мита, и никаких коротких или длинных.

Хэла кивнула.

— Слыхала, Милка моя, выбери что-то одно.

Девушка кивнула, голова пошла кругом, а кружка как-то незаметно наполнилась чем-то прохладным и вязким. Она в недоумении смотрела внутрь и не понимала, как это вообще получилось.

— Пей, это уже не водка, — отозвалась Хэла.

— А если ты не из Питера, то откуда? — решила спросить девушка и хлебнула напиток, который оказался сливочным ликером, но не таким сладким, как она привыкла дома.

Хэла хитро улыбнулась и запела:

— Этот город самый лучший город на Земле,
Он как-будто нарисован мелом на стене... [4]

Голос у неё был приятным, не резким, не высоким. Она умела менять интонацию, но высокие ноты не тянула, да это и не было нужно. Это пение было похоже на семейные застолья, когда все собирались за большим столом и распевали с душой. Милена почувствовала себя дома и на глаза снова навернулись слёзы. Она пыталась вспомнить — песня была про Москву. Значит Хэла оттуда.

А дальше хмельная голова её окончательно отказалась что-то понимать. Пели уже все девушки — их было около десяти, но точно посчитать не получалось. Все они были одеты в серые, словно шерстяные, платья, доходившие им до щиколоток. На ногах у них были мягкие туфли, напоминающие балетки. Хэла вообще была босой, но может это Милене казалось — она переставала быть уверенной уже хоть в чем-то.

Они пели и пили, поили мужчин. Девушек прибавилось. Те, что пришли, были одеты в такие же длинные платья, но разных цветов, не серые. Всё стало каким-то сумбурным, смешалось, будто это тематическая вечеринка. И Мила бы усмехнулась этой мысли, если бы внутри не разрывало на части страхом, что это происходит на самом деле.

Девушки в сером пели песню, которую Милена не знала, но почему-то казалось, что она ей знакома. Пели они складно, ладно, так что можно было заслушаться и разрыдаться. Хэла была артистичной, живой, невероятно красивой женщиной, на которую хотелось смотреть во все глаза. И Милена хваталась пьяным разумом за неё, видела как та, протягивает кружку мужчине со шрамом, и было подозрение, что там точно не сливочный ликёр, а что-то покрепче. И при этом Хэла была такая игривая, озорная, невероятно притягательная.

Остальные же девушки бросали взгляды в сторону молодых мужчин — светлого, что притащил Милену во всё это безумие, второго темного, который хватал её за руки, и других, в коричневых одеждах.

“Тебя ждала я, жаль нет крыльев за спиной,

Тебя ждала я, полетела б за тобой

Тебе ждала я, помнят камни и вода

Тебе ждала я, но осталась здесь одна...” [5]

Мужчины странно улыбались. Милена могла поклясться, что они смущались. Чувствовали себя не в своей тарелке, хотя почему-то она была уверена, что с ними всеми это происходит не впервые.

А потом одна из девушек в сером попросила Хэлу спеть песню про зиму. Женщина нахмурилась, но остальные девушки подхватили просьбу. Кто-то даже сказал, что поможет ей петь. Они были похожи на голубушек, воркующих на своих насестах. Хэла всё не начинала петь и тогда одна из девушек запела робко и мягко начало:

— Белая зима, ой, пришла да не спросила,

Лютая пришла, серебром снегов укрыла.

Превратила в лёд мою душу и сердечко,

Замерзшими слезами покрыла речку.

Потом протянула руки Хэле, которая была явно старшей среди них. Она сдалась и подхватила:

— Белая зима принесла недобры думы.

Солнце спряталось, да на небе полнолуние.

В полутьме брожу, слышу, смерть крадется тихо.

Снежная метель все свистит да кружит лихо.

Милена не знала этой песни, она как загипнотизированная сидела и смотрела как Хэла пела. Ее голос звучал надрывно, тяжело, словно она рвала себе душу этой песней. Глаза у неё были закрыты, а девушки, что пели с ней, обняли её, а вокруг было тихо-тихо. Песня казалась жуткой, от неё сводило что-то внутри, или это голос у женщины был такой.

Хэла открыла глаза и пропела последние слова:

— Погубили душу зимы недобры чары,

Лютая зима забрала в объятия Мары.

И тогда Милена с ужасом наконец осознала, что всё это происходит на самом деле, что она на самом деле сидит на полу какого-то средневекового замка. Со всеми этими странными людьми вокруг, слушает песни, которые она знает. Песни из её детства, песни её жизни, которой кажется больше нет.

Слёз уже не было, она была так пьяна, что не было никакого желания рыдать, или спорить, сражаться, делать хоть что-то. Она уткнулась лбом в плечо сидящей рядом Миты и сознание её начало проваливаться в пустоту.

“Что-то сердечко бьётся силой...” — радостно запел кто-то из девушек, не Хэла, на совсем новый лад, незнакомый, иной, но Милена уже не смогла открыть глаза и наконец уснула тяжелым, беспмятным сном.

[1] — Король и шут “Дурак и молния”

[2] — Ленинград “Ч.П.Х.”

[3] — Король и шут “Смельчак и ветер”

[4] — Браво “Этот город”

[5] — Начало века “Тебя ждала”

[6] — Грай “В объятиях Мары”

Глава 2

Когда ему пришлось заказать у магов Хангыри новую чёрную ведьму, он совершенно не предполагал, что всё с её приходом в его жизнь перевернется с ног на голову.

Предыдущая чёрная умерла от хвори, с которой не смогла справиться. Все поудивлялись, но списали на старость, потому как злая эта женщина была чёрной ведьмой при Изарии уже столько времени, что никто и не мог точно посчитать сколько тиров она наводила страх на всех приближенных к дому Горан.

Сам Рэтар был маленьким мальчиком, когда ведьма уже была седой, как ему казалось, старухой, нет не сгорбленной, не сотрясающей своими костлявыми перстами воздух — она была худой, но статной, прямой как палка, на лице её можно было распознать красивые когда-то черты, высокие скулы, прямой нос, волевой подбородок. Она носила не те серые одежды, которые носили другие серые их дома, а более темные, и они делали её лицо мёртвым, лишенным красок жизни. Это лицо было похоже на жутковатую маску. Живыми были только глаза, но жизнь в них была полна ненависти ко всему живому.

Рэтар всегда старался как мог избегать встреч с этой женщиной. Нет, он не боялся — как сыну ферана ему ничего не грозило, но ему становилось каждый раз жаль всех тех, кого

эта женщина свела со свету. Даже врагов дома Горан было жалко, хотя, естественно, он никогда никому бы в этом не признался.

Когда он стал фераном и ему можно было использовать силу чёрной ведьмы по прямому назначению уже самому, Рэтар всё равно старался делать всё без её участия. А потом она внезапно ссутулилась, ссохлась, захворала и однажды просто не проснулась. Вот так бывает и с ведьмами — навалилось всё то зло, что она распространяла по миру и придавило её насмерть.

Но без чёрной ведьмы ему было нельзя. И хотя Рэтар старался не использовать призыв, но ему пришлось сделать это.

Было странно, но ведьму искали достаточно долго и они с Роаром отправились в башни Хангыри, чтобы забрать её. Однако в последний момент маги стали выворачиваться, говорить, что достанут другую, а ту, которую нашли, они отдать не могут.

Сначала они с Роаром решили согласиться. Однако радость, которая нарисовалась на самодовольных и раскормленных лицах двух магов, морочивших им головы, придумывая отговорки, чтобы не отдавать призванную ведьму, в конечном итоге разозлила Рэтара. И он потребовал отдать ту ведьму, которая была, и немедленно. Маги приуныли, но отказать они не могли. Феран Изарии был в своём праве, да и спорить с одним из самых влиятельных феранов Кармии было безрассудно даже для магов Хангыри.

Когда её привели, Рэтар не поверил своим глазам. Перед ним стояла взрослая уже женщина, а не юная девушка, как обычно бывает с серыми. У неё были тёмные с сединой волосы, короткие и растрёпанные в разные стороны. Лицо было круглое и мягкое, яркое, красивое: густые чёрные брови, глаза цвета пасмурного неба, на щеках румянец, немного курносый нос придавал ей задорный вид, а губы были припухшими, притягивающими к себе внимание. Фигура была женственной, округлой — небольшая грудь, живот, бедра скрывали юбки серого платья, которое ей шло как ему показалось как никакой другой серой. Тонкий пояс вытачивал талию, которую хотелось держать в руках. Взгляд пасмурных глаз был не озлобленным, как у всех чёрных, а бесконечно печальным.

Рэтару стало стыдно, что они вытащили эту женщину из её мира, оторвали от её привычной жизни. В голове представилась счастливая семейная жизнь с любящим супругом и крепкими детишками. У такой наверняка есть полноценная семья и Рэтар её отобрал. Он бросил на Роара быстрый взгляд и понял, что мысли их сошлись.

— Это достопочтенный феран Изарии Рэтар Горан, — тем временем пробурчал маг, который, как заметил Рэтар, отошел от ведьмы на приличное расстояние, — теперь ты будешь служить ему.

Женщина бросила на мага совершенно невообразимо прекрасный и уничтожающий взгляд, не злой, не полный ненависти или презрения, а просто уничтожающий. После она мягко присела, подогнув колени и склонив голову.

— Можно я этого малохольного прибью, достопочтенный феран Изарии Рэтар Горан? — спросила она хрипловатым голосом, похожим на шуршание варсы, поднимаясь из этого странного поклона, немного вызывающего, дерзкого.

Их взгляды встретились. Рэтар не был готов к такому вопросу, он подавился сдерживаемым смехом и одновременно смешался открытостью взгляда ведьмы, но тут вмешался маг, который завопил резким полным истерики голосом.

— Ты что не достаточно нам тут уже натворила? Что ещё тебе охота сделать? Достопочтенный феран, не ведитесь — злая, мерзкая, мелочная баба! Забирайте уже, раз так

хотели её получить! Всё, подите с ней вон! И имя её сами выведывайте!

С этими словами он предпочел побыстрее скрыться в коридорах башни магов странным образом стараясь прикрыть свою спину.

Роар приподнял одну бровь, с интересом наблюдая эту совершенно странную для этого места картину — обычно тут всё происходило чинно и размеренно. Этот бурный всплеск был прямо сказать нетипичным и озадачивающим.

— И чем же ты так их напугала, чёрная, — спросил Рэтар, когда они втроем, шли в сторону портала, который должен был доставить их домой. И это тоже было странно, потому как обычно хотя бы один маг сопровождал гостей, чтобы они не заплутали в коридорах башни Хангыри.

— Да ничем я их не пугала, тоже мне убогие, всего-то бородавок на задницы наговорила, а шума столько будто мужская немощь на них нашла, — ответила ведьма бодро идущая за фераном.

— Бородавки? — переспросил Роар замыкающий их небольшую процессию.

— Ну это... может лучше показать? — оглянулась на него чёрная.

— Эй, ведьма, я вообще-то митар Изарии, так что ты поаккуратнее, — возмутился Роар.

— А, ну раз митар, то могу на член их вам, достопочтенный, насрать, вместо задницы.

— Чего? — Рэтару показалось, что Роар это пискнул.

— Ну, девки зато счастливы будут, уж поверьте, потом, когда отвалятся, сами попросите вернуть, — пренебрежительно ответила ведьма.

Идущий впереди Рэтар, очень веселился слушая их разговор. Тан, который никогда не робел в присутствии женщин, сейчас был смущён и покраснел, как пойманный в клетку ханг.

— Как тебя зовут? — спросил Рэтар.

— Малохольные прозвали Хэлой, — ответила ведьма, слегка поведя плечом.

— А на самом деле?

— А какая разница? Я на Хэлу откликаюсь, а вам больше и не надо. Всё равно чаще всего будете меня или чёрной или ведьмой звать, ну или одно к другому.

На этом они дошли до комнаты, где был портал. Стоящего на посту привратника передернуло, когда он увидел ведьму, на что та только пренебрежительно хмыкнула.

— В Зарну, — обозначил привратнику место выхода феран.

— Достопочтенный феран, будьте осторожны с ней, силы в ней непомерно, как бы беды не вышло, может вы её того, вырубите?

Рэтар приподнял вопросительно бровь.

— Ударите и бородавками не отделаетесь, — предупредила ведьма, открыто глядя ему в глаза, как ни странно, без угрозы.

Он протянул ей руку и она с явным нежеланием дала ему свою руку. Пальцы у неё были ледяными.

— Ненавижу холод, — ответила она, видя нахмуренный взгляд.

— У нас еще холоднее, чем здесь, — ответил он.

— Да я и не думала, что будет легко, — снова дрогнувшее плечо.

Рэтар положил её руку к себе на грудь и наконец сделал то, что хотел с тех пор как увидел — положил руки на талию. Для его больших рук было в самый раз. Ростом ведьма была ему до середины груди и потому, чтобы посмотреть в его лицо с нескрываемым озорством ей пришлось запрокинуть голову назад.

— Я конечно не против всякого рода приключений, но совершенно не хотелось бы благодаря твоей “непомерной силе” оказаться в мало привлекательном месте, согласна? — подмигнул он ей, а она согласно кивнула. — Так что закрой глаза и задержи дыхание, стараясь ни о чем не думать.

Ведьма снова кивнула. Рэтар прижал её к себе крепче.

— Вдыхай, — шепнул он.

И круговорот портала схватил их, чтобы перенести в обозначенное место.

— Выдыхай, — снова шепнул он, когда увидел привычное ему помещение.

Хэла выдохнула и он, сойдя с каменных ступеней портала, легко взяв её за эту проклятую тонкую талию переставил на пол рядом с собой.

— Ого, — выдохнула она.

— Что?

В портале появился Роар.

— Да я уж думала, что только в мечтах меня будут на руках носить, как пушинку, — отозвалась Хэла и хихикнула. — Будете на руках носить — армию для вас завалю и не моргну.

— И бородавок не будет? — спросил Рэтар.

— Дадите одежду потеплее и не будет, — она наклонила голову и посмотрела на него взглядом, которым обычно девицы на выданье смотрели на своих суженных.

Рэтар рассмеялся.

“Вот же зараза ему попалась!”

Сейчас феран смотрел как его чёрная ведьма сидит среди зубцов внешнего балкона замка и кутается в чей-то круной подбитый мехом сквиры плащ.

— Хэла, — позвал Рэтар и лицо её преобразилось, когда их взгляды встретились.

— Достопочтенный феран, — воскликнула она, слегка склонив голову на бок.

— Я искал тебя, можешь спуститься?

Она снова повела головой и посмотрела вниз, задумчиво произнесла:

— Вот как забавно! Дома я в какой-то момент до смерти стала боялась высоты, даже на стул залезала с дрожащими коленями, а тут отпустило напрочь, — и тут же, переменив тон, игриво спросила: — Так достопочтенный феран меня искал? Вроде бы я ничего не творила сегодня, что могло бы вывести ферана из себя. Значит можно спуститься без страха получить взбучку?

— Я никогда не устраивал тебе взбучку, — ответил он. — И вообще-то меня не может остановить то, что ты там, а я здесь, если я захочу тебе её устроить.

Она немного надула свои невероятно притягательные губы, отчего лицо её стало по-детски озорным.

— Я хотел поблагодарить тебя за белую ведьму, — он старался говорить мягче, хотя чувствовал, что получается плохо.

Рядом с Хэлой Рэтар чувствовал себя как загнанный зверь и это его злило, и даже приличное количество дурманящей обжигающей воды, которой всех, вместо привычной им цнели, поила Хэла, не помогало отпустить напряжение.

Хэла аккуратно спустилась вниз, Рэтар протянул к ней руки, чтобы помочь спрыгнуть с выступа в стене, но в итоге просто снял её оттуда и поставил перед собой, на небольшую ступень так, что лицо её оказалось почти на одном уровне с его собственным.

— И что я могу получить в знак этой самой благодарности? — прошептала ведьма, стоя

вплотную к нему и это уже было слишком, потому как вот именно сейчас дурман налетел на его голову, забрав здравый смысл и оставив только обжигающее желание.

— И что же хочет моя несносная ведьма?

— А вдруг поцелуй? — снова этот её наклон головы, сводящий его с ума.

— А вдруг я соглашусь?

Её губы были опасно близко, взгляд был влажным и ловил отсветы из помещений замка, что были за его спиной.

— А не бойтесь, достопочтенный феран, что это испепелит вашу душу и лишит вас возможности возрождения в лучшем мире?

Эта женщина... ему проще было провалиться на месте, умереть прямо сейчас, или утонуть в пылу сражения, чем спокойно смотреть в эти глаза, красивые, глубокие, словно Нрава во время разлива, и всегда полные печали.

— Не боюсь, — прохрипел он.

— Хэла? — послышался из коридоров голос митара.

Расстояние между ними увеличилось и стало достаточным, чтобы дурман выветрился, а холод снова проник где только возможно.

— А чей это плащ? — спросил феран, пытаясь хоть за что-то зацепиться, чтобы не было этого щемящего чувства обиды от того, что кто-то разрушил эти чары, возникшие между ними.

— Кажется, Брима, — легко повела она плечом и для неё это было обычным делом вот так выворачивать его наизнанку, а потом делать вид, что ничего не произошло.

И захотелось утащить её в самый темный угол балкона и или удушить или уже наконец смять и сделать своей женщиной.

— О, достопочтенный феран тоже здесь? Тебя я тоже искал, — вид у Роара был потрепанный, взерошенный, было видно, что серые его совсем затискали. Впрочем он не очень сопротивлялся.

— А чего от меня желает достопочтенный митар, — улыбнулась Хэла, посмотрев на Роара, так, чтоб ей, как она только что смотрела на Рэтара!

— Я... ну... — этот взгляд и тон Хэлы мог кого хочешь вывести из равновесия и Роар не был исключением, — хотел поблагодарить тебя, Хэла.

“Хэла, я разорву тебя, клянусь”, — тяжелые злые мысли вгрызлись в Рэтара.

— За что? — она игриво приподняла бровь.

— За белую ведьму, я бы ни в жизнь её не успокоил, а тут еще феран напугал её до обморока, — Роар всё ещё был под влиянием игривого взгляда Хэлы.

— Я? — взвился Рэтар.

— Неужели? — улыбнулась ведьма и прямо посмотрела на вновь начавшего терять самообладание мужчину. — Не понимаю, что в нашем достопочтенном феране такого страшного, что он всех до визга пугает.

И хотя сказано это было всё в дразнящей и доводящей до грани манере, но это действительно задевало Рэтара в этой женщине. Никто не смотрел на него так, как она.

Даже впервые увидев. Он ждал, что увидит привычную реакцию — отвращение, жалость, страх, даже презрение, он видел эти чувства в глазах всех, кто смотрел на его лицо. Но Хэла, нет. Она смотрела на него открыто, прямо, словно не замечая никаких увечий, шрамов, ничего, что пугало и отталкивало остальных.

— Даже не знаю, — улыбнулся Роар.

— Потому что вы похожи на заросших медведей, — отозвалась ведьма.

— Медведей? — в один голос решили уточнить мужчины незнакомое для них слово.

— Ах, ладно, на... хараг! На хараг вы похожи с этими вашими бородами, — поправилась Хэла, которая частенько употребляла слова из своего мира, но здесь совершенно незнакомые.

Хараги были лютыми хищниками, лохматыми, огромными и хитрыми. Если в лес приходила харага, то мужики собирались целой группой не меньше десяти, а иногда и двадцати человек, чтобы прогнать зверя, или если уж совсем повезёт убить его.

— А насчет белой, достопочтенный митар, пока рано мне благодарности раздавать. Я её угомонила только, чтобы спокойно ночь прошла, а завтра проснётся ваша обновка с болью в голове, дырой в душе и страхом перед тем, что вокруг, и устроит вам такое, что мало не покажется. Идите отдохните лучше, а то глядишь это ваша последняя спокойная ночь, — она коснулась пальцем его носа, прыгнула и ушла, а её звонкий смех пролетел мимо них и удалился в коридоры замка.

Рэтар посмотрел на своего митара — Роар был в замешательстве.

— Пошли, спать, — позвал он своего тана.

Тот рассеянно кивнул, но не успели они далеко уйти, как снова наткнулись на Хэлу. Ведьма стояла возле стены и обнимала плачущую девочку:

— Ох, кукушонок мой, не надо бояться!

Еще одна странность этой чёрной ведьмы — она была доброй. Ни у кого, кто с ней здесь сталкивался, язык не мог повернуться, чтобы назвать Хэлу злой. С предыдущей чёрной ведьмой она была как день и ночь — ничего общего. И Рэтар был озадачен этой странностью.

Найта была сиротой, мать её была местной благой, которой кто-то заделал ребенка, но признаться в том не пожелал. А сама девушка вечно летала где-то в другом месте. И может вовсе не осознавала, что именно с ней происходит в этом реальном жестоком мире. Мита просила у старой ведьмы ребенка у девки забрать. И ведьма с лёгкостью могла это сделать, но не пожелала. Обещала забрать только, если сама дурочка придет и попросит, но этого конечно не произошло. Они все сомневались, что девушка вообще понимала своё состояние, тем более уж к ведьме ходить и просить о подобном.

Родила она с легкостью. Если бы не Мита, их стряпуха, которая благоую жалела и ходила по пятам, то новорожденная утонула бы в грязной луже, в которую упала, когда в прямом смысле выпала из матери. Сама мать через лунь исчезла без следа. Искали её, как говорила Мита, всем замком и ближайшими селениями, но так и не нашли. Потом кто-то говаривать стал, что дальше по реке Нраве уже на границе с кергатами нашли тело девицы и скорее всего это была благая. Ну, а куда ей ещё можно было деться?

В ту пору шла война и сам Рэтар знал всю эту историю только со слов домашних женщин, которые присматривали и воспитывали девочку, они же называли Найтой. Сама она была странной, такой же как мать. Смеялась не к месту, была почти взрослой, но речь и думы были как у маленькой. Мита давала ей самую простую работу и искренне старалась, как подозревал Рэтар, делать так, чтобы девочка не попадалась лишней раз на глаза хозяевам дома, то есть ему, Роару и Элгору.

Хэла называла Найту кукушкой или кукушонком и очень ласково с ней общалась. На вопрос самой девочки, что такое кукушка, ведьма ответила, что птичка такая и этим ограничилась. Впрочем, Найту и вечно переживающую за неё Миту, это объяснение

успокоило.

Найта, в конечном итоге, стала причиной, по которой Мита прониклась невообразимой любовью к чёрной ведьме. Любую другую ведьму она в свои стряповские владения не просто не пустила, ещё и прокляла бы в сердцах. Но Хэле можно было всё. Она даже имела совершенно непоколебимое право заваривать свои травы рядом с Митой. А Рэтар частенько заставлял их болтающими, сидя за столом после того, как дом погружался в ночной сон.

Один раз, невольно подслушав их ночной разговор, он узнал, что у Хэлы остались в её мире, как он понял, супруг, три сына и престарелая мать. А еще оказалось, что один из сыновей женщины был, как она выразилась, “не от мира сего, прямо как Найта”, и потому она относилась к девочке без брезгливости и пренебрежения. Хотя что-то говорило Рэтару, что причина была совсем в другом, или гораздо глубже.

Сама же Найта по своей простоте подошла к Хэле, когда ещё никто и ничего не знал о ней. Женщину обходили стороной, помня, что чёрная ведьма это зло и ненависть, сравнивали с предыдущей.

Хэла же словно и не замечала этого отношения. Поначалу она просто сидела в одиночестве на уступе в домашней зале в Зарне, тихо пела песни. И её постепенно облепили серые, теперь соседки и подруги по несчастью, призванные из своих миров девушки. Они выполняли более простую магическую работу, в отличие от чёрной ведьмы.

Найте же особенно нравились песни Хэлы, она наверное была самой её рьяной слушательницей и порой ей всегда было мало, но песен Хэла знала невероятное множество.

Сейчас они стояли возле стены коридора и Хэла успокаивала девочку, которая безутешно рыдала уткнувшись в плечо ведьмы.

— Мне приснилось, — всхлипывала она, — что меня сирги рвут на части, а я пытаюсь убежать, но у меня не получается... сирги злые, Хэла, такие страшные.

— Не бойся, кукушечка, не придут за тобой сирги, а если придут, то я тебя в обиду не дам. Или вот, — она повернулась к двум мужчинам, — достопочтенные феран и митар, что им сирги? Изрубят этих ваших собак и глазом не моргнут.

Заплаканные детские глаза обратились сначала к ферану, а потом к митару и при взгляде на него расцвели наивной и чистой радостью.

— Правда? — просила Найта всхлипывая из-за рыданий.

Они оба кивнули, соглашаясь.

— Вот видишь? Пойдём-ка спать, милая, — и Хэла повела девочку за собой в сторону комнаты, которая была жилой для серых.

— И, господа мои дорогие, заберите вашего достопочтенного бронара из нашей комнаты, богами всеми прошу, а то он мне там всех курочек перетопчет, — проговорила чёрная ведьма, закатывая глаза и давая понять, что Элгор уже почти исчерпал её терпение.

Роар усмехнулся и к невероятной радости Найты пошёл за ними в сторону комнаты серых.

Рэтар отправился к себе. Мысли путались, вились, метались. Он надеялся провалиться в пьяный сон, но у него не получалось. Закрывал глаза и видел перед собой Хэлу — видел её глаза, видел губы. Как же он хотел сделать её своей. Запреты сейчас были для него самым последним, о чём он вообще думал. Ему было плевать. Он уже столько тиров не чувствовал вот такого, как сейчас, да он наверное никогда такого не чувствовал. Она его душила, её было так много, что ему не хватало воздуха.

Рэтар подозревал, что если переступить черту, если пойти прямо сейчас, схватить её,

притащить сюда, подмять под себя, сделать своей, то легче не станет. Ему порой даже казалось, что она его приворожила, но мысль эта была мимолетной, дикой и пустой. Он не раз видел тех, кого приворожили, и знал, что на нём не было приворота. И эйол у него был опытный, он бы увидел приворот, как и любое другое злонамеренное магическое действие. Но Хэла была не такая. Кажется он с самого начала это понял. И с каждым днём всё больше убеждался, но легче от этого не становилось.

Она сидела занозой в его мыслях, преследовала Рэтара в его же доме. Куда бы он ни шёл он встречался с ней взглядами, слышал её смех, или пение. И это её пение... тишина была теперь такой щемящей, но когда Хэла пела эти свои странные песни, было ещё хуже. А когда она пела смотря прямо ему в глаза, как сегодня, он терял контроль. Через слова песен мука и тоска влезали холодными цепкими пальцами в душу, хватали за сердце, мучили мысли...

Выбор был не велик. Идти и уже наконец хватать ведьму, или искать другой способ унять себя.

Рэтар позвал наложницу. Шера пришла быстро, тихо и мягко ступая по каменному полу. Ничего лишнего, ни одного дерзкого взгляда и уж тем более слова. Податливая, согласная на всё, хоть убивай. Смиренная, неживая, пустая. Никакая.

Он выругался — не звал так долго и сейчас нечего было. Наложницы были не для него, они выводили его из себя, скорее раздражали, чем могли подарить удовольствие и уж тем более успокоение. Шера ушла так же тихо, как появилась.

Ему стало интересно, а как вела бы себя Хэла?

— Да чтоб тебе, Рэтар, — ругнулся он и натянул на себя поверхностный и беспокойный сон.

Глава 3

Роар весело посвистывая ввалился в рабочую комнату ферана, но весёлость улетучилась, когда он встретился взглядом с тяжелым, пронзительным взглядом своего тана.

— Спал ты плохо, как я понимаю, — заключил Роар.

— А ты хорошо, — отозвался Рэтар.

— Не могу пожаловаться, — митар повёл плечами. — Может разомнётся?

Учебный бой всегда шёл на пользу ферану.

— Может, — буркнул тот.

“Но видимо не в этот раз...” — мысленно заключил Роар.

И тут в их комнату ворвался всклокоченный и задыхающийся Брим:

— Достопочтенные... там... это... ведьма... — воин с трудом перевёл дыхание, — боги спасите! Лютует ведьма новая.

Все трое как один ринулись в сторону комнат серых, откуда слышался крик и вопли, смешанные разговоры, а у дверей собралась уже неприлично большая толпа зевак.

“Нехорошо”, — подумал Роар и начал протискиваться к двери.

Благо, когда зеваки из домашних понимали, что это митар и феран они и сами расступились, чтобы их пропустить.

“И что мы будем делать?” — митар начинал нервничать.

Хэла поутру ходила к реке на пару с двумя прирученными ею молодыми харагами, которых она спасла совсем крохами от охотников, когда только появилась у Горанов. И значит сейчас её тут не будет и им придется встретиться с разбушевавшейся белой ведьмой лицом к лицу самим.

— А вот и мои мучители, — зашипела девушка. — Что пришли, позабавится?

Она горько ухмыльнулась, потом всхлипнула:

— Отпустите меня домой, имейте совесть, что вам от меня нужно? Не могу я вам цветов наделать. Не умею я колдовать или чего вам надо, нет во мне магии! — она мотнула головой, обняла себя руками. — Я хочу домой, понимаете? Хватит меня мучить! Я хочу обратно! Хочу к брату, к бабушке! У меня сессия, работа, тренировки, абонемент в фитнес! У меня поездка на Байкал! Я её год ждала!

И она зашлась рыданиями, взвыла, заломила руки, кажется вцепилась в свои волосы. В ней было столько всего — злость, отчаяние, горе, боль, ярость. Такого не было ни разу ни с одной серой. По крайней мере сам Роар никогда такого не видел. Кто-то из серых их просто молча ненавидел, кто-то был смиренен и тих, или, как Хэла, был язвителен и резок.

Сейчас ему самому хотелось плакать вместе с этой маленькой девчонкой, которая билась, словно дикий зверь в клетке. Ему хотелось обнять её, хотелось прижать к себе, погладить по голове, пока она не перестанет плакать. Ему хотелось всего того, чего он сделать никак не мог. И от ощущения этого бессилия ему стало тошно.

— Тише, тише, — Роар силился вспомнить как же её зовут, ведь Хэла вчера это спрашивала и девушка отвечала. И почему он не слушал? — Прости, всё будет хорошо. Правда, мы тебя не обидим.

Это выглядело жалким, каким-то мерзким — стало стыдно за себя, за всех, за свой мир, который почему-то не справлялся сам и приходилось призывать кого-то из других миров.

Феран не помогал, он хмурился сильнее и сильнее, внутри казалось растёт раздражение и ярость, а это было очень и очень плохо. Тут белая ведьма снова обратила на них свой взор и снова с придыханием зашипела:

— Ты, — указала на него пальцем белая, — ты меня сюда притащил, тащи назад. Я хочу домой, ясно? Я-хочу-домой, чтоб вам всем...

— А ну, тихо, — резкий и полный злости голос Хэлы громогласно разнёсся над их головами и стало тихо.

Роар видел озадаченное лицо белой ведьмы, которая пыталась что-то сказать, но не могла. Её искривленный истерикой рот открывался и закрывался, она обвела их заплаканным взглядом, в попытке понять, что произошло. Вокруг повисла мёртвая тишина, в которой были только быстрые шаги Хэлы и шорох её юбок. Он обернулся на неё и встретился с невероятно страшным лицом — вот сейчас никто не сказал бы, что она не чёрная ведьма.

Скулы на мягком, круглом лице Хэлы ходили ходуном, взгляд был яростным и диким. Никогда бы он не встал на пути у чёрной ведьмы, у которой было такое лицо.

— И что вы тут устроили? — строго проговорила чёрная ведьма, кидая вопросительный взгляд сначала на одну из серых, а потом и на Роара.

Ответить он конечно тоже не смог — приказ тишины был един для всех.

— Ты что себе позволяешь, детка? — проговорила Хэла, обращая свой взор к белой ведьме.

С лица девушки сошла вся краска, так она испугалась подошедшую к ней женщину. И скорее всего того, что Хэла смогла сделать всего одним словом.

— Я скажу тебе это только один раз и никогда больше не повторю — в этом мире каждое сказанное такой как ты слово имеет значение. Ощутимое. Реальное. Слышишь? — Хэла ткнула девушке в грудь пальцем. — И будь добра зарубить себе на носу — ни-ког-да не кидайся такими выражениями, как “чтоб вам”, “идите вы” и прочее. Это ты дома могла

пожелать, чтобы у машины, облившей тебя грязью, колесо спустило. И вероятность исполнения твоего пожелания была равна нулю. Но в этом мире, твои слова имеют силу и будут стоить кому-то жизни! Понятно объясняю?

Белая ведьма с трудом кивнула и хотя Роар вообще не понял, о чем именно сейчас шёл разговор, но было понятно, что сказанное нашло какой-то отклик в девушке.

— Хорошо, — продолжила Хэла тем же жестким, хлестким словно плётка голосом. — Поэтому пока ты здесь, будь любезна, перед тем как хоть какой-то звук вывалится из твоего рта, сто тысяч раз подумать к чему это может привести. Поняла?

Снова обреченный кивок.

— Теперь про твои хочухи и желания. Ты можешь нас всех слезами залить до наводнения, но участь твоя от этого не изменится. Ты домой хочешь? К маме, папе, брату, детям, друзьям-товарищам? Сейчас хочешь, вынь да положи и никто твою беду и горе кручинное не понимает? — Хэла фыркнула и подбоченилась. — А вот представь себе, краля моя, что мы тоже не по туристической визе в этом тематическом лагере, а-ля полное погружение, отдыхаем, и как смена закончится, домой отправимся со спокойной душой.

Чёрная ведьма посмотрела на присутствующих здесь серых. На лицах призванных девушек были сожаление и сочувствие.

— И все мы не сиротинушки горемычные, у всех у нас тут вот девочек в серых платишках, есть мамы, папы, братья-сестры, бабки-дедки, а у кого мужа и дети настоящие реальные существуют, кошечки-собачки, хомячки, рыбки в аквариуме, — Хэла качнула головой. — Думаешь, нам не хочется домой?

Белая ведьма странно дёрнулась, перевела взгляд на серых.

— Только если мы будем каждый раз, когда внутри тоска волками воет, истерику закатывать и ножками топтать, то пустят нас в расход за милую душу и не поморщатся. — пояснила женщина. — А если тебе того и надо, то давай ты сразу мне об этом скажешь — мол, не в моготу, не хочу-не буду даже пытаться привыкнуть, учиться ничему не желаю, все вы тут ужасные и воротит меня от вас. И смерть кажется славной и приятной!

И Хэла взяла девушку за подбородок:

— И я тебе с удовольствием помогу, отведу тебя на реку, она тут недалече, и камень тебе на шею повяжу, хоть сегодня вечером пойдем, на закате красота там невообразимая. Только учти вместо тебя они новую девицу выдернут, потому как им она позарез нужна — надоело всем задницы морозить.

Белая хотела что-то возразить на это, но лишь открыла и закрыла рот в полной тишине.

— А не у всех получается сразу, — ответила ей чёрная. — Это тебе не криком орать, что ты с рождения умеешь делать, этому учиться надо.

Было видно, что Хэла уже успокоилась и голос её становился ровнее, она не шипела с придыханием, злость сходила, и стоящий от неё сбоку Роар видел это по приходящему в норму лицу.

— И еще вот что, — Хэла указала на девушку пальцем. — Коли ты решишь всё же с нами остаться, то запомни раз и навсегда одну вещь...

И женщина почти вплотную придвинулась к её лицу:

— Если ты хоть кому здесь причинишь вред своими словами намеренно или бездумно, то ты будешь иметь дело со мной. И поверь мне, детка, ты пожалеешь о каждом дне своей жизни и проклянёшь тот, в который родилась на свет.

Девушка сглотнула и глаза её снова наполнились слезами, она действительно испугалась. И на самом деле было чего бояться. Хотя белая и не знала пока что тут к чему, но сам Роар наверное дрогнул бы от такой угрозы, потому что сильнее этой чёрной ведьмы они еще не видели.

Сила в ней была через край и эйол говорил поминая богов, что это оттого, что Хэла взрослая женщина, а не девица неразумная. Если бы чёрная была девушкой, какими обычно призывали серых, то и силы в ней было бы немного, сила бы росла постепенно вместе с тем как выросла бы чёрная. Так было с предыдущей, и старожилы говорили, что злючей и ненавидящей всё и вся она стала уже после того как пробыла в их мире с десятков тиров. Правда причину этой перемены никто так и не смог припомнить. Но, даже несмотря на это, у прошлой ведьмы силы было в разы меньше, чем у этой.

— А теперь, почтенные и иже с ними, — Хэла развернулась к нему, Рэтару и зевакам за их спинами, — представление окончено, оваций не надо, идите с богами вон из нашей комнаты!

Она сделала жест руками, прогоняя их, но сама пошла за ними следом:

— А мне ещё деточек надо выгулять, а то и не выйти теперь, чтобы не бояться, что тут всех чума не поразила, или черти не утащили кого, — проворчала женщина недовольно.

Рэтар развернулся, чтобы уйти, а Роар с тоской смотрел на молчащую девушку, которая была настолько несчастной сейчас, что ему хотелось завывать харагой.

— Идите, почтенный митар, всё будет хорошо, — поймала его взгляд чёрная ведьма.

Он обречённо нахмурился и развернулся на выход.

— Ты сказала, что поможешь ей утопиться, — отозвался Роар в коридоре, когда они шли прочь из покоев серых и здесь уже к ним вернулась возможность говорить.

— Скажу так, почтенный митар, если она действительно белая, и исходя из того, что я о них вообще знаю и представляю, она ни за что не согласится убиться зная, что это повлечёт за собой призыв новой несчастной девицы. Так что не переживайте — на вид она настоящая белая.

— Никогда не видел такого у серых, я про её состояние, — недоумевал он.

— Это потому что нам её рано отдали, — отозвался идущий впереди Рэтар.

— В смысле? — не понял митар.

— В смысле, истерики серых случаются там, у магов, — отозвалась ведьма. — Все истерят, почтенный митар, все до единой. А когда успокоятся маги их уже отдают тем, кто их призыв заказывал. Я же не зря тебя вчера предупреждала, что она ещё шороху тут наведёт, или забыл?

— Не забыл, — Роар тоже стал угрюмым, как и его феран.

Хэла улыбнулась, повела плечом и вышла в морозный двор следом за Рэтаром.

“А куда собственно они идут?” — в недоумении остановился митар, наступив на мёрзлую землю.

Во дворе к ведьме тут же подлетели две хараги. Они были еще маленькими, всего по четыре луня каждому. Но даже сейчас спины их были на уровне бедра Хэлы, а ведь твари вырастут и станут примерно в три раза больше, чем сейчас. Роара передернуло.

— Как ты их не боишься, — хмыкнул он, видя как женщина немного нагнулась и подставила лицо навстречу пастьм зверей, которые поочередно лизнули её своими серыми языками.

— Бояться надо людей, достопочтенный митар, а не животных, — ответила ему Хэла. — Здесь, если чувствуешь их, читаешь с умом повадки, то всегда можно понять, что к чему.

— А у людей?

— А у людей, — она вздохнула, и повела головой. — Сейчас улыбаются в лицо, а как отвернешься — нож под лопатку и дело с концом.

Роар ничего не ответил, Хэла выпрямилась цокнула языком и две ужасающие твари встали от неё с одного бока:

— Достопочтенный феран, сходите к Мите и попросите у неё отвар, что я вчера сварила. Она знает. Пары глотков хватит, — обратилась она к Рэтару.

— А? — феран в недоумении посмотрел на ведьму.

— Чтобы голова прошла, — улыбнулась она и пошла прочь, а твари посеменили следом, за крепостную стену, в поля, чтобы вдоволь набегаться.

— Чего ты сюда пришёл? — поинтересовался Роар у тана, глядя вслед ведьме и двум её чудищам.

— Ты потренироваться хотел, — отозвался Рэтар и стал снимать свою верхнюю куртку.

Роар улыбнулся:

— Только жалеть тебя, старик, я не буду.

— Посмотрим кто кого в конечном итоге пожалеет, малец, — фыркнул феран и обнажил меч.

Глава 4

После того как Хэла вышла из комнаты, тишина, наступившая с её приказом, прошла. Милена осела на пол, ошарашенная и пораженная. Ей было отчаянно стыдно, обидно, слёзы душили, но словно не было больше сил на то, чтобы они выходили наружу. К ней подошла одна из девушек, мягко обняла за плечи:

— Не надо сидеть на холодном полу, милая, хвори у серых никто не лечит.

Голос её был таким приятным, тягучим, глубоким, а сама она была такая небольшая, круглая, ладная. Лицо из-за круглости было без единой морщинки, выглядело детским, приятным. Светлые глаза и волосы могли бы сделать её внешность бледной, но румяные щёки давали ей столько цвета и яркости, что прилагательное “бледная” было последним, что приходило на ум глядя на неё.

Милена поддалась и встала. Её усадили на кровать.

— Вот так! Меня зовут Грета. А это Сола, — она указала, на худенькую девчушку, которая присела на кровать с другой стороны от белой ведьмы. — А вон там Анья и Карлина, а еще есть Донна, Маржи, Оань, Лорана, Томика, Куна и Йорнария. Мы хотели звать её Йорна, но она злиться страшно, так что не уменьшай её имя ни за что.

Кто-то хихикнул, кто-то улыбнулся.

— А я Милена, но можно Мила, — ответила она, ей было так пусто, что хоть действительно иди топись.

— Мы понимаем, что тебе плохо, правда, — проговорила та, которую Грета назвала Сола, голос у неё был высоким, даже писклявым. — Я, когда попала в белую комнату рыдала до беспамятства, а потом приходила в себя и снова рыдала. Даже не знаю, сколько времени я там провела. У меня мамочка больная совсем, мне надо ей помогать, но я здесь, а она теперь там, а может и нет её больше. Я тут уже больше одного тира, наверное и у меня там итор прошел целый.

Девушки начали горестно вздыхать, кивая.

— А у меня было исследование, были подопытные, были отчёты — работа всей жизни! А теперь я стираю и полы мою, — проворчала высокая, стройная девушка, с темной кожей и светлыми волосами, вытянутым, но приятным лицом с глазами цвета миндаля и голосом гулким и очень похожим на мужской. — Я Карлина.

— А я вот не жалею теперь, что тут оказалась, — отозвалась та, которую Грета назвала Аньей. — У меня был голод в поселении, отец у меня был жестоким, бил меня, принуждал ко всякому, а накануне, как я сюда попала, он мне сказал, что отдаст своему другу, старому, жуткому!

Она сморщилась:

— Как вспомню — выворачивает. А ещё я тут хоть ем нормально, и работа совсем не тяжелая. Вот ведь задача — полы мыть, — и она закатила глаза, перед этим бросив взгляд в сторону Карлины.

На вид Анья была самой младшей из всех присутствующих. Милена дала бы ей лет двенадцать, если бы не её взгляд и какая-то еле уловимая манера говорить, словно она давно уже не ребенок. Хотя конечно как можно быть ребенком, когда с тобой такие страшные вещи происходили.

— А на Хэлу ты не обижайся, она хорошая, строгая, но добрая. Справедливая. И очень сильная, бывает страшной, — повела головой Грета. — Но я вот застала предыдущую чёрную ведьму, что вместо Хэлы была — кровавый понос можно было от неё получить только за то, что не так в её сторону посмотрела.

— Боже, — всхлипнула Милена.

— А Хэла не такая, — поспешила добавить круглолицая серая.

— Ты поспи, — погладила её по спине прохладная рука и ей показалось, что рука эта наверняка принадлежит Карлине.

— Я не понимаю, — всхлипнула Мила. — Почему я?

— Так никто не знает, — отозвалась Анья. — Это вот так вот и всё.

Это заявление было такой жирной точкой, не терпящей никаких дальнейших вопросов или возражений.

Милена легла, закрыла глаза, её трясло и она не могла понять отчего — от истерики или от холода. На неё находила икота, нос был забит соплями, из-за продолжительного плача. Она шмыгнула им и кто-то из девушек услужливо дал ей отрезок ткани, чтобы она могла высморкаться. А потом они накрыли её чем-то тяжелый и тёплым.

В голове девушки возникла мысль о том, что какими же иногда бывают приятными простые и даже неприглядные вещи — платок, вот, например.

Сон накатиł незаметно, утянул за собой во мрак безысходности.

Когда Милена проснулась комната была залита мягким розовым светом.

— Это у них второе светило садится, — подала голос Хэла, сидящая на кровати, что стояла рядом с кроватью, на которой спала Мила.

Всё тело девушки нещадно болело, кожа лица была натянутой от соли в слезах. Как бы было хорошо умыться, но шевелиться совершенно не хотелось.

— Второе светило? — в недоумении переспросила она.

— Ага, не спрашивай. Я вообще не очень понимаю как тут что. И почему при том, что солнце у них в двойном размере всё равно холодно, как в холодильнике, — фыркнула женщина недовольно. — Тут много еще такого, что невозможно понять, сравнивая с нами.

Короче, я хоть физику знала не очень хорошо, но тут поняла, что если бы и знала, то мне это не помогло бы ни разу. Некоторые её законы тут вообще не действуют.

Она усмехнулась, потом перевела взгляд на Милу:

— Хотя о какой физике может идти речь, если слова имеют реальную силу. Я вот по первости так ими давилась, жуть. Я знаешь как чертыхаться люблю? — Хэла вздохнула. — Но как представлю, что за вакханалия тут начнется, если я пошлю всех к чертям. Становится не по себе.

Она замолчала и Милена всё пыталась понять её слова, ей всё ещё казалось, что это дурной сон. Длинный, ужасно длинный сон. Но может всё-таки он закончится? Может ещё немного и она осознает, что можно просто открыть глаза и оказаться где-то там, где воздух пахнет всяким дерьмом, слышен постоянный шум машин, где грязный снег на улицах слезает весной и обнажает собачьи экскременты и это на самом деле прекрасно?

— Топиться-то пойдём? — спросила Хэла внезапно, выдергивая Милену из тяжёлых размышлений.

Она нахмурилась. А может именно это и нужно сделать, чтобы проснуться.

— А мне поможет это проснуться? — спросила она скорее у вселенной, чем у сидящей рядом женщины.

— Ну, это всё относительно, — отозвалась та, — может это кома, и типа ты в больничке такая лежишь и опа из комы вышла и все счастливы.

И Хэла развела руками, улыбнулась натянутой неестественной улыбкой.

— А может ты умрешь и попадешь в загробный мир, о котором все говорят, — она хмыкнула. — Хотя вот для меня, я уже где-то в чистилище отвисаю, а значит какой смысл еще раз умирать? Только потрачу своё время. А есть ли оно вообще у меня, это время? А может это и правда очень хреновый сон, который оказался охренительно долгим и вот те раз — утопилась и проснулась?

И женщина только что очень серьёзно всё это говорящая, хитро подмигнула девушке.

— Но мне кажется, раз уж и так всё зашибись фигово, к чему усугублять? И вот я тусую. Но каждый решает сам.

— Они найдут другую? — спросила Мила.

— Да, всегда так. Одна уходит — приходит другая.

— Куда уходит? — оживилась девушка.

— Умирает — от болезни, старости. И конечно есть такие, кто сами, не справляются.

— И много таких? — почему-то Миле стало отчаянно не по себе.

— Бывает. Это же ужас. Я вообще не понимаю как я в себе ещё. Хотя может и не в себе, может я уже давно того, с крышей своей распрощалась. Не знаю. Если бы не это, — Хэла показала Милене мобильный телефон с воткнутыми в него наушниками, — я бы точно уже выпилилась.

— Это? — девушка не верила своим глазам. — Телефон?

Женщина кинула.

— Но как? И... зачем?

— Как? Потому что все приходят сюда с чем-то своим. Странными порой вещами, я тебе скажу, но что-то притаскивают, — улыбнулась женщина.

— И я? — Милена недоумевала.

— Серьги, — указала ей на уши Хэла и руки сами потянулись к ушам, чтобы осознать.

Три серьги в одном ухе и одна в другом были на месте.

Мила всхлипнула — одну пару гвоздиков ей подарил папа, а вторую бабушка.

— У кого что: браслеты, кулоны, амулеты, книги, даже есть снежный шар, микроскоп и из очень полезного маникюрный набор.

— А?

— Ага, представляешь, — Хэла ухмыльнулась. — Я вот думаю, а как они в средневековые ногти занимались? Грызли наверное. Типа сидит такая королева, а у неё ногти обгрызенные. Хм, шикарно!

И она захихикала, чем заставила Милену улыбнуться, хотя в голове возникла масса непонимания.

— А шар? — нахмурилась девушка.

— Вон там, — Хэла указала рукой на полку у одной из стен их просторной комнаты. — Видишь? Здешний музей бесполезных вещей.

И Милена посмотрела на полку, заставленную разными странными вещами.

— Микроскоп?

— Ага, хотя немного не такой, как мы с тобой привыкли, ну он из другого мира, в общем, не из нашего. И еще секстант и компас — бери и плыви, — и женщина задорно усмехнулась. — Хотя что измерять секстантом не понятно, да и компас тут бесполезен. У него стрелка вертится по кругу без остановки.

— То есть тут нет полюсов? — спросила девушка.

— Да черт их разберет, что у них тут есть. Порталы есть. Вот это круть — вошел в одном месте, а вышел в другом. Эх, на море бы сейчас, на песок, под пальму... — вздохнула Хэла и пропела. — “Найди меня, мама, на фото, крайняя справа” [7]

— А зачем тебе телефон? — спросила Милена.

— Музыка слушать, — как само собой разумеющееся ответила женщина. — Я ужасно музыку люблю. Если бы у меня в ушах была тишина, я бы точно не сдюжила.

— Но... тут же нет электричества, телефон разрядится и всё. Он что столько времени работает? Или это? Сколько ты тут? — у девушки в голове была просто невообразимое количество вопросов.

— Магия, — подмигнула ей Хэла, потом села в позу йога на кровати и сложила руки ладонями друг к другу. — Зацени!

Она стала разводить руки в стороны и между ними появились всполохи тока, на вид самого настоящего — это было потрясающе, как будто фокус.

— Я прям Тесла, — женщина лукаво подмигнула девушке и свела руки обратно. — Этим не только телефон можно подзарядить, но и человека завалить, да и не одного.

— Это же... оу, — Милена сдержалась, чтобы не ругнуться. — Прости, чёрт, охрененно!

Она села и во все глаза уставилась на собеседницу.

— А ещё я могу с водой всякое делать. Например, превращать в алкоголь. Но только такой, какой хотя бы раз в жизни пила. Если не пробовала то сделать не смогу. Вот бадяжный ром могу, а элитный коньяк сорокалетней выдержки — нет, — и она развела руками, пожалала плечами в шутливом сожалении. — И коктейли могу, но не всегда то, что нужно получается.

— Так это ты сделала мне водку вчера?

— Ну а то ж! Ты же не думала, что они тут спирт умеют гнать? Хотя брага у них тут есть — типа сидра из фруктов делают, но так себе градус, скажу я тебе. Меня не берёт вообще.

— А что еще кроме водки, рома?

— Говорю, что хочешь — кроме водки и рома, коньяк же, текилу могу, и вискарь, джин, бурбон, портвейн, ликёры всякие, вино, и пивко можно, и даже шампанское. Только выдыхаются они моментально, а на следующий день от шампанского похмелье так фигачит — мама не горюй.

— Хэла это же... — Милена запнулась пытаясь найти слова, покачала головой.

— Я подумала, что больше и не надо ничего. Музыка, — она указала на телефон, — алкашка — жизнь прекрасна!

— А откуда музыка, интернета же тоже нет...

— Я мамонт, детка! — торжествующе улыбнулась Хэла. — У меня музыка на карте памяти, несколько тысяч треков — почти всё, что душа хочет. Только они не слышат её, представляешь? Для них это просто странная штука черного цвета и всё.

— В смысле?

— Ну вот так, — Хэла развела руками. — Никто не слышит музыку, кроме меня.

— Но я слышу, — нахмурилась Мила, прислушиваясь. В тишине она различала музыку. — В наушнике сейчас же играет, да?

— Хм, — женщина приподняла одну бровь. — Может это, потому что мы с тобой из одного мира и музыка одна?

— А много миров?

— А кто ж знает? — пожала она плечами. — Мне кажется и эти их маги не знают точно. Тащат сюда девок, как попало — насколько я поняла любая "особь женского пола" не из этого мира обладает способностями сродни колдовским. Правда у всех разной интенсивности и силы.

— А я?

— Давай по порядку, хочешь? — спросила Хэла.

Милена закивала.

— Короче, все девки из других миров — это серые. Все. То есть и ты, и я, тоже изначально серые. Только с оговоркой. Я чёрная ведьма. А ты белая ведьма, — и женщина сделала такой выразительный жест рукой, как к столу пригласила. — Статус немного другой, но всё равно мы все призванные и носим серые одежды, живем отдельно от всех остальных. С нами нельзя тесно общаться, запрещается куча всего.

И она прищурилась, видимо пытаясь припомнить:

— Например, мы работаем по дому — убираем, моем, стираем, но не готовим, потому что готовить нам запрещено, но при этом грязная посуда тоже на нас. То есть мыть посуду можно, а готовить нельзя, — и лицо её слово ожило, недовольно скривившись. — Нас не лечат лекари — это запрещено. Поэтому, если мы боеем, то справляемся сами. Обычно бывает так, что можно что-то незначительное заговорить — ну как знаешь эту поговорку: “икота-икота, уйди на Федота”?

Мила кивнула и улыбнулась.

— Почти тоже самое. Есть серые, которым очень хорошо такие заговоры даются — обожгла или ударила палец, а тебе его другая серая заговорила, чтобы прошло побыстрее или хотя бы не сильно болело. Но это не касается ведьм.

И девушка снова кивнула головой, пытаясь осознать слова.

— Ведьмы они намного сильнее, для них заговор это фигня, простота. И тут вообще почти у всех домов, хм, — Хэла поморщила нос, — знатных, скажем, есть свои чёрные

ведьмы. Они нужны, чтобы творить зло во благо дома, которому служат. То есть на войне там кого завалить без лишнего шума или в назидание хворь какую напустить. Так же помогать внутри дома. Хотя обращаются к чёрным ведьмам конечно в последнюю очередь, когда всё уже, прям больше никаких вариантов не осталось.

— А меня они зовут белой, — уточнила Милена.

— Потому что ты и есть белая. Это редкость очень большая. Прям ты диво-дивное, чудо-чудное, понимаешь?

Девушка отрицательно повела головой:

— И зачем нужны белые?

— Тебя конкретно призвали, чтобы в Изарии пришла весна, но они называют её порой цветения.

Мила нахмурилась.

— Короче Игру престолов смотрела-читала? — спросила Хэла.

— Ну так...

— Так вот там северяне всё ходили и вещали “зима близко” и типа зиму ждали долгою и неизвестно насколько затянувшую волынку?

Мила кивнула и улыбнулась — Хэла и её слог невероятно забавлял.

— Так вот тут эта зима пришла как раз и всем уже припекло, а точнее заморозило и ещё немного и совсем будет туго, — и женщина снова развела руками, повела плечом. — Мор, голод наступит, срочно нужна весна, понимаешь? Но такие вещи может только белая ведьма, их тут не было уже много лет, точнее тиров, и вот...

— Стой, — Милена втянулась в объяснения пытаюсь понять, что к чему. — Тир это что?

— Местный год, — ответила Хэла. — В нём тринадцать луней. И нет, никакого отношения к луне, потому что луны, как у нас, тут нет.

Белая ведьма открыла было рот, но потом закрыла, только нахмурилась сильнее.

Хэла усмехнулась и продолжила:

— В одном луне около двадцати трёх дней. Благо, что хоть день это день, а ночь — это ночь. Хотя сутки называются — мирты. Про часы не спрашивай, — чёрная ведьма фыркнула и махнула рукой, — дичь какая-то и я не хочу даже понимать, что к чему.

Она закатила глаза и указала на окно:

— В целом два светила — сначала время одного, его называют Изар, потом время их двоих “изатэфа”, потом время другого, его имя Тэраф, а потом просто — темень.

— Боже, — проговорила Милена, пытаюсь хоть что-то понять.

— С этим, кстати, тут тоже весело, — гоготнула Хэла. — Есть верховный бог, и много каких-то других, левых. Типа как в Древнем мире, но эти тут утверждают, что раньше боги спускались и творили всякий беспредел, а потом перестали, и, о кстати, именно это привело к тому, что колдовать стало тяжело и стали призывать новую силушку из других миров.

Хэла была такой артисткой, что несмотря на озадаченность, непонимание и кашу в голове, Мила улыбнулась.

— И возвращаясь к тебе, — женщина указала на неё пальцем. — Ты должна прогнать зиму, развести тут сады.

— Но, — девушка хотела возразить, но Хэла подняла руку в останавливающем жесте.

— Зима тут два с половиной тира длится. Все задолбались и решили отдать последние портки и призвать белую ведьму.

— А кто решил? И почему это я? — растерялась Милена. — А может это не я вообще.

Может они на другую смотрели, а меня выдернули по ошибке. Или как? Я вот вообще ума не приложу, как я должна сделать тут весну. У тебя как получилось электричество? Водка?

— Само собой, вообще-то, — пожалала плечами Хэла. — Но ты на меня не смотри. Белые всегда слабее черных, и всегда дольше разгоняются. Так что не жди, что прямо завтра ты такая палочкой волшебной махнула и опа всё цветет и благоухает. А решили люди — они к ферану пришли с прощением, бабки принесли, и ему пришлось сделать запрос магам на белый призыв. Ждали тебя, кстати, несколько луней.

— А ты?

— А что я? Я злюка та ещё, мне видимо на роду было написано всех мором морить, вот и фигачу теперь, — она прищурилась и хихикнула. — Вместо откинувшей тапки предыдущей чёрной ведьмы меня призвали. Я им там этим магам такого шороху навела, что они меня вовек не забудут.

— А вот эти мужики, — нахмурилась девушка, вспоминая жуткого дядьку со шрамом и его суровый взгляд, которым он сегодня на неё смотрел, — они...

— Которых ты сегодня утром чуть не извела?

— Ну, я не знала, я просто очень расстроилась, — Милене стало стыдно и снова слёзы подступили к глазам. — Я так хотела дома проснуться... а тут... Я постараюсь больше так не делать.

— Да брось, мне понятно всё, — женщина махнула рукой. — То есть пока не топимся?

— Не хочу, чтобы ещё кто-то тут оказался вместо меня, — ей и вправду было грустно от этого.

Почему-то в памяти всплыли обидные слова матери, которые оказались действительно последними — кажется она всё-таки снова разрыдается.

— Ладно, если передумаешь — я к твоим услугам, — подмигнула Хэла, чем вызвала невольную улыбку. — Так вот мужики. Ага. Феран — он как местный, чтобы было понятно, лорд. Или феодал. Область, в которой мы находимся, называется Изария и она как бы на "северо-западе" этого континента и является частью страны, которая называется Кармия. Изария это граница и обязанность достопочтенного ферана её охранять.

— А феран?

— Достопочтенный феран, — поправила её Хэла.

— То есть они это словосочетание не просто так выговаривают? — уточнила Милена.

— Неа, не просто так.

— А достопочтенный феран — это тот, что со шрамом? — она была уверена, что он главный.

— Да. Достопочтенный феран Изарии Рэтар Горан, — подтвердила догадку Хэла.

— А тот, что меня сюда притащил... м... м... — Мила силилась вспомнить слово.

— Митар, — подсказала женщина и улыбнулась. — Шикарный молодец с внешностью голливудской звезды — это достопочтенный митар Изарии Роар Горан. Он заместитель ферана, его правая рука, полноправный наследник его титула.

— А тот темный?

— Элгор? Он достопочтенный бронар Изарии Элгор Горан, наследник титула митара, ну и в дальнейшем, если все помрут внезапно, наследник титула ферана.

— Они все братья что ли? — от этих названий Милена окончательно потерялась.

— Почти, — кивнула женщина. — Феран митару и бронару приходится таном, ну и они ему, или, если по-нашему, они двоюродные братья. Их отцы родные братья. А митар и

бронар братья по отцу, единокровные, матери у них разные.

— Они совершенно друг на друга не похожи, — буркнула девушка пытаясь уложить услышанное в голове.

— Да нет, похожи, — ответила чёрная ведьма. — А если темень и колючесть из бронара убрать — прям вообще очень похожи.

— Единственное, в чём я вижу схожесть, это их размер, — заметила Мила. — Они просто огромны. Хотя, судя по всему, тут это нормально?

— В Изарии — да, — кивнула Хэла. — Почти все изарийские мужики здоровенные детины. Но вот там, в остальном мире, так сказать, есть разные. Я видела в столице совсем неприглядных мужичков.

— В столице?

— В столице Кармии, она называется Йерот. Там есть место недалеко от города, называется башня Хангыри, это башня магов. Туда призывают всех серых. Ты там была, но судя по всему не очень долго, а я вот долго была, и даже в столице побывала, — Хэла недовольно поморщилась.

— А много еще областей и городов? — стало интересно.

— Ну в целом достаточно, — снова кивнула Хэла. — Кармия, как я поняла, очень большая и богатая страна. В основном плодородная земля, есть горы, в которых добывают всякие всячноти — камни драгоценные, они тут вместо денег. Металл какой-то, сродни нашим золоту, серебру, меди там... Ещё какой-то прочный — из него делают оружие и доспехи.

Милену от воспоминания об оружии передёрнуло.

— Есть много лесов, в которых много дичи. На полях пасется скотина. Реки, выходы к здешним морям. И всем соседям хочется это заполучить, поэтому здесь постоянно кто-то с кем-то воюет. И если конфликты внутри страны как-то удалось усмирить, то с соседями всё не так просто. В целом, если ты хоть немного знаешь о том, что происходило в Средневековой Европе, то ты очень даже знаешь, что твориться здесь.

Милена была в ужасе. Ей было по-настоящему страшно. Она не понимала, что она здесь делает и даже вот все эти чудеса, которые показывала Хэла не давали ей понимания того, что происходит. Внутри была невыносимая пустота, заполняемая страхом, отчаянием, болью. Милена словно хоронила себя. Это было невыносимо. И мозг всё ещё отказывался принимать то, что это реально, что это не сон.

Розовый свет постепенно стал более тёмным, потом вернулись девушки. Зажглись верхние люстры. Они болтали, смеялись, кто-то снимал свои серые платья и шёл куда-то в нижних одеждах без рукавов, похожих на ночные сорочки бабушки Милены, но в отличии от них, эти были серого цвета.

Привычного белья не было: ни лифчиков, ни трусов. Эти нижние сорочки до колена, к удивлению Милены мягкие, как трикотажные, хотя на вид они были похожи скорее на накрахмаленный хлопок. Сверху надевали платье, похожее по виду на шерстяное. Оно было теплым, будто с подкладкой, не сковывало движений, сверху некоторые девушки надевали что-то вроде безрукавок, внутри подбитых мехом, а еще был плащ с капюшоном, как кстати и платье. На головах у девушек были как будто платки или чепцы, серые конечно.

Сами девушки были разные — светлокожие и темнокожие, с волосами цвета воронова крыла и светлыми, почти белыми непослушными прядками, была даже такая у которой волос был цвета буро-зеленой болотной жижи — Милена подумала о краске, но когда

увидела девушку обнаженной поняла, что нет... дело не в краске. Но все они были людьми. Ничего необычного — худенькие и полненькие, высокие и совсем нет, смешливые и угрюмые. Одни весело болтали друг с другом, словно девчонки из летнего лагеря, а кто-то придя после, как поняла Милена, работы, мылся и сразу ложился спать не желая участвовать ни в каких дискуссиях.

Но что было совсем странным для самой Милы всё всё совершенно не походило на комнату, где содержались невольницы или рабыни, похищенные из своих домов и привезенные на чужбину для суровой и тяжелой работы.

Внутри у самой девушки всё рвалось и опускалось. Она хотела выйти вон, или закрыть глаза, а когда открыть — оказаться где угодно, но не здесь. В конечном итоге она закуталась в то, чем её укрыли ещё с утра и снова провалилась в сон.

[7] — Iowa “Мама”

Глава 5

Вставать рано утром Хэла ненавидела всегда. Это была почти мука смертная, в обыденной жизни доставляющая невероятный дискомфорт. Но тут поднимались рано и с лучами первого светила надо было уже вылезать из постелей.

В Трите было приятнее с гигиеной — умылись, оделись, причесались. Потом еда, за ней — дела. И хотя Хэла могла не делать ничего, она всё равно делала. В разные дни она помогала серым то в одной работе, то в другой.

Думать о доме она себя отвадила — было слишком больно, слишком щемило сердце, выворачивало наизнанку, накатывала паника и казалось, что ещё немного и Хэла умрёт. И, несмотря на то, что в своей обычной жизни она домашнюю работу не любила, но тут это была просто отличная идея — натирать полы, стирать бельё, убирать в этих бесконечных комнатах, даже мытьё посуды, тем более, что в нём она практиковала свои магические умения.

Когда была в башне магов, она справлялась с состоянием пустоты и страха просто напиваясь. Делала из воды какой-нибудь забористый алкоголь, вставляла в уши наушники и умирать было уже не страшно, а “ну, норм”. Но в башне не было понятия времени. Не было дел. Ничего не было.

А тут...

Попав в Изарию, Хэла поняла, что своим алкогольным трипом окончательно подорвала здоровье, угрохала режим дня и перестала спать. Но, по правде говоря, она никогда не могла нормально спать, когда была пьяна. Могла отрубиться только, когда алкоголь попадал в организм, а вот потом — пропустил момент и, здравствуй, бессонница, а порой и паника.

И если в башне, находясь в белой комнате, можно было снова выпить и трава не расти. То вне башни стало не так всё просто. Когда, наконец, вот он свежий воздух, когда вернулось понимание дня и ночи, когда вокруг стало что-то происходить, когда появились люди, хоть какие. И несмотря на то, что Хэла людей не очень любила, но она всегда жила по правилу “относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе” и потому, хоть и оказалась внезапно “чёрной ведьмой”, призванной для причинения вреда — творить всякого рода беды совершенно незнакомым ей людям и в голову не приходило.

И ещё важным для Хэлы было то, что немного побыв здесь, она поняла, что в целом никто никого не пытается, не унижает, не насилует, не убивает безнаказанно, а значит местный феран действительно человек не плохой.

Да, когда она увидела его впервые, то подумала, что всё, конец. Вид у него был жёсткий,

непримиримый, воинственный. И дело было не в жутком шраме, что шёл через всё лицо и уходил ниже, перепахивая грудь. И внезапное умение видеть то, что увидеть нельзя, которое появилось у неё со способностью творить молнию руками и делать из воды алкоголь, не прибавляло приятности.

Ей только показалось странным, что этот шрам феран не убрал, потому как Хэла точно знала, что, такой как он, мог позволить себе полный комплекс услуг лечения от магов "под ключ", так сказать. То есть маги могли бы сделать, что шрамов вообще никаких не осталось. Значит не убрал намеренно? Впрочем, мужчина, представший перед ней, был неотделим от войны. Что такому шрам? Два, три? А Хэла видела, что их там под одеждой тьма, а сам феран словно не умел снимать доспехи, не умел убирать меч в ножны.

Весь его вид говорил, что он на войне всегда, и для неё это означало, что придётся валить для него народ направо и налево без перерывов на отдых, сон или приём пищи. И вот этого она боялась, потому что чего-чего, а убивала Хэла беспощадно только комаров и тараканов. А тут люди. Какая война в этом мире, Хэла знать не знала, и узнавать не хотелось. Впрочем, война везде война — не оставляла шансов никому.

Это понимание, эти мысли отталкивали её от ферана Изарии на километры и даже дальше. Но что было делать? Уператься? Сражаться с ним?

Вот это она очень быстро решила завернуть. И хотя позволяла себе то, что, судя по всему, не позволялось никому — взгляды, высказывания, поступки. И всегда можно было повести плечом, типа “ну, а что вы хотите от чёрной ведьмы?” Но, как ни странно, феран был терпелив, только внутри него порой колыхался гнев на неё. Когда говорила слишком смело, смотрела открыто или, как тогда, когда она спела песню Арии “Обман”.

Гнев этот был такой осязаемый, словно чёрная непроницаемая стена, тёмная материя, которая в прямом смысле сдвигала Хэлу с места. Иногда ей казалось, что ему хочется, если не придушить её, то выпороть. Но он умирал себя, тьма рассеивалась, однако и того было довольно, чтобы понять — когда-то у него лопнет терпение и проверять, что будет после этого, ей совсем не хотелось.

Точнее по-началу, когда кошки отчаянно скребли на душе, она порой прям специально испытывала ферана на прочность, ей хотелось, чтобы не сдюжил, хотелось. Но потом как-то отпустило. Потому что он держался, а узнавая его больше, она видела хорошего человека, заботливого и внимательного к своим людям, не равнодушного и справедливого.

Хотя иногда всё же дёргала нечаянно сроднившимся с ней песнями. Но тут считала, что имеет право.

Хотя не очень понимала, как это работало, но песни из её прошлой жизни сроднились с ней. Хэле не составляло труда спеть любую, если она знала её, слышала хоть раз. Слова и мотив всплывали в голове и озадачивали, словно всегда были в её голове. Прямо “окей, Хэла...”

Но, когда только её забрали из башни, все шугались её, обходили стороной, и она просто сидела в одиночестве, слушала музыку в телефоне, подпевала себе под нос. Не заметила, как её облепили серые девочки.

Сначала они просто проходили мимо, останавливались послушать, потом словно приходили в себя и убегали. Но постепенно стали садиться рядом, кто-то пытался подпевать. Но забавнее всех была Найта.

Она сидела скромненько, поодаль и боялась подойти ближе, не из-за страха перед ведьмой, а чтобы не побеспокоить, чтобы не показаться назойливой. Эта девочка заставляла

сердце Хэлы разрываться от боли, тянула мысли домой, слёзы душили, внутри появлялась пропасть черноты. И тогда женщина улыбалась и пела через силу, чувствовала отдачу и становилось легче.

Однако в ночи, когда наваливалась бессонница, Хэле приходилось сражаться с той тьмой, что была внутри.

Она нашла укромное место на одной из башен Зарны, замка, куда её поначалу доставили. Сидела в темноте, кутаясь в покрывало, смотрела на засыпающий город, что был за стенами замка, пила и пела. Грустные, унылые песни, русские народные, казачьи, да и песни из репертуара русского рока, полные депрессии и бесконечной тоски.

Они помогали помнить о доме, помнить о том, кто она такая, помогали справляться с паникой и слезами. А ещё со злостью.

Вообще Хэла была нелюдима, но не зла. Обычно взрывалась только, когда дети выводили из себя, больше от обречённой беспомощности и усталости, чем от злости, да и тогда жалела очень сильно, потому чаще всего держала всё в себе.

А здесь злиться было опасно. Тут нельзя было просто так выпустить наружу гнев и не получить очень конкретные последствия. Хэла быстро поняла, что сказанные ею слова имеют очень осязаемое воплощение — пожелала сгоряча магу в башне облезть и тот облез. Волосы, кожа... И хотя с одной стороны хорошо стало, ух, потому что внутри были желчная обида, что оказалась здесь, что выдернули из привычного мира, что вокруг происходит что-то невозможное, что мерзкий сон никак не проходит, а ощущение, что Хэла попала в чистилище не отпускает. Но видела, как страдает человек, у которого клоками волосы выпадают, кожа слезает, словно он ящерица в линьке, и становилось стыдно. А главное, казалось, что у несчастного теперь так будет всегда.

Хэла честно попыталась исправить дело, но получилось не очень, поэтому с того момента старалась говорить осмысленно и чётко. А это было сложно, потому что ругаться любила и ёмкое словцо употребляла довольно часто.

И, попав в Зарну, Хэла помнила этот урок, следила за пожеланиями, разбираясь постепенно что тут к чему. И после того, как к ней прикипели серые, а потом и Найта, стали оттаивать и домашние.

Первой была повариха и, как поняла чёрная ведьма, кормилица Роара, Мита. Изначально женщина только зыркала пренебрежительно, фыркала и ворчала недовольно, но когда увидела отношение ведьмы к Найте, стала относиться к Хэле мягче, а потом и вовсе оттаяла и в конечном счёте они стали подругами. Мита была сердечной, простой и открытой, рядом с ней было уютно и тепло. Ещё повариха любила поболтать и, благодаря ей, чёрная ведьма много узнавала. Прежде всего о мире, в котором оказалась, о правилах жизни, о быте и устройстве всего вокруг.

А ещё Мита обожала “мальчиков”, а именно так она называла ферана, митара и бронара, и это было невероятно смешно, ведь “мальчики” были суровыми мужиками, а феран и бронар похоже даже улыбаться не умели.

От поварихи Хэла узнала, что в роду Горанов была проблема связанная с размерами новорожденных детей. Каждый раз, когда женщина, законная супруга или наложница, рожали от мужчины из этой семьи, была опасность, что мать не разродиться или умрёт после родов от кровопотери.

Так умерли две супруги Рейнара Горана, отца Роара и Элгора. Роара из несчастной

матери вырезали, смерть её очень сильно ударила по её мужу, который жену, по словам Миты, обожал. Вторая его жена, хоть и была здоровее и крепче, но всё равно умерла, родив Элгора и не прожив после даже дня.

И, когда у одной из беременных наложниц бронара отошли воды, Мита замерла в беспокойном ожидании новой беды. Несмотря на то, что девица по имени Эрона была достаточно дородной и сильной, но крупного ребенка она вытолкнуть из себя никак не могла.

Время шло, лекарь ничего не мог поделывать, повитуха разводила руками, стараясь успокоить роженицу, но толку от этого всего было ноль и ничего не происходило. И вот Хела, сидящая во внутреннем дворе замка, увидела тягучий чёрный туман, словно сгущающийся над тем местом в замке, где горемычная мать пыталась вытолкнуть из себя несчастного младенца.

Эта темень была смертью и Хэла сама не понимая причин для своего поведения, ведь несмотря на то, что через роды она проходила четыре раза, в них ничего не понимала, откуда ей взять знания о том, что и как делать, да и вообще какое ей дело до того, что происходит? Хэла не лекарь и не повитуха, она чёрная ведьма! Она здесь чтобы вредить, калечить, убивать...

Но сила влекла её, она видела светлое, золотое сияние, которое было ещё в комнате, но уже поглощалось этой жуткой тьмой, с которой Хэла знала, идиотка, как бороться.

"Окей, Хэла", чтоб тебе!"

Но в комнату к роженице её не пустили — серой нельзя, чёрной ведьме тем более. Она в отчаянии видела триумф тьмы над светом, смерти над жизнью. Мать была ещё жива, а вот ребенок умирал. И от этого хотелось плакать в голос.

И Хэла ринулась к ферану. Сейчас, спустя несколько луней после того происшествия, Хэла наверное сказала бы, что этот поступок был самым безумным из всех, которые она творила попав сюда. Но тогда — слёзы застилали глаза, а внутри была адская злость на то, что ей не дают помочь там, где она может, лишь из-за каких-то бредовых предрассудков. Сравнивали Хэлу с предыдущей ведьмой, которая, как она поняла, зашла бы в эту комнату только для того, чтобы преумножить тьму и насладиться видом наступления смерти.

Но Хэла не такая! "Что б вам всем..." — она осеклась и влетела в библиотеку Зарны, где так сказать был кабинет ферана, даже забыв постучать, не то что позволить стражу у дверей разрешения спросить.

Сказать, что феран, митар и присутствующий здесь бронар, были озадачены этим вторжением, это ничего не сказать. Наверное, если бы она была не так взбешена и взвинчена, то сказала бы, что ничего более комичного ещё не видела в этом мире, ну кроме чешущих свои бородавчатые задницы магов. Но не сейчас:

— Дайте мне разрешение пойти к роженице, — отчеканила она и вид при этом у неё наверное был действительно ужасающим.

— Куда пойти? — взвился бронар. — Ты совсем ошалела, чёрная? По тебе давно плеть плачет.

Но Хэла не слушала его, она во все глаза смотрела на ферана, пытаясь понять, что сейчас происходит у него внутри.

"Ну, пожалуйста, пожалуйста!"

Хотя, на самом деле, она и не знала, может ли он что-то сделать, действительно ли может разрешить ей туда зайти, действительно ли у него есть власть и возможность бороться

со всеми этими мерзкими традициями, ересью беспросветной и откровенной глупостью.

— Достопочтенный феран, это уже слишком, — прорычал, выплевывая яд Элгор. — Чёрную к роженице, она моего ребенка рождает, это невысказано. Я требую наказания за такую наглость! Хватит с ней уже возиться — десять плетей и станет смиренной и тихой!

— Молчать! — феран сказал это тихо, но так твердо, что его младший тан подавился словами.

— Его ребенок почти мертв, — проговорила Хэла, которую начало трясти, потому что она чувствовала загибком липкие пальцы смерти.

— Чтобы ты подпиталась его жизнью, накопила для будущего зла? — не унялся бронар. Но Хэла не слушала его, она всё цеплялась за ферана и его взгляд.

— Они же умирают, я могу их спасти, может даже ребенка, но... — на глаза ей навернулись слезы.

— Иди, — сказал Рэтар Горан.

— Что? — взревел бронар.

Его ярость была такой жестокой, что Хэла ощутила её кожей. С одной стороны смерть, а с другой ярость.

Феран едва кивнул Роару и тот, было видно, что с сомнением, но взяв Хэлу под руку увел её прочь.

— Спасибо, — прошептала она одними губами, всё ещё глядя в глаза главы дома.

Внутри комнаты был затхлый воздух и пока Роар успокаивал возмущенного лекаря, который с пеной у рта требовал вывести ведьму из покоев роженицы, Хэла глянула на несчастную повитуху, которая была расстроена и опустошена, а потом на Эрону. Несчастливая девица была уже совсем не в себе, она металась по кровати и увидев ведьму, начала шептать мольбы, чтобы та забрала её жизнь.

Схваток не было, внутри было сухо, голова ребенка с трудом проходила по родовым путям и Хэла видела это так, будто знала о родах всё. А еще она почему-то понимала, что вот в таком положении уже нельзя вырезать ребенка, только рожать.

И она взялась за дело. Сначала она открыла окна — затхлый дух комнаты не позволил бы не то что кого-то родить, тут здоровому человеку невозможно было дышать. Потом вода — Хэла сомневалась, что у неё получился спирт, чтобы обеззаразить руки, но уж в таких условиях было совсем не до того.

— Давай, милая, — ласково проговорила она обращаясь с несчастной роженице. — Сейчас я сделаю так, что снова вернется боль и тебе нужно будет толкать ребенка, толкать изо всех сил, иначе ничего не получится, понимаешь, милая?

Девушка начала мотать головой из стороны в сторону, повитуха с сомнением посмотрела на ведьму.

— Ты хочешь убить своего ребенка? — спросила строго Хэла. — Ещё немного и всё, что ты делала до этого, не будет иметь никакого значения. Вот сейчас самое важное. Слышишь меня? Тебе нельзя сдаваться, мамочка. Нельзя, понимаешь?

И может она нечаянно заговорила несчастную, или действительно дозвалась до её сознания, которое почти поглотила липкая тьма смерти.

Хэла впустила в тело Эрону силу. Тело содрогнулось и снова вернулись схватки.

Дальше всё было как в тумане, кровавом и таком ярком, что становилось не по себе. Несчастное тельце мальчишки — действительно большое.

“Килограмм на пять, а может и все шесть”, - подумала Хэла, когда он оказался у нее в

руках.

Маленький, синюшный и не дышащий. Хэла начала прочищать ему рот и нос, так как она знала, как внезапно оказалось умела, но ничего не происходило.

— Не выживет, — тихо прошептала повитуха и ведьма внутри Хэлы взорвалась.

Вот наверное, что было той самой силой, о которой говорили в тихую за её спиной маги, вот почему не хотели отдавать её ферану Изарии.

Не была она чёрной, или не была обычной чёрной ведьмой, в их понимании. Хэла была другой. Старше, чем они обычно призывали, с другим видом силы, к которой они привыкли.

Дом содрогнулся. Каждый камень в нём пропел с ней вместе. И тьма съежилась, завывала и ушла, а мальчишка в её руках отчаянно закричал.

Эрона выдавила из себя какой-то отчаянный звук и Хэла отдала ей малыша. Дальше ей не было нужды находится в этой комнате. Ей было необходимо выбраться на воздух, нет не просто на улицу, а куда-то намного дальше.

Ведьма на тяжелых ногах вышла из комнаты, руки и платье были в крови, бурые пятна расплзлись по груди и по юбке. Дышать стало совсем невыносимо и Хэла пошла прочь.

Она не видела, как отшатнулись от неё мужчины, стоявшие в коридоре — митар, который безапелляционно сдерживал до сего момента лекаря, сам лекарь, который после того, как отпрыгнул от совершенно на вид невменяемой ведьмы, ринулся внутрь в покои роженицы, чтобы убедиться, что ведьма никого не убила и не покалечила, стражники из коридоров.

Хэла шла не разбирая дороги, словно слепая и прозрела только когда морозный воздух улицы схватил её и стал проникать внутрь, сквозь одежду, хватая её за босые ноги. А ещё на Хэлу навалилась тьма. Та самая которую она смогла выгнать из дома — здесь обняла её и потянула в никуда.

Очнулась Хэла в лесу. Среди что-то кричащих мужиков, они трясли в её сторону своим незамысловатым оружием и гневно что-то ей говорили, а под ногами у ведьмы лежал мертвый зверь — огромный, похожий на помесь медведя и волка, с длинной шерстью цвета мокрого асфальта, ушами стоящими и длинными, как на картинках у эльфов, зубастой пастью, серой изнутри и заливающей всё вокруг какой-то черной жижей.

“Кровь, — подумала Хэла, — чёрная кровь”.

Нос у твари был острым, а мёртвые глаза были яркого голубого цвета с горизонтальным зрачком.

Ведьма опустилась на колени и, уткнувшись в шерсть зверя, зарыдала.

“Жизнь за жизнь”, — говорят здесь.

И вот она, та самая жизнь, которой пришлось заплатить, чтобы у чёрной ведьмы получилось отнять новорожденного мальчика из лап смерти.

В лицо плачущей Хэлы стали тыкаться маленькие мокрые носы щенков, вылезшие из-под мертвого зверя. Один из мужиков замахнулся ногой, чтобы пнуть детеныша, но Хэла машинально махнула в воздухе рукой и мужика отбросило от них на несколько шагов. Она притянула к себе малыша и тот начал усердно слизывать с её щёк слёзы.

— Ах ты, мразь, — взвился мужик.

Что он там собирался сделать после этих слов, Хэла не узнала, потому что строгий, гулкий голос ферана заставил всё вокруг погрузиться в тишину. А потом на плечи ведьмы лёг тёплый плащ.

— Эта харага моя, — отозвался один из мужчин, вероятно отвечая на немой вопрос во

взгляде ферана. — Она... она нам шабок грызла и даже тельгу задрала, мы в своём праве, достопочтенный феран. И тварей этих надо убить. Только не хватало приплод хараги защищать. Потом они нам всю скотину погрызут. С двумя-то не справимся!

Хэла сильнее закрыла руками двух щенков, которые жались к её шее скуля и пища.

— Это лютый и опасный зверь, — мягко проговорил феран. Рука мужчины легла на спину сжавшейся ведьмы, уставшей, замерзшей и совершенно не имеющей больше силы сражаться с кем бы то ни было. — Они вырастут и будет беда.

— Я справлюсь с ними, — прошептала она.

— Хэла, — в его голосе было столько сожаления, что слёзы снова потекли из её глаз.

— Жизнь за жизнь, — ответила она, срывающимся голосом, — мать за мать, ребенок за ребенка. А эти не при чём.

Возле тела хараги лежал маленький щенок, видимо тоже убитый мужиками.

— Хорошо, — тихо отозвался феран после недолгого молчания.

— Достопочтенный феран, — попытался возразить один из мужиков, но осёкся.

— Но ты дашь мне слово, Хэла, что если я увижу, что ты с ними не справляешься, если они будут хоть немного угрожать людям вокруг, по первому моему требованию ты их убьешь. Сама, Хэла. Убьешь, а не прогонишь, не отпустишь, где-то подальше, потому как они вернуться назад в селения, в дом, и беды будет не избежать, понимаешь?

Она кивнула.

— Дай мне слово, — чётко произнёс он, давая понять, что или так, или они умрут здесь и сейчас.

— Я даю тебе слово, я убью их сама, но только, если они будут опасны. И если я не справлюсь с их воспитанием.

— Хорошо, — отозвался он, — тогда они твои.

— Достопочтенный феран, — снова вмешался тот же мерзкий голос мужика, которого Хэла уже была готова испепелить даже если это будет последнее, что она сделает в своей жизни. — Это я могу решать, а не...

— Не я? — спросил феран, вставая и кажется заполняя собой всё окружающее пространство.

И вот она почувствовала эту стену гнева, словно зверя, который в нём беспокойно начал шевелиться, поднимая голову и готовясь напасть.

— Не... не... ведь-ма... — мужик, заикаясь, сжался и страх его стал осязаем.

— Ведьма дала слово, — отрезал феран.

— Ведьмино слово ничего не стоит, что мне с него?

— Тебе? — рыкнул Горан. — Ничего. Его принял я. И если тебе не нужна твоя добыча, то я вспомню, что земля, на которой ты стоишь, моя, лес, в котором ты находишься, тоже мой, и мертвая харага принадлежит мне.

— Простите нас, достопочтенный феран, простите, мы не перечим вашему праву, — залепетал уже другой мужик.

Кто-то из них крикнул, чтобы тащили простую носку, чтобы забрать тело убитой твари. А Хэлу, прижимающую к себе двух детенышей хараги, подняли сильные руки ферана и мягко приобняв, повели назад в дом.

После этого Хэла лежала без сознания три дня и три ночи.

Придя в себя, она обнаружила выстиранное серыми платье и вычищенный плащ ферана. Хэла была благодарна девушкам за помощь, но те ответили, что так сильно за неё

переживали, что это было единственное, что они могли для неё сделать. А Оань присмотрела за детенышами хараги, утверждая, что уж чего-чего, а никаких тварей она не боится, и видели бы они тех, что жили в её мире — никакие хараги не сравнятся ни по размерам, ни по свирепости. А тут так вообще мелкие, пузатые пушистики.

— Достопочтенный феран, — тихо позвала Хэла, постучав в дверь кабинета, поднявшись к нему после того, как наконец появились силы встать.

— Хэла, — ей показалось, что он рад её видеть.

— Я хочу вернуть ваш плащ, — она указала на сложенный чистый темно-синий плащ, с меховой подкладкой, что держала в руках.

— Это было не обязательно, — он сидел за столом, на котором аккуратными стопками были сложены бумаги, и что-то писал на листе пергамента.

— Я не могу оставить его себе, цвет не тот, — отозвалась Хэла и слабо улыбнулась.

Ведьма была благодарна. Поступок ферана изменил её первое впечатление о нём.

Нет, он не был ограниченным воякой. Да, было видно, что война сидит внутри него так глубоко, что её наверно уже и не отодрать, но она не влияет на такие его качества как сочувствие и сопереживание. И он был справедлив. Действительно справедлив. Это качество заслуживало уважения и ведьма этим уважением прониклась.

Пока пусть будет так. Если она ошиблась, значит снова будет неприятно, а может даже больно. Но это потом. А сейчас так.

Он слегка улыбнулся её шутке и кивнул в сторону небольшого дивана.

— И спасибо, — сказала она, положив плащ.

— Спасибо? — нахмурился феран. — Это слово благодарности?

— В моём мире, да, — ответила она, потому что действительно никто тут так не благодарил.

Здесь благодарили словами “принеси вам блага за ваш поступок” как-то так и Хэла не придя в себя после тяжелого удара, которым стал для неё разгон тьмы от новорожденного, напрочь это забыла.

— Хм... — нахмурился феран.

Она поклонилась и хотела уйти.

— Плащ-то заговорила? — спросил Рэтар Горан.

Хэла обернулась и увидела озорство, вот это новость, в его взгляде.

— Вот ещё, — буркнула ведьма, и ушла улыбаясь.

Хотя, конечно она заговорила плащ и это было самое малое, что она могла сделать в благодарность за то, что он сначала поверил ей, а потом помог.

С того раза стало намного легче. И хотя Элгор ещё долго рычал на неё при встрече, но Рэтар и Роар стали относиться к ней мягче и без, как ей показалось, подозрения, что ли. И сейчас, когда прошло уже несколько луней с тех пор как она спасла Эрону и её сына, это отношение пошло ей на пользу, потому как все окружающие поняли, что раз уж их господа нормально относятся к чёрной ведьме, то и им можно не бояться.

Сидя на перекладинах загона для тоор, Хэла слушала музыку в одном наушнике, пила вкусный и мягкий напиток, который был мало похож на чай, но подходил для утреннего ритуала пробуждения. Она делала это всегда после того, как возвращалась из полей, после прогулки с подростками харагами.

И как всегда в это время воины дома Горан, а так же феран, митар и бронар тренировались в своих навыках владения мечом. Смотреть на это было невероятно приятно.

— Хэла? — позвала её Мила.

— Доброго утрачка, — отозвалась чёрная ведьма.

— Доброе утро, — девушка робко подошла к ней, но остановилась, когда хараги поднялись, чтобы познакомиться с новым для них двуногим. — Боже, кто это?

— Это хараги, — улыбнулась Хэла.

— На медведей похожи, только худых.

— Ну скорее, на что-то среднее между медведями и волками, — хмыкнула она. — Не бойся. Подойди так, чтобы они видели руки и не улыбайся, они, как и собаки, расценивают улыбку как угрозу, ну по крайней мере в момент знакомства.

Милена аккуратно пошла по направлению к Хэле и двум её чудовищам.

— Этот, — она указала на тёмную спину. — Фобос, а второй Деймос.

Звери обнюхали девушку и снова улеглись в ноги своей хозяйки.

— Что-то знакомое, — смутилась Милена.

— Ага, — согласилась женщина, — древнегреческие боги, а еще спутники планеты Марс. Ужас и страх.

— О, — она глянула на огромные морды. — Подходящие имена.

— Идеальные, — довольно улыбнулась Хэла.

Ей было жаль девчушку, истерика никак не проходила, она рыдала во сне и приходилось сидеть рядом, гладить её спину, приговаривать что-то ласковое и успокаивающее. Ела Милена мало, была беспокойной и взвинченной, а иногда зависала уставившись в одну точку.

Конечно Хэла понимала её, конечно она была готова на всё, чтобы ей помочь, но что она могла? А главное ни о каких способностях и речи не могло быть, ибо они, как видела Хэла, были, но так глубоко, что сложно было сказать когда, а главное при каких обстоятельствах они могут пробудиться. Может пройти даже не пара луней до этого момента, а при таком моральном состоянии и намного больше.

Милена встала рядом с Хэлой и тоже уставилась на тренировку. Через какое-то время восторг от созерцания происходящего было уже сложно скрывать. Да и что там — это действительно было одновременно красиво и мощно.

— Говорят, что феран первый мечник Кармии, — проговорила Хэла, немного наклонившись к Миле.

— А митар второй? — улыбнулась та.

— Не поверишь, но да. Так что мы тут наблюдаем битву титанов, практически.

Через двор прошёл невысокий мужчина в рыжих одеждах и бросив на ведьм полный презрения взгляд подошел к ферану.

— А это кто? — сжалась Милена.

— Это эйол, священник типа.

— А почему он на нас так посмотрел?

— Потому что мы мерзкие создания, которые противны ему и его богу, — пожала плечами Хэла. — В целом “спасибо”, что вообще посмотрел. Для него, да и других, мы пустое место.

— Мы — это ведьмы?

— Мы — это все серые.

— Не понимаю, — нахмурилась Милена.

— Мы для них всех, — Хэла обвела двор глазами, — даже не третий сорт, даже не

люди, наверное. У серых нет прав, нет голоса. Нас могут изувечить, изнасиловать, убить и за это нет наказания.

— Как так? — она содрогнулась, Хэла почувствовала, как подходит волной ещё одна истерика, но рассказать было надо, что ж делать?

— Серые принадлежат ферану, — пояснила женщина. — Изарийский феран не позволяет трогать серых и причинять зло. Если тронешь — будешь перед ним ответ держать.

Мила что-то промычала. Хэла видела, что девушка до жути боится Рэтара Горана.

— Он жуткий, конечно, — улыбнулась чёрная ведьма. — Но милый.

— Милый? Он? — девушка захлебнулась от недоумения. — Ты шутишь?

— Нет, он доказал, что честный и справедливый. Я понимаю, он тяжкий, смотришь на него и не по себе, — ответила чёрная ведьма. — Но его очень уважают. Как никого.

Милена явно хотела что-то возразить, но тут через весь двор пробежала Донна и, подлетев к Хэле, схватила её за руку:

— Хэла, там... — глаза девушки были полны ужаса.

— Что? — нахмурилась ведьма.

— Томика... она... ой, — серая качнула головой, — Хэла, иди быстрее.

В дверях, откуда выскочила Донна стояла бледная и напуганная Куна.

— Да что вы опять творите, — выругалась женщина и, сунув Милене в руки свою кружку, спрыгнула с перекладки загона.

В подвале было темно, но запах крови был достаточно сильный. На полу в углу прислонившись к стене сидела Томика — маленькая, хрупкая девчушка. До того, как попала сюда жила в тяжёлых и плачевных условиях, плохо питалась, не видела от людей хорошего. Потому выглядела намного меньше своего настоящего возраста.

Женщина недовольно вздохнула — на обеих руках Томики были рваные раны поперек. Такая отчаянная просьба о помощи — глупый, бессильный, полный нервного, юношеского порыва, и такой понятный Хэле, поступок.

Наверное, если бы такое случилось в мире Хэлы, она бы заволновалась, наверное вызвала бы скорую, потому как правильно оценить тяжесть состояния девушки не смогла бы. Но в этом мире она была чёрной ведьмой и видела яркий золотой огонёк внутри лежащей без сознания серой, огонёк жизни. По его силе, было понятно, что Томику нашли вовремя — позднее место огня могла бы занять густая вязкая тьма.

Хэла выругалась про себя, с легкостью подняла девчонку и потащила вверх, во двор. Там она, не церемонясь, кинула серую на землю и вылила на голову ведро ледяной воды. Огонёк встрепенулся, забился в истерике и Томика открыла глаза. Ведьма встала над ней и схватив за руки в местах ран притянула на себя:

— Ненавижу истерики. Вы же знаете, что ненавижу! — прошипела в лицо девушке Хэла. — И что ты устроила? Это что вообще такое?

— Хэла, я... — девочка сначала была страшно напугана, потом лицо её скривилось и она стала плакать и причитать: — Прости Хэла, прости меня... Хэла, милая, я...

— Дура! — рыкнула ведьма. — Кто?

Томика начала отчаянно мотать головой.

— Кто?

— Нет, Хэла, прости меня, прости я...

— Хочешь умереть — приди и скажи, помогу! Ясно? — чёрная ведьма была дико зла, ярость била из неё фонтаном.

Она выпрямилась и дернула девчонку за собой, потом крутанула её и впахнула в руки подоспевшей Греты. На руках Томики остались только шрамы, раны Хэла залечила.

— Ещё бы и убирать тебя заставить то, что устроила, — прошипела Хэла ей в спину, и Грета быстро увела серую девочку со двора от греха подальше.

Ведьма тяжело вобрала в себя воздух и тяжелый взгляд её упал на Куна.

— Кто? — снова спросила она, чувствуя, что сейчас взорвётся от бешенства, а это не сулило никому вокруг ничего хорошего.

Куна вздернула подбородок и вызывающе посмотрела на Хэлу:

— Вот хоть заговори меня, но я не знаю, — ответила та.

— Врёшь, мелкая ты... — хотела выругаться ведьма, но сдержалась.

— Не вру, — отозвалась Куна писком, но предпочла скрыться со двора, подальше от женщины.

Наверное, если бы всем можно было увидеть то, что видела вокруг себя обычно Хэла, то они бы вздрогнули. Потому как изо всех щелей и углов к ней потянулась тьма. Хараги оцетинились и прижались к земле, потому что они, как подозревала Хэла, если не видели, то чувствовали эти изменения в своей хозяйке, а может и саму всколыхнувшуюся тьму.

— Значит так, многоуважаемые носители членов, — Хэла крутанулась на сто восемьдесят градусов и повернулась лицом во двор, — если тот, кто виноват, не придет до завтрашнего утра с повинной к достопочтенному ферану, завтра к этому времени посерет от макушки до пят!

На мгновение их взгляды встретились — её, полный яростного огня, и его, нахмуренный, полный холода и суровости. Потом она развернулась и вышла через просторные ворота наружу, навстречу яркому второму светилу, которое только-только показало свои лучи из-за гор.

В её мире Хэлу вряд ли могли назвать феминисткой, но тут наверное она кем-то подобным была. Женщина этого мира, как и женщина Средневековья, права и слова не имела.

Саму Хэлу от наказания за постоянное сопротивление спасало исключительно то, что она была чёрной ведьмой. Спорить с ней было делом неблагодарным и глупым, даже ферану, который был защищён от её так называемого колдовства.

Но Хэла не пользовалась своими возможностями в полной мере, как могла. Никто не мог бы остановить её от того, чтобы она, например, выгадила из несчастной Томики признание, или заставила бы говорить Куна, которая была подружкой несчастной глупой девчонке, решившей сотворить глупость из-за какого-то мужика. Да и мужика этого найти быстро тоже не составило бы труда. Но Хэла так не умела, не могла позволить себе лезть внутрь людей, пытаться их, тащить насильно, принуждать...

А может этот самый мужчина и не знает, что стал причиной таких страстей внутри несчастной серой девчушки. Ну как можно запретить кому-то любить? А если любишь и очень хочется ощутить это чувство не только душой, мыслями, но и кожей?

Конечно, проветрив голову и побродив по очень похожим на вересковые пустоши местам вокруг замка, Хэла успокоилась.

В Изарии было два основных дома — зимний, так сказать для холодного времени, и летний, для времени цветения и плодородия. Зарна и Трит. И Хэла за недолгое время пребывания в этом мире побывала и там и там.

Зарна ей нравилась больше — так называемые “вересковые пустоши” пересекались

глухими лесами, один из которых подходил почти к замку, была река, бурная и каменистая Нрава, берущая своё начало в горах где-то на границе и извиваясь проложившая свой путь почти вдоль всей Изарии, на подходе к Триту становящаяся спокойной и мирной, словно и нет где-то там бурного, сметающего всё на своем пути потока.

Зарна был неприступной крепостью, окружённой городом, но устроившейся в непроходимых скалах с одной стороны, бурной рекой с другой и мощными, крепостными стенами и скалами с третьей.

Трит же был замком, стоящем в невероятно красивом месте, и Хэла могла себе представить, как здесь всё цветёт весной, как сады пьяняще прекрасны, как поля перекликаются всеми цветами радуги, которой здесь не было. Или может была, но какая может быть радуга зимой?

Впрочем, дождь здесь бывал. Налетал невыносимый ветер, пунцовые тяжелые тучи накрывали всё вокруг и были так низко, что казалось будто можно достать до них рукой, если забраться на высокую смотровую башню, а потом тучи эти проливались на землю дождем и всегда таким словно кто-то опрокинул ведро холодной воды, нет не ведро, а целую бочку, и нет не холодной, а ледяной воды. И всегда с градом, огромным, чаще всего размером с куриное яйцо.

Под такой дождь было нельзя выходить и любой, кто попадал под него, особенно вот в это зимнее время года, был обречен, если не быть убитым этим самым ледяным “яйцом”, то слечь с “ледяной” горячкой, именно так тут называли болезнь очень похожую на привычный и знакомый Хэле грипп.

Фобос и Деймос, ушедшие вслед за ней, резвились, бегая по полям. Казалось, что им в Трите нравится больше, чем в Зарне — раздолья для беспшашного бега определенно больше, но и наткнулся на всякий скот было больше возможности.

С животинной тут было почти так же как и у Хэлы дома — что-то вроде помеси козы и коровы, или тельга, что-то вроде помеси овцы и ламы, или шабка, что-то вроде... да тут можно было много всего найти, похожего на животных из её мира.

В доме, например, жили такие небольшие и очень симпатичные фицры, и они были очень похожи на кошек, но это были не кошки, потому что хвосты как у ящериц, глаза невероятные, чёрные с белым зрачком, такие узкие, продолговатые. И на голове под шерстью были наросты, как у крокодилов или у тех же ящериц. А ещё они издавали звуки такие “фиц-фиц”, поэтому их так и звали.

В доме они выполняли функцию охотника на туняк, это такие зверьки похожие на не то мышей, не то крыс облезлых, но с чем-то наподобие панциря на спине.

Было много ещё всего, что Хэла вроде и понимала, что напоминало о доме, но всё же не до конца, и наверное это было хорошо.

Вернувшись, она пошла в комнату к серым. Девочки сидели вокруг Томики, лежавшей в постели, и о чём-то тихо беседовали, Карлина при этом говорила поучающим тоном, разводя руками и недовольно цокая языком, расхаживая по комнате туда сюда и периодически останавливаясь, чтобы посмотреть на сидящих вокруг Томики девушек.

Увидев Хэлу, серые стусевались, а виновница всего этого бедлама всхлипнула:

— Прости меня, я прошу тебя, прости, я больше так не буду, — она протянула руки навстречу женщине.

— Ох, глупая моя, курочка, — вздохнула та и, подойдя, дала себя обнять.

— Она думала, что беременна, — возмутилась Карлина, — представляешь? Вот ведь. Не

могла подойти и спросить!

— Тогда мне пришлось бы признаться, а я не хотела... — ответила Томика, виновато пряча взгляд. — Хэла, милая, не наказывай его, я тебя прошу. Это я во всём виновата, только я, правда.

— Скажи кто, — тихо спросила ведьма, покачав головой.

— Нет, не проси, ты его накажешь, а я не хочу. Не виноват он. Он хороший...

— Ворг, — отозвалась грубо Йорнария, которая как всегда сидела отстранённо и отдельно от всех. — Я видела, как они миловались.

— Нет, не правда, — взвилась Томика, но ничто не смогло скрыть от Хэлы волнение и всплеск силы внутри девушки при этом.

— Томика, Томика, — покачала она головой. — Нашла же, глупышка, в кого влюбиться.

— Не он это, — не унималась девушка. — Не он!

— Ты понимаешь, что завтра он всё равно себя выдаст, если не придет к ферану до того?

Томика ничего не ответила, лишь уткнулась лицом в ладони и безутешно разрыдалась.

Хэла встала и вышла в коридор. У дверей она столкнулась с одним из охранников дома.

— Тарп, дорогой, Ворг не знаешь где?

— У почтенного ферана наверное, — ухмыльнувшись, пожал плечами здоровенный, бородатый детина, со сломанным в трех местах носом и кривым ртом, в котором не хватало нескольких зубов. — Они завтра на границу с Кардом идут. Вперёд основного отряда.

Хэла благодарно кивнула и направилась к лестнице, ведущей наверх, в помещения принадлежавшие хозяевам дома.

В кабинете ферана была толпа воинов, все они стояли и внимательно слушали указания, которые давал феран. Ворг был одним из первых. Это был рослый мужчина, годов до тридцати, настоящий изариец, светлые, невзрачные, по мнению Хэлы черты лица, хоть и подтянутое тело воина, волосы забранные в хвост, небольшая борода, усов он не носил. Стоял напротив Рэтара Горана и, к бешенству Хэлы, даже виду не подавал, что что-то было не так.

Конечно он не признается, а завтра с утра свалит в поход, на границу, а там видно надеется, что серость, которой завтра его настигнет, сойдет на нет пока он будет в дозоре, а значит вернется как ни в чем не бывало. А что до боевых товарищей — так ведь боевое братство оно прочнее каких-то там законов и прочей фигни. Боевое братство — это сила, это мощь!

Хэла стояла у стены и слушала размеренный голос ферана и она давно уже заметила, что голос Рэтара Горана её успокаивал, вводил в состояние какой-то невесомой эйфории. Ей казалось, что она может слушать его вечно, а главное при этом ничто не может вывести её из равновесия. И равновесие, умиротворение, это конечно хорошо, но не сейчас и не при сложившихся обстоятельствах.

“Что ж, Хэла, давай”, — выдохнула она и, просочившись между мужчинами, встала немного позади намеченной жертвы.

— То есть пытаемся, до того, как серость нападет, свалить подальше, — как можно более сладко произнесла она.

Ворг дернулся и в ужасе уставился на доходившую ему до плеча ведьму. Окружающие их воины будто отодвинулись от них насколько могли позволить, от греха подальше. Хэла,

мягко вильнув бедрами, обошла Ворг спереди и прислонилась к нему, как если бы он был деревом.

— И не дергайся, а то потеряю равновесия и чертыхнусь на тебя. Ох, мало не покажется. Знаешь, кто такие черти, Ворг?

Тот мотнул головой. В глазах его читалась паника.

— Черти — это такие мужики, — хмыкнула Хэла, — с рогами, хвостом, копытами и вилами. Они сидят в месте, куда после смерти попадают грешники и измываются над ними за грехи их прижизненные и незамоленные. Кого в масле варят, кого голодными держат, кого дерьмо есть заставляют, а кого и в задницу натягивают.

Ворг дернулся и уставился на ведьму с нескрываемым уже теперь страхом перекликающимся с шоком от того, что женщина вообще может говорить что-то подобное.

“Эх, жаль, что ругаться полноценно нельзя, а то я бы и матушку твою припомнила”, — подумала про себя Хэла.

Злость снова разгорелась в ней костром.

— Ты зачем мне девку попортил? — спросила она строго, словно Томика была её родной дочерью или сестрой. — И до лихого дела её довёл?

Ворг втянул воздух и выдохнул жалобное, но старательно членораздельное:

— Она меня приворожила!

Если бы Хэла могла уничтожать мыслями — он бы уже обратился в кучку пепла у её ног. Хорошо, что не может, божечки, как хорошо!

Она задрала голову, чтобы видеть лицо мужчины:

— Приворожила? — переспросила, как можно мягче.

— Да, — кивнул он, набираясь вот такой уверенности, когда сказал ложь и словно сам в неё поверил и теперь уже ничего не страшно.

Она оттолкнулась от него и, повернувшись спиной к ферану, который горой возвышался над всеми, стоя за своим столом и храня гробовое молчание.

— Зачем? — поинтересовалась Хэла сдерживая себя изо всех сил, чтобы не наслать все возможные и невозможные проклятия на голову этого героя-любownika.

Тот же уставился на неё отупевшим взглядом, и внутри его черепной коробки начали шевелиться мысли о том, что всё идёт не так гладко, как он подумал изначально. Остальные воины, присутствующие здесь, хоть и застыли, но казалось повернулись к своему боевому товарищу спиной.

— Зачем что? — выдавил из себя Ворг.

— Зачем приворожила она тебя? Ты такой ценный мех, что тебя ворожить надо срочно?

— Мех?

— Ну, мужик, — улыбнулась Хэла и с триумфом экзекутора заметила на лбу своей жертвы испарину. — Ты такой ценный мужик, что очередь к тебе стоит, что тебя только ворожкой заполучить себе можно?

Он потупил взгляд, но грудь всё ещё выпирала колесом, в попытке казаться больше, придавая себе большие размеры, чем были на самом деле.

— Что в тебе такого значимого? Красавец? — она повела рукой в сторону Роара. — Да вон достопочтенный митар стоит, и уж прости меня, дорогой, намного красивее тебя будет. Да только не вижу я вокруг него баб ворожкой его к себе притягивающих, или я чего не знаю?

Хэла приподняла бровь и вопросительно глянула в сторону митара и тот,

ухмыльнувшись, отвел взгляд.

— Или, может ты у нас знатный какой, богатый, а мы не в курсе? Презентабельнее тебя наверно вон, — она махнула головой в сторону ферана, — достопочтенный феран будет, не находишь? Только тоже не заметила я вокруг него стайку серых девок ворожбою наперебой занимающихся.

Ворг хотел что-то ответить на это, но встретившись, как поняла Хэла, с взглядом ферана, передумал.

— А может силы в тебе мужской немерено, что любая изголодавшаяся девица, как видит тебя так сразу ноги раздвигает?

Мужчины ступшевались и отвели от неё взгляды.

— Так вот смотрю я на тебя, и как баба, у которой мужика уже больше чем полгода не было, могу сказать, что ничего у меня внутри не ёкает, ничего не поднимается и последнее, что мне бы хотелось, глядя на тебя, это раздвинуть ноги, чтобы твоё непомерное чувство собственного достоинства меня осчастливило, — она скрестила руки на груди. — Так вот вопрос — зачем? Зачем тебя, такого тщедушного, малохольного, с женой и пятью детьми на шее висящими, приворожила девчонка, которая позавчера с горшка слезла? Всем дюже интересно, а то только на тебя одного ворожат, а другие тоже хотят, что они ценности не имеют что ли?

Глаза Ворга налились кровью, он пошел пятнами, ладони его, стиснутые сейчас в кулаки побелели в костяшках.

— Мне вот интересно всегда было, что такие как ты, находят в таких как она? Что там обычно — она сама на меня кинулась, а я отбиться не смог? Или все бабы такие, им бы только мужика себе заполучить? — она прищурила глаз. — У тебя дочке старшей сколько? Десять тиров? Так это ничего, если её через пяток тиров какой-нибудь сослуживец твой попортит? Нормально будет?

— Ведьма, ты... — взревел Ворг и Хэла увидела внутри него нарастающее желание ударить её, и даже больше.

— Молчать, — прорычала она. — То есть, когда твоё трогают так это плохо, а как вон ничьё, так и ничего? Уже слышу, как ты тут оправдываешься перед всеми “она же серая” и все тебе сочувственно кивают. Конечно, что взять с них, одной меньше, одной больше, за всё уплочено — делай, что хочу?

И Хэла прошла взглядом по стоящим за спиной Ворг воинам, заставив каждого уставиться виновато в пол под ногами.

— А ничего, что у неё всё так же как у дочки твоей? Ничего, что её тоже женщина родила где-то там, в другом мире, а вы её сюда притащили, и теперь думаете, что можно, что угодно творить безнаказанно? — она оттолкнулась от стола и указала на Ворг пальцев, а хотелось врезать со всей дури. — Так вот я тебе скажу, что коли приворожила она тебя, не посереешь завтра, а коли врёшь на чистом глазу, так не только серым станешь, так и немощь на тебя мужская найдёт, и будет так по меньшей мере десять тиров.

Слова её раздалились так гулко будто в комнате и не было никого. Она сама оглохла на мгновение от звона, что ударился ей в уши. Но слова были сказаны и назад их уже взять было нельзя.

Конечно она могла что-то поменять, могла изменить условия этого “договора”, но прелесть чёрного ведьмовства была в том, что она имела полное право этого не делать, даже если бы феран её попросил или приказал.

— Вот ведь мелочный мужик, а? — проговорила она, дойдя до дверей. — К жене приходит и поёт ей, что любит смерть как, а потом за дверь и липнет к каждой юбке, а потом опять к жене и “ох, любушка, нет никого тебя лучше. Сравниваю-сравниваю, и всё к тебе возвращаюсь.” Тьфу!

С этими словами Хэла развернулась и вышла вон. Она отчаянно хотела добавить что-то вроде “пропади ты такой пропадом”, но того, что она наговорила уже было с лихвой достаточно.

Там теперь стоял человек, который при любом удобном ему случае уничтожит её с яростной ненавистью, но она ни о чём не жалела.

Сейчас ей стало легко и отлегло от сердца. Хотя Хэла знала, что это ненадолго, что будет хуже еще чуть-чуть погоди. Но вот сейчас — она действительно чёрная ведьма, настоящая, такая которая радуется проклятиям и бедам насылаемым на головы несчастных.

Только в данном случае её внутренний хороший человек точно знал, что несчастным этот мужчина не был, у него было всё, что можно было желать многим, а ему было мало, ему хотелось ещё, а это не проходит бесследно.

“Жизнь за жизнь”.

Ворвавшись к сидящим в печали серым она запела во всё горло песню Мельницы про травушку [8] и закружила сначала одну, потом другую своих подруг по несчастью. Она это умела, знала как сделать так, чтобы всем стало хорошо. И ну и пусть, ну и ладно! Пофиг — пляшем!

[8] Мельница “Травушка”

Глава 6

Рэтар был не просто в гневе. Его раздирало с одной стороны желание уничтожить стоящего перед ним Ворга, с другой взять ведьму и удушить, а потом заставить Зеура её воскресить, потому что без неё он уже кажется никак не мог.

— Достопочтенный феран, — начал было воин, которого феран знал с детства. — Я не виноват, я вам клянусь. Она виновата сама, она серая, все серые такие. Вон и ведьма такая. Слышали, что она говорила? Достопочтенный феран, это же мерзость такие слова от женщины слышать. Ваш отец бы ей голову съёл, если бы такое услышал...

Рэтар глянул на Ворга и тот подавился словами. Всё что сейчас говорил воин было ещё большей мерзостью, чем вольные и бесстыжие слова Хэлы. К её манере он уже привык, она никогда не замалчивала, никогда кажется не испытывала стыда, словно это чувство было ей совершенно не знакомо. Это изводило его, но и притягивало к этой женщине, словно сам он не был себе хозяин.

Ситуация с серой по имени Томика была обычным делом для любого ферана любого ферната Кармии. Нигде не стали бы даже обсуждать то, что случилось — подумаешь какой-то мужик имел близость с серой, даже если бы взял силой. А если ребенка бы ей заделал, то ей смерть, а ему ничего. Даже взгляда осуждающего не получил бы.

И Рэтара на деле это доводило до ярости. Он был не из тех, кто считал, что серые нелюди, что они не имеют право на защиту их жизни. И при нём в Изарии никому нельзя было трогать серых. По закону выходило, что они его собственность, как дом, как вещи, как земля и всё что на ней было. И ему это не нравилось, но лучше так. Пусть все считают, что вред серым — это вред ферану, а за это можно и головы лишиться.

Его отец сказал бы ему, что он слабак, что серые всего лишь инструмент, что нечего вообще думать о них. Одна сломалась — забудь, призови другую, неужели не хватает

средств? Отец всё измерял силой, властью и достатком.

И у дома Горан с достатком всё было лучше, чем у многих других, иначе не протянули бы они столько времени в условиях холода и неурожайности.

Хотя на обозы с провиантом, которые Рэтар закупал в других областях, постоянно нападали. При отправке продовольствия в дальние области, к границе, обозы грабили, охрану убивали и там, в самых отдалённых местах Изарии, люди умирали от голода, даже несмотря на то, что он разрешил в условиях лютого времени холодов охоту для пропитания.

Но зверь тоже уходил из Изарии, чтобы кормиться там, где было что есть, а тот, что оставался, был суров и жесток, как те же хараги, которые в конечно итоге с голода начнут грызть людей.

Границы постоянно были атакованы. Это были и воины армии противника, мирового соглашения с которым Кармия так и не подписала, и ошалелые банды наёмников, которые не оставляли после себя ничего живого.

И вот посреди всего этого вдруг возникала такая мелкая и казалось бы незначительная проблема — воин, который обманул или соблазнил серую девчонку, и теперь делал вид, что ничего плохого и не произошло.

Отец Рэтара, которого припомнил только что Ворг, рассмеялся бы и сказал, что его сын полнейший дурак, раз вообще слушает все эти объяснения и хочет в этой ситуации поступить по совести. Эарган Горан просто высек бы девчонку почти до смерти за то, что она раздвинула ноги перед свободным мужиком, или заклеил бы её и отдал на забаву своим воинам, объяснив это тем, что “вот хотела мужика, а теперь у неё этого мужика хоть отбавляй да еще и на любой вкус”.

Перед глазами всплыла картина утра, когда Хэла, полная злости, вытащила несчастную девочку на мороз и облила её водой. Такую маленькую, хрупкую, невзрачную. Рэтар глянул на стоящего перед ним мужика. И стало тошно, в голове нещадно застучал молот, не давая возможности даже нормально вдохнуть.

— Не смей говорить мне про моего отца, — прорычал он. — Не смей говорить мне про заговоры, привороты и ворожбу. Мы с тобой были не в одном походе и прошли не одно сражение, и в каждом селении тебя кто-то ворожил так, что твои боевые товарищи стаскивали тебя с девок, чтобы твой отряд не ушёл без тебя. Не было такого?

Ворг опустил голову и промолчал.

— Ты, надеюсь, помнишь, что, если и нет как такого наказания за причинение вреда серым, и благо ты девку не силой взял, но есть наказание за ложь своему ферану. И потому, — Рэтар обратился к одному из воинов всё ещё стоящих рядом с Воргом, — запереть до завтрашнего утра.

— Достопочтенный феран, — попытался возразить несчастный.

— Коли не виноват — не посереешь, — отрезал феран, — а в обратном случае, понесешь наказание за то, что стоял тут и лгал мне в глаза.

Ворг видимо хотел что-то возразить, но потом передумал и спокойно ушёл за своим товарищем, которому приказали его запереть.

— Кард, собирай отряд без Ворга, — отдал приказ Рэтар.

Тот отозвался и все воины вышли оставив ферана наедине со своим митаром.

— Ты же понимаешь, что он виноват и тебе придется его наказать? — тихо спросил Роар у своего тана.

— Да, — отозвался феран.

— И ты же знаешь, что её тоже...

— Знаю! — взревел Рэтар. — Чтоб тебя, Роар, я знаю, что девчонку тоже надо наказать. Я знаю, что Ворга надо наказать. Я знаю, что даже Хэлу, по хорошему, надо наказать! Оставь меня, а?

Тан ушел и феран остался один. Мысли в его голове неустанно бились о непрекращающуюся боль, к которой он привык и жил с ней уже очень давно.

Не мог он теперь пропустить случившееся с серой девчушкой. Хотя конечно Хэла уже достаточно наказала Ворга, и именно поэтому он не стал её останавливать, хотя мог.

Но Рэтар надеялся, что мужчина повинится, и не придется самому его тоже наказывать, но уже за весьма весомое преступление — преступление против ферана, а значит ферната.

Он не заметил, как наступило время темени и второе светило скрылось за горизонтом.

Боли в голове не щадили Рэтара Горана с тех пор как он получил это страшное ранение. Это было давно, тогда он был митаром, а фераном был Рейнар Горан, отец Роара и младший брат отца Рэтара. Но после того сражения всё изменилось — Рейнар погиб, а Рэтар стал фераном.

Чтоб тебе... сколько времени прошло с тех пор?

С трудом поднявшись, он отправился к Мите за кислой водой, которая частенько притупляла боли, или, если повезёт, отваром ведьмы.

Дойдя до лестницы вниз, он краем глаза заметил на балконе, ставшую такой привычной, фигуру Хэлы. На этот раз она куталась в обычный для серых плащ, не сидела на выступе стены, а стояла высоко задрав голову и смотря на россыпь звёзд на тёмном небе.

— Хэла, — позвал он, выйдя к ней.

— Она не ворожила, — с грустью сказала ведьма, — она не умеет, поверь мне.

— Я знаю, что не ворожила, — устало отозвался он и прислонился спиной к стене возле начинающегося балкона.

Ярость на неё уже ушла, как это бывало обычно. Это было мимолетным порывом и, даже когда Хэла при этом находилась рядом, он без труда сдерживал себя. Но сдерживал себя, чтобы не удушить её, а не чтобы прижать к себе, попробовать вкус её губ, ощутить её кожу под своими пальцами.

Рэтар нахмурился и вздохнул, перевёл взгляд в темноту:

— Но ты же знаешь, что мне придётся её наказать?

Хэла лишь слабо кивнула в подтверждение.

— Я понимаю, что у тебя в мире всё иначе, но у нас... — он убеждал себя, что не пытается оправдаться.

— Нет всего этого, достопочтенный феран, — Хэла так и смотрела в небо. — Она в любом мире всего лишь глупая девчонка, которую обманули и которой причинили вред. Не говори мне, что у меня в мире всё так, а здесь всё иначе. Дети везде одинаковы, даже если на их долю приходится большие испытания. Они остаются детьми — они радуются сладостям и подаркам, они верят в то, что сами придумывают, они мечтают, они летают во сне...

Она запнулась. Будто пыталась унять себя, чтобы не расплакаться. И от осознания этого ему легче не становилось.

— И когда с ними происходит что-то подобное, что-то что заставляет их перестать летать, заставляет падать, как происходит, когда мир теряет краски и волшебство, — она

покачала головой. — Она всего лишь маленькая глупая девчонка, наивностью и желанием любви, которой воспользовался взрослый мужик, которому она практически годится в дочери, который должен защищать её, а не использовать для удовлетворения своих похотливых желаний.

Хэла нахмурилась.

— Он сказал ей то, что она хотела услышать, она желала внимания, ласки, нежности, любви... — ведьма перевела взгляд в темноту темени, где уже не был различим горизонт. — Она не знает что это, а он сделал вид, что то, что он дал ей, это именно то, о чём она мечтала. Но это всё ложь, потому что она не первая и не последняя, потому что он точно знает, что и как нужно сказать. И это не любовь. Этому до любви так же далеко как отсюда до этих звёзд и обратно.

И она снова посмотрела в небо над головой, и перевела взгляд вниз:

— А главное, что внутри каждой из нас живёт такая маленькая девочка, которая верит в это светлое и прекрасное чувство, каждая из нас независимо от возраста так же глупа, как Томика. И каждая умирает внутри, сталкиваясь с предательством и обманом, — она посмотрела на него взглядом, полным печали и внутри цепануло, потому что безумно захотелось обнять её, безумно захотелось унять эту боль внутри самой женщины. Он видел, не мог объяснить, но его так тянуло к этой маленькой девочке внутри самой Хэлы.

Ведьма грустно усмехнулась и снова отвернулась от Рэтара.

— Томика не нашла в себе силы, чтобы поговорить с кем-то из нас, ей было невыносимо стыдно рассказать о том, что с ней случилось. И главное, она испугалась последствий, которые могли появиться после того, что произошло, — феран нахмурился и вздохнул. — Вот она женская доля — страшно, стыдно, одиноко. И она нашла выход. Глупый. Да. Но, как ей показалось, единственный верный. Если того требует закон накажи её, но мне кажется больше, чем она уже наказана, нельзя придумать.

Он ничего не ответил, да и были ли у него доводы против всего этого, сказанного с болью и стоящими в глазах слезами. Разве что Рэтару хотелось бы сделать эту конкретную женщину счастливой. Он тряхнул головой и потёр глаза.

— Прости меня, — тихо произнесла Хэла, подойдя к нему и встав сбоку, рядом, невыносимо близко.

— За что?

— У тебя столько проблем — нападения на посты вдоль границы и поселения недалеко от неё и в горах, проблемы в Картаре, обозы с провиантом и всё посреди этой непрекращающейся зимы... и теперь это.

— Хэла, подслушивать нехорошо, — он постарался улыбнуться, но получилось, как ему показалось не очень удачно.

— Я не подслушиваю. Я просто слышу. Не специально. Я понимаю, что это даже не все проблемы, которые валяются на твою голову. То, что случилось... — она осеклась, повела виновато плечом. — У нас бы сказали “только этого не хватало”. Прости, что заставила тебя в этом вариться, что вынудила влезть в это, хотя могла бы сделать всё сама, без твоего участия. Еще утром он был бы самым немощным из всех немощных.

— Хэла... — попытался найти слова феран.

— Я хотела, чтобы он признал ошибку. Понимаешь? — она оправдывалась, хотя Рэтар прекрасно понимал причины её поступка. — Я просто подумала, ну, а вдруг и не было ничего, вдруг она сама себе всё придумала и вот результат. А тот, кто якобы виноват и знать

ничего не знает. Или знает, но ему станет стыдно и он повиниться, признает, что сглупил, что поступил плохо, понимаешь?

— Понимаю, Хэла, я понимаю. Мне жаль девочку, действительно жаль, но ты поставила меня в отношении Ворга в такое положение, — Рэтар тяжело вздохнул. — Он лгал ферану. И это очень серьёзное преступление. Оно может караться смертью, Хэла.

— Я знаю, но я правда этого не хотела, и не говори мне, что ты решишь его казнить.

— Нет, конечно. Да и ты уже наказала его достаточно, разве нет? Мужская немота? — он приподнял бровь. — На десять тиров?

— Мало даже, — отозвалась она.

Он рассмеялся, а ведьма, боги, смущённо улыбнулась.

— Рэтар, я могу попробовать помочь с Картаром, — вдруг серьёзно произнесла Хэла.

Она впервые произнесла его имя и от этого защемило, зацепило внутри, хотя куда уж было больше?

— Хэла, — он прочистил горло.

— Зачем ты меня призвал? — она подняла на него свои огромные и такие печальные глаза. — Чтобы я нянькой у серых была? Я чёрная ведьма, попроси и я сделаю свою работу.

— Хорошо, я подумаю, — ответил он через несколько мгновений, утопая в этом её печальном взгляде.

Она кивнула и хотела уйти.

— Голова ведь прошла? — обернулась ведьма и склонила голову на бок.

К своему удивлению Рэтар понял, что головная боль и вправду ушла — Хэла его заговорила. Он кивнул как-то рассеянно и озадаченно. Она мягко улыбнулась и скрылась в коридоре. Без неё стало тоскливо и пусто... что ж такое?

Глава 7

Роар вышел во двор и увидел белую ведьму, сидящую на том месте, где обычно по утрам сидела Хэла, после того как выгуливала своих чудовищ.

Вид у девушки был расстроенный и потерянный, она смотрела на небо, откинув голову назад, волосы россыпью падали по спине и ему отчаянно захотелось запустить в них свою руку. Мягкие или нет? Он хотел пройти мимо, но, залюбовавшись ею, понял, что забыл зачем вышел в спускающуюся темень на улицу.

“Вот дурень... как мальчишка, прям!” — подумал митар.

— Ты не замёрзнешь? — спросил он, решившись всё-таки подойти и ожидая какой-нибудь отрицательной реакции — что-то вроде испуга или может отвращения.

Она подалась вперед и её повело в сторону, скорее всего оттого, что голова закружилась, потому что слишком долго смотрела наверх. Роар поймал её и помог удержаться на жердях загона.

— Спасибо, — отозвалась она, в глазах были слёзы.

Митар нахмурился. Это слово совершенно точно частенько говорила Хэла и это было слово благодарности.

— Ничего, — решил ответить он как можно более отстраненно, не будучи полностью уверенным в своих выводах. — Почему ты плачешь?

Ведьма вытерла рукавом лицо.

— Я... нет... нормально всё, — она была тиха и совсем не походила на ту, что устроила истерику и шипела на него несколько дней назад.

Он встал к жердям и прислонился к ним спиной, потом тоже задрал голову наверх.

— С крыши башни лучше видно, и в плодородный сезон они намного красивее, тогда небо совсем другое, — ему хотелось её успокоить, хоть чем-то.

— Не знаю чего я хотела, — ведьма пожала плечами, — наверное найти хотя бы одну знакомую звезду. Глупо.

— Нет, почему? Мне кажется совершенно нормальное желание, — он прикусил язык, словно почувствовал, что разговор опять идёт в сторону печали и, как следствие, слёз. — Сегодня был тяжелый день.

— Феран... достойный феран должен наказать девочку? — спросила белая ведьма, не поднимая на него глаз.

Что он должен ей сказать? Зачем вообще подошёл? И вспомнил, что собирался проверить стражников на сторожевых башнях Трита.

Митар вздохнул:

— Должен, — Роар не стал ей врать.

— И каким должно быть наказание?

— На его усмотрение, — пожал он плечами. — Я не могу знать, если честно. Может он и не будет её наказывать в прямом смысле этого слова. Рэтар... феран, он такой.

— А что будет этому... эм... мужчине? — и она всё-таки посмотрела на него, встретилась взглядом.

— С ним сложнее, — вздохнул митар, отводя взгляд, потому что готов был в эти глаза смотреть не отрываясь. И в голову полезли совсем уж не подходящие мысли.

— Почему? — спросила девушка. — Потому что с серыми можно делать, что вздумается?

— А? — он нахмурился и с вопросом снова посмотрел на ведьму.

— Я слышала, что серую можно даже убить, а наказания за это не получить, а если и получить то, только потому что она собственность господина, и он понесет убытки от сломанной вещи, — кажется сейчас она снова разрыдается.

— А? Что? Нет. У нас не так, — поспешил возразить Роар. — У нас никто не трогает серых. Не обижает их. Спроси, если мне не веришь. Да и Хэла... она же наказала его уже, не помимо всего, подвела под то, что теперь он виновен не в том, что поступил плохо с серой, а в том, что солгал ферану.

— Соглать ферану страшнее чем, — кажется она подбирала нужное слово, — обесчестить девушку?

И что ему теперь делать?

— Да, страшнее, — даже думать не хочется, что всё это за собой может повлечь.

Милена нахмурилась:

— Это... это... почему?

— Потому что ложь ферану — это преступление, сродни предательству. Лгать ферану не может никто, особенно те, кто ему служит, особенно воины. А Ворг солгал, а надо было сказать правду, надо было повиниться, признаться...

— И ему ничего бы не было? Он бы вышел сухой из воды? — взгляд её глаз был пронзительным, смотрел с вызовом и негодованием.

“Красивая, чтоб меня, какая же красивая”, — забилося в его голове. Маленькая, ладная, такая растрепанная, глаза влажные, но видно, что злости в ней прям через край, словно вот ещё немного и никому не поздоровится. Интересно, а если она на него напустит чего, Хэла сможет снять?

— Сейчас это не имеет уже никакого значения, — ответил Роар. — Хэла всё равно наговорила бы на него, даже если бы он сказал ферану правду, но в любом случае не был бы виноват в очень тяжком преступлении.

— А что за ложь ферану ему будет?

— Плеть самое легкое, смерть самое тяжелое.

— Смерть за ложь? — удивилась девушка, глаза такие стали распахнутые, стала словно ребенок, которому про чудище какое рассказали.

— Да, — сдерживая улыбку ответил Роар. — Ложь ведет за собой разные последствия. Ложь ферану — это измена его дому, измена его земле, измена слову.

— И митару тоже нельзя врать? — спросила она немного помолчав и изучая землю под ногами.

— Митару? — он улыбнулся. — Митару можно, но лучше не стоит. А то потом митар станет фераном и припомнит кто там, когда ему соврал.

— Такой злопамятный митар? — и хотя волосы скрывали лицо ведьмы, Роару показалось, что она всё же улыбнулась.

— Принципиальный да, но не злопамятный. Хотя, ну смотря в каком случае. Иногда может и злопамятный.

— Даже спрашивать не буду про такие особые случаи, — отозвалась она.

— Да и не надо, — пожал плечами Роар, — не думаю, что они будут сильно отличаться от чего-то важного, например, в других мирах. Семья, дом, земля, родные. Разве может ещё что-то быть?

Она отрицательно качнула головой и он понял, что зря он всё это сейчас сказал — снова напомнил ей о больном, о доме, и чтоб ему, о семье. Вот ведь дурень.

— Прости, — решился Роар на отчаянный шаг.

— За что? — прошептала девушка.

— За то, что призвали тебя. Прости.

Повисла тяжёлая, гнетущая, почти осязаемая тишина.

— Получается, если митар соврёт ферану, то его тоже накажут? — тихо спросила она внезапно, и на этот раз удивился Роар.

— Конечно, — кивнул, потому что обрадовался перемене темы. — Можешь врать хоть эйолу, хоть эла́, но ферану нельзя.

— Эла́? — переспросила Милена.

— Ну да, это наш правитель, он в столице. Ему никто не может врать, ну так считается, магический запрет, но я однажды соврал и никакой кары на меня не напало, — он вспомнил об этом случае и искренне улыбнулся.

— Почему соврал? — и белая ведьма снова посмотрела на него.

— Я был ребенком и тогдашний эла спросил, нравится ли мне новая супруга моего отца, — пояснил мужчина.

— И?

— Я ответил, что нравится, но на деле вообще не нравилась.

— А почему нельзя было сказать правду? — поинтересовалась девушка.

— Потому что супругу отцу подбирал эла и... — Роар вздохнул, — скажем, нрав у него был тяжёлый. Перечить не стоило, даже если ты ребёнок.

— Вообще как можно спросить у ребёнка нравится ли ему женщина, которая теперь

будет ему вместо матери, — грустно поинтересовалась девушка скорее сама у себя, чем конкретно у Роара.

— Ну, матери я своей всё равно не знал, так что ничего такого, — пожал он плечами.

— А что случилось с твоей мамой?

— Она умерла, рожая меня.

— Прости... — пробурчала девушка, сжавшись. — Мне очень жаль.

— В смысле? — удивился Роар.

— Ну... это... — она была озадачена.

— Ты не виновата в том, что моя мать умерла, так что тебе не за что просить у меня прощения. И сожалеть уже тоже не о чем, — ответил митар.

— Просто у нас принято так, — пояснила белая ведьма. — Это соболезнование, я сочувствую твоей потере, и я приношу извинения за то, что своими словами или вопросами заставила тебя вспомнить об этом.

— Хм... у нас так не принято. Бывает, когда ты мог бы что-то сделать, но не сделал, тогда можно говорить о сожалении, но в этом случае, — Роар пожал плечами. — Я видел её только на весьма плохих по качеству портретах. Мита говорит, что я на неё похож, хотя не очень понимаю как я могу быть похож на неё, когда у меня одно лицо с моим отцом, в общем это странно.

— Дети всегда похожи на обоих родителей, — заметила Милена. — Иногда это даже необъяснимо. Ты можешь иметь едва уловимое сходство, например, в манерах, или в улыбке. У меня лицо моей матери, а улыбка моего отца и все говорят, что я похожа не него, хотя на самом деле вылитая мама.

— Никогда не думал об этом так, — хмыкнул митар. — Может ты и права. Слушай, давай-ка ты пойдешь внутрь, нельзя тебе на холоде этом сидеть — с непривычки можно заработать горячку.

— А лечить меня никто не будет, — вздохнула она.

Роар не успел даже сделать движение в её сторону, чтобы помочь ей слезть в жердин, как она уже сама с легкостью спрыгнула вниз.

— Спокойной вам ночи, достопочтенный митар, — проговорила она, как-то странно кивнула и быстрым шагом побежала в дом.

“Спокойной ночи? Что?” — Роар нахмурился и уставился ей вслед.

Руки вспомнили легкость её тела, когда он принёс её сюда. Внутри потянуло желанием и тоской. Кажется сегодня просто необходима женщина рядом, значит после башен надо идти в харн. С этой мыслью он глянул на сторожевые башни и отправился к ним, надеясь, что не слишком сильно напортил дело с белой ведьмой.

Глава 8

Милена ощущала такой спектр эмоций, что хотелось выйти вон из себя самой. Дикие истерики сменялись каким-то мёртвым жутковатым смирением. И ни о каких пяти стадиях горя, в классическом их понимании, и речи не шло.

В голове был невероятный кавардак. Совсем недавно она бы сказала, что эти пять стадий работают, к сожалению работают. Но сейчас и здесь? Может тут всё иначе и это тоже? Может это виноват мир, наполненный магией?

С другой стороны — отрицание было, гнев тоже, попытки договорится с собой, поиски компромисса? Да, наверное они были, когда она хотела понять может ли она что-то сделать с тем, что с ней случилось. А вот сейчас навалилось отчаяние. И оно было всеобъемлющим,

безумным, болезненным.

А теперь этот митар. Роар? Да? Зачем он рассказал ей про мать? Специально? Чтобы подружиться? Так обычно делают — вот какой я несчастный, не злись на меня, что я тебя похитил, что сделал тебе больно. Я рос без матери и поэтому я такой.

А что там с другой женой отца? Злая мачеха? Серьёзно? И при этом он такой весь... такой... Мила даже не знала, какой. Она вообще с трудом соображала, когда смотрела на него. Словно тупела. Прямо как влюбленная школьница.

“Что?” — ошарашила её мысль.

Она помотала головой. Между ног стало влажно и потянуло вниз. Это уже слишком, правда! Не может она хотеть и уж тем более влюбиться в этого жуткого варвара.

Милена поморщилась и внезапно осознала, что было не так с ней, вот сейчас. К щекам прилила кровь и внутри родилась паника.

Она как ошпаренная добежала до комнаты серых, осторожно, чтобы никого не разбудить прошла в заднюю комнату. Здесь было место для туалетов и мытья, а еще стирки и сушилки личного белья серых, ну как белья, сорочек этих нижних, а еще платьев.

— Хэла? — позвала Милена женщину, которая всегда мылась или самой первой или самой последней.

— А? — сегодня последней, когда серые уже спали.

Вода, к удивлению девушки, была горячей, хотя она не понимала, как это получалось.

— У меня проблема, — отчеканила Милена и поняла, что ко всем её бедам и неприятностям добавилось ещё и то, что она замерзла.

— Да ты трясёшься вся, ты на улице что ли без плаща была? — внимательно присмотрелась к ней Хэла. — Блин, Милка, ну ты что, дружок? Ты, когда так получается, всегда спрашивай плащ у кого-то из стражников, например. Вон, зуб на зуб не попадает.

Чёрная ведьма принялась снимать с Милены мягкие балетки и поставляя ей кадку с горячей водой.

— И не выходи на улицу без сапог, ясно?

— Сапоги? — спросила Мила, хотя да, на других серых были сапоги.

— Конечно! — фыркнула женщина. — Завтра подберем тебе. Надо было раньше мне напомнить или Грете сказать. Теплее стало?

— Стало, да, но у меня другая проблема, — уставившись на свои ноги в воде промямлила белая ведьма.

— Что такое?

К щекам Милены прилила кровь и они стала горячими.

— О, твою ж дивизию, ты чего пунцовая стала? — с нескрываемым раздражением спросила Хэла. — Что случилось? Только не говори, что ты натворила чего с кем-то, исправлять заговоры очень сложно, Милен.

— Не... у меня... э... — она нагнулась поближе к женщине и произнесла так можно тише, несмотря на то, что вокруг никого не было: — У меня эти дела начались.

— Месячные что ли? — громко спросила женщина, ухмыляясь.

— Ну, Хэла... — заныла Милена, оглядываясь.

— Да не переживай, тут нет слова “месяц” и никто “эти дни”, — Хэла улыбнулась, — месячными не называет. Тут это кровавые дни.

— Что? — девушка хотела сквозь землю провалиться. — Блин, тише, ну ты чего? Теперь уже точно все поймут, да?

— Да кто все? — она развела руками. — Нет тут никого кроме тебя и меня. Да и когда есть — вокруг тебя девки одни, думаешь у них как по-другому всё устроено, что ли?

— Не знаю, — честно призналась Милена.

— Вот именно. И я тебе больше скажу — тут это вполне нормально. Странно даже, у нас вон просветленное общество, а каких только эпитетов не придумывают для обычного и говорящего о здоровье женщины процесса, — фыркнула женщина. — А тут у мужчин не возникает падучей, если они услышат слова “кровавые дни”, не то что у наших, когда они слышат слово “месячные”.

— Хэла! — Милена не была готова к тому, что всем тут всё нормально, потому что сама она просто сгорала от стыда.

— Что? — приподняла бровь Хэла и снова развела руками.

— Я тебя очень прошу — мне стыдно. Что с этим тут делать?

— Ну как что? В Средневековье, что делали?

— Не очень в курсе, — призналась девушка и от мыслей об этом стало не по себе.

— Садись на подушечку и сидели...

— Что? — она уставилась на женщину.

— Зловоние распространяли, даже боюсь представить, как они смердели, — Хэла говорила с таким серьёзным видом, что Мила прям представила как её на все шесть, а может и семь дней сажают сидеть на подушки.

“Что-за-хрень?”

Женщина фыркнула и усмехнулась реакции девушки.

— Короче, тут есть почти привычные прокладки, но они такие экологичные, то есть многоразовые. Есть вот такие штуки, — она отошла от стоящей в кадке с горячей водой Милены и вернулась с небольшой коробочкой.

— Ой, что это? — внутри коробочки лежали небольшие штуки, похожие на тампоны, но слишком маленькие.

— Лучше тебе не знать, что это, но они много впитывают, потом их полоскаешь в воде и оставляешь сушиться и они снова становятся маленькими.

Милена взяла одну штуку и тут же вернула обратно.

— Оно живое? — в изумлении спросила она.

— Не совсем, — повела плечом Хэла. — Точнее было когда-то.

— Боже, нет, всё, не хочу знать, — даже представлять не хотелось что это такое. — Можно что-то простое и понятно мне? Прощу, и я не хочу сидеть на подушке семь дней? — Милена была готова разрываться. — Ты сказала прокладки?

— Ого, так долго? Ну что ж, можно — привычное, значит привычное.

Хэла улыбнулась и дала Милене средства, более понятные и кажется совсем ничего с живыми организмами общего не имеющими. Потом женщина помогла ей помыться, поливая из ковша, дала сменную нижнюю рубашу и как оказалось пришлось поменять платье, а это застирать.

— Хэла, а кто такой эла? — шепотом спросила Милена, когда они переодевались ко сну после стирки.

— Это как царь, ну или король, — пояснила чёрная ведьма. — А что? Откуда ты о нём услышала?

— От митара.

— Достопочтенного митара, — поправила её женщина и улыбнулась. — Когда это ты с ним успела помиловаться?

— Да ну тебя, не миловалась я с ним, — насупилась Мила, — просто говорили. Я спросила про то, что случилось и про то, что будет теперь, ну с Томикой и тем мужчиной.

— И? — спросила Хэла, развешивая на верёвках, похожие на простыни ткани, которыми вытирались.

— Он сказал, что не знает. А ещё сказал, что ты того мужика наказала уже.

— Ну, пока не наказала, — повела плечом чёрная ведьма. — Это завтра будет.

— А что ты сделала?

— Немошь наслала.

— Немошь? — Милена иногда с каким-то странным непониманием реагировала на слова Хэлы.

— Импотенцию, — улыбнулась та, поясняя. — Сроком на десять тиров, то есть лет.

— О, — нахмурилась девушка и внутри внезапно проснулся какой-то диковатый триумф.

— Ага.

— А так можно?

— Не только так можно, — отозвалась Хэла.

“А почему собственно Хэла?” — внезапно Милена поняла, что имя-то весьма странное, особенно для женщины такого возраста как чёрная ведьма, в смысле женщины из одного мира с Миленой.

— Хэла, а ты что правда Хэла? — решила спросить она.

— В смысле? — на этот раз женщина обернулась.

— Ну, странное имя, не знаю, — пожала плечами девушка. — Непривычное.

— Да нормальное имя, — вздохнула Хэла и снова вернулась к своему занятию. — Мама с папой меня конечно не так называли и имя у меня было другое, тебе привычное. Но сюда попала и...

Она замерла, нахмурилась, словно задумалась на мгновение о чём-то, потом повела плечом, такой привычный уже жест:

— Маги спрашивали, но я со злости молчала и они мне такое имя дали. А я подумала, что и ладно, что им с моего настоящего имени? — она улыбнулась. — Я вообще думала, что умерла, серьёзно. И попала в чистилище, или типа того. Ну или сразу в ад. Хотя — могу всех убить, могу воду в алкоголь превратить, может и на рай тянет, не?

И она задорно рассмеялась. Но Милене стало отчего-то грустно.

— А сколько тебе лет? — спросила девушка.

— Тридцать восемь было, когда сюда загремела, но кто знает как тут и там время течёт, — хмыкнула Хэла. — Может уже и тридцать девять есть.

— А сколько ты тут?

— По-нашему не знаю, но была осень. Красивая такая, сухая. А здесь прошло уже несколько луней, — женщина пожала плечами, словно то, что спрашивала Мила не имело на самом деле никакого значения.

— А у меня была весна, такая мерзкая. Холодный и промозглый апрель. А год какой был, Хэла?

— Ээээ, нет, стой, — она выставила руку и недовольно мотнула головой. — Не надо мне этого говорить, хорошо? А то может у нас десяток лет там прошёл, а я и не знаю, не

говори. Весна и весна, апрель и апрель. У меня время на телефоне вообще не показывает как сюда попала — чёрточки вместо часов и даты, а если классические выбрать, то на них стрелок нет. А здесь я по ихнему восемь луней почти.

— Я не понимаю, как ты справляешься? У тебя наверное была семья? — Милена внезапно осознала, что этот вопрос было страшно задавать.

У девушки была мама, которая её не очень-то любила, и Мила всегда чувствовала какое-то пренебрежение и... ревность. Да, мама страшно ревновала её к папе. Не сестру, не брата, а именно её, Милену. А потом папы не стало и...

— У меня-то? Была, ну и хочу верить, что они там где-то есть ещё и всё у них хорошо, — повела плечом Хэла и накинула на плечи девушки теплое покрывало. — Муж, сыновья. Пошли спать.

Дальше белая ведьма не стала спрашивать — ей стало совсем не по себе.

— Ты можешь всех убить одним словом, почему ты этого не делаешь? — а это к Милене кажется вернулась стадия гнева.

Она остановилась в дверях, пытаясь рассмотреть силуэт Хэлы в темноте.

— И что будет тогда? — спросила женщина тихо, чтобы никого не разбудить. — Знаешь, я понимаю, что тебе сложно это принять, да и поверь мне, я хорохорюсь, только потому что мне тоже сложно, но, а что будет, если я всех завалю?

Чёрная ведьма обернулась на Милену, поставила руки в боки и склонила голову на бок.

— Вот представь? Перемрут они тут все и что мы будем делать? Домой попадём? — девушка нахмурилась, а Хэла мотнула отрицательно головой. — Нет, не попадём. Узурпаторами станем? Народ местный будем тиранить? Нет, не будем, я не смогу, да и ты не сможешь. Уже не говоря о том, что на нас наверняка тут кто посильнее найдётся.

И она снова повела плечом. Белая ведьма видела перед собой взрослую женщину, уставшую, прожившую жизнь. Было видно, что она не молода, у неё были крутые бёдра, круглый живот, при этом небольшая грудь, руки полноваты, круглые плечи. Увидев её на улице у них в мире, Милена сказала бы, что женщине этой надо похудеть, при чём хорошо похудеть, заняться собой.

Но это тогда, это там, теперь в прошлой жизни, и то была незнакомая женщина, а тут — Хэла была невероятной, мужчины вокруг смотрели на неё во все глаза и было понятно, что это не потому, что перед ними была чёрная ведьма. Хэла была такая женственная, все эти её жесты, улыбки, шуточки. Лицо было живым с яркими чертами — брови, ресницы, глаза, губы. И эта фигура — мягкая, талия такая, а как она умела ходить. Эта женщина была красивая, яркая, мягкая...

Она тяжело вздохнула:

— С возрастом учишься по-другому смотреть на вещи, детка, по-другому видеть, — и женщина эта была такой основательной. — Вот представь, что они не выдернули тебя из твоего привычного мира призывом, а пришли завоевателями. Допустим. Убили всех твоих родных на твоих глазах, а потом утащили бы тебя с собой. И унижали бы тебя, били, пытали, насиловали по очереди, а может и все разом. Изувечили бы тебя...

Милена содрогнулась, сжалась, обнимая себя руками — она всегда обладала очень живой фантазией, с самого детства, всё всегда примеряла на себя, не могла смотреть фильмы и даже мультфильмы в которых кому-то причиняли вред. Сразу становилось не по себе. Она вечно всё чрезмерно сильно пропускала через себя.

Сколько раз было такое, что пойдут они всей семьей в кино, а она расстроится на

каком-то моменте и всё, всем настроение портала. Папа обычно забирал её, и они бродили вокруг кинотеатра, или по торговому центру в ожидании когда мама, брат и сестра выйдут после просмотра.

Маму это страшно раздражало, а Милене всегда было стыдно перед папой, который потом весело беседовал с Колькой и Маринкой, узнавая чем же там дело в кино кончилось.

С возрастом стало легче абстрагироваться, но не всегда и теперь Мила прям очень ясно ощутила весь этот ужас, который описала Хэла.

— Всегда бывает хуже, милая, чем есть, — покачала головой чёрная ведьма. — Тут конечно не курорт — понятно. Что стала сиротой в один момент — понятно... что злость распирает, гнев накатывает, но оглянись — никого не бьют, никого не насилуют, кормят, поят, спим на чистом, обращаются с нами, пусть и не всегда, как с равными, но по крайней мере, могло быть и в разы хуже.

— Но ты сказала, что за любого здесь меня уничтожишь, — вспомнила Милена слова женщины, когда чуть не пожелала лишнего.

— И сделаю это. Что теперь делать? Я здесь. И меня окружают хорошие люди, и они не виноваты в том, что всё так, а не как-то иначе. Конечно, и дерьмецо попадает, но а как ты хотела? Будто там у нас всё радужное и уссаться какое прекрасное. А люди так вообще мечта! — она ухмыльнулась. — Я таких встречала в своей жизни, эти прекрасны, что слов нет.

Милена сокрушённо кивнула. Что ещё можно было сказать?

“Вот и принятие приехало”, — невесело подумала девушка, лежа в кровати и смотря на высокий потолок, с балками из темного дерева.

— Хэла, а можно мне выходить за стены... ммм... замка?

— Можно, — отозвалась Хэла. — Только так, чтобы тебя видно было с башен, а то потеряться здесь на раз-два можно. Не поверишь — вроде поле, а потом раз и почти свалилась со скалы.

Утро было хмурым и грустным. На улице моросил дождь, мелкий, противный. Томика ревела с тех пор как проснулась и узнала, что феран назначил наказание Воргу — сорок ударов плетью. Потом его должны были оставить привязанным к столбам на мирту за то, что тронул серую.

Саму Томику феран отправил в Зарну, одну. И это было очень тяжёлым испытанием. Серых в Зарне не было, там вообще никого не было сейчас, кроме пары-тройки слуг, из простого люда, которые следили за домом в отсутствие всех остальных, и отряда солдат, которые находились даже не в доме, а в стрелковых башнях при замке. И значит феран ссылал Томику в основной дом для тяжёлой работы и одиночества, потому что выйти в город ей было нельзя.

Но своё наказание девушка приняла со смирением и пониманием. Вообще казалось, что она что угодно выдержит, лишь бы не наказывали этого её "возлюбленного".

Правда наказания его она не увидела — до него была отправлена в сопровождении одного из воинов в Зарну. И ещё феран возложил всю ответственность за Томику на женщину, которая, как поняла Милена, смотрела за тем другим замком.

То есть, если девушка что-то натворила бы или попыталась снова с собой что-то сделать, её действия отразились бы на вполне невинном человеке, да ещё и матери аж девяти, как сказали Миле, детей.

На порку белую ведьму не пустили, да она бы и не пошла туда ни за что, а серые делали

свои дела, словно ничего и не происходило. Выйти из дома утром Милена так и не решилась и, видя её тоску, Хэла позвала девушку на кухню к Мите.

И это было весело, как ни странно. Хэла и Мита рассказывали девушке, как называются те или иные продукты, и все они были с одной стороны схожи с привычными, а с другой стороны удивительны в своей необычности. А ещё Милена узнала что тут не бывает зелёной листвы и все деревья и даже трава могут быть совершенно разного цвета, а не только привычного для неё и для Хэлы цвета. И каждый цвет имел своё уникальное название, выучить которые было явно весьма сложно.

День проходил тихо, на кухне один раз появился достопочтенный бронар, бросил на ведьм и на Миту недобрый взгляд, буркнул что-то, что кажется поняла только Мита и вышел вон.

Потом прибежали две девушки в платьях бежевого цвета и просили сначала одна у Миты кислой воды, а потом другая у Хэлы каких-то трав. Спрашивать Милена не стала, она так залюбовалась этими девушками и внутри абсолютно точно возникло понимание, что это какая-то прислуга, наверное.

Уже когда взошло второе светило, Милена никак не могла запомнить эти названия, и настало время их вместе, да что-то там такое на двоих, светить на небе, Хэла предложила-таки пройтись.

Милена была рада этому предложению и невероятному её счастью они прошли на улицу так, чтобы не наткнуться на привязанного к столбам Ворга. Хотя девушка считала его виновным и была рада тому, что он понёс наказание за свой поступок, но вид изувеченного человека радости в ней не разжигал.

— Но ты же понимаешь, что это не правильно? — поинтересовалась у неё Хэла.

— Почему?

— Потому что, если ты считаешь, что есть его преступление, то ты должна принимать и наказание.

Конечно женщина была права, но до её мудрости Милене было ещё очень далеко, а что уж говорить о принятии. Пока она наслаждалась красотами того, что она видела вокруг.

Могло ли это походить на какую-то страну её мира?

Ухоженные поля и сады, смешивались с какими-то небольшими участками чём-то напоминающими вересковые пустоши, лес недалеко был суров и тёмн, лента реки, спокойной, не покрытой льдом, хотя на улице явно был минус, стройные селения "простого люда".

Хэла объясняла устройство мира, который теперь должен был стать её домом. И хотя внутри всё равно жило это странное ощущение, что всё это не так, всё временно, вот ещё немного и... что? Может она сделает так, чтобы тут всё зацвело и будет свободна? И всё это закончится?

На небе начали сгущаться темные, тяжёлые, жутковатые и низкие тучи.

— Это ледяной дождь, — отозвалась Хэла, когда Мила как замороженная уставилась на надвигающуюся стихию.

— А?

— Когда увидишь такое — сразу бежать, ясно? Спасения от этого нет, можно насмерть замёрзнуть, если под него попадаешь, или горячку получить, и поверь это тут всегда не просто простуда небольшая. Ну или если совсем везучая — то пришибёт льдиной, к понятной всем бабушке.

Мила хихикнула и кивнула чёрной ведьме, после чего они отправились к замку.

На следующий день Милена решилась выйти за замковые стены сама, без сопровождения. Она не собиралась уходить далеко. В нескольких десятках шагов от стен росло огромное раскидистое дерево с ветками которые росли почти параллельно земле, находились на разном от неё уровне и на них было очень удобно сидеть. Милена уселась на него и погрузилась в свои тяжёлые мысли.

Обычно можно было бы пойти на фитнес, чтобы разогнать тяжесть навалившихся проблем и думать, но тут никакой деятельности.

Работать ей не давали — ни помогать серым, ни уж тем более Мите. Книг то ли не было, то ли они были запрещены для такой как она, да и поняла бы она то, что там написано?

Её всё ещё очень интересовал вопрос о том как так получается, что она понимает речь окружающих её людей. Это же не может быть так, что вот тут все говорят на её родном, русском? И даже, если допустить реальность этого абсурдного факта, хотя абсурд, кажется сейчас был очень даже реальным, то остальные серые были из других миров, у них были другие языки, другое понимание времени, да вообще всё другое. Тогда как?

В конечном итоге Милена решила забыть об этом факте на какое-то неопределённое время, или как-нибудь спросить у Хэлы, хотя может женщина этого тоже не знала.

В итоге оставалось заниматься разве что созерцанием. Конкретно сейчас она, копаясь в своих тяжёлых мыслях, смотрела за выгулом тоор, животных, которые, как поняла Милена, тут заменяли лошадей.

Сначала она никак не могла понять кого эти странные звери ей напоминают — быки? Спина округлая, покатая, но морды острые, как у птиц, даже что-то от грифинов, без крыльев и клюва, хотя был костный нарост на морде, как забрало от рыцарского шлема. На этот наросте были два, а иногда и три как бы рога, растущих в форме треугольника. Хэла рассказала Милене, что эти “рога” срезали, чтобы тооры не бодались, правда был ещё один на конце этой костной пластины, и его стачивали, чтобы животные могли рыть землю в поисках корешков, которые они ели. Низ морды был, как у привычного жвачного животного.

И сейчас смотря, как они пасутся в поле, Милена поняла, что они очень напоминают динозавров, только теплокровных, покрытых шерстью... трицератопсы, кажется? Мысли спугались.

"А ну их этих тоор, ей богу!" — подумала Мила и вспомнила, что такие слова могут даром не пройти и стало интересно, а если слова сказаны не вслух, они работают?

Вчерашний ледяной дождь сделал пейзаж совсем иным, не таким как было вчера, когда они гуляли с Хэлой. Теперь где-то лежали целые глыбы льда. Стихия действительно была устрашающей. Милена представила себе сметающие всё на своём пути ураганы, но тут — с неба, такое ощущение, падал лёд с водой. По крайней мере это выглядело именно так.

Ледяная вода вперемишку с льдинками, но это был не снег или град в прямом понимании, а именно словно лёд, падал на землю, разбивался, а потом вновь срастался от очень низкой температуры в огромные ледяные глыбы. Было так странно видеть что-то подобное в поле — словно здесь была река подо льдом, но вода сошла а льдины остались лежать. И грохотало вчера так, что казалось, что замок не выдержит и развалиться. А какого обычным домам было? Ей было очень тяжело предположить.

Милена встала и пошла рассмотреть поближе лёд, может он какой другой, не такой к какому она привыкла?

Она ходила по полю то и дело оглядываясь на замок и башни, держась краем глаза за дерево. Погода была более приятной, чем накануне. Хотя одета Милена была так же как вчера, но сегодня определенно на воздухе она чувствовала себя лучше.

Но вот привыкнуть к тому, что на ней нет белья было очень тяжело. Девушке всё время казалось, что это аномально, что ли, то что она бродит тут по холоду без трусов и даже теплых колгот. Почему-то вспомнилось детство и тёплые рейтузы, которые надо было надевать в школу и которые она стягивала в соседней парадной, чтобы бабушка из окна не видела. Потому что не хотелось позориться перед модно одетыми девчонками из её класса — они рейтузы не носили.

Вот ведь глупая, зачем было задницу морозить ради пары отморозенных на голову пустых девиц, которым на неё было так же параллельно как до детей в какой-нибудь Африке?

Сейчас бы рейтузы были очень к месту. Интересно, а можно тут вязать? Милена подумала, что села бы за вязанье, ведь бабушка учила. Если напрячься, то можно вспомнить как вязать не только шарфы, шапки и носки, но и свитера и рейтузы, блин! Вот бы пряжу и спицы — хоть какое-то дело.

— Эй, белая, ты что тут делаешь?

Обратились ведь к ней? И Мила подпрыгнула от неожиданности. Голос был резкий, грубый и гулкий. Обернувшись она поняла, что в своих излучениях льда и мыслях о рейтузах зашла дальше, чем планировала, а над ней на небольшом каменном выступе стоял достопочтенный бронар.

Его волосы были влажными, рубаха расстёгнута, в одной руке он сжимал куртку, в другой сапоги. Если бы Милена не понимала, что они в одной с ним локации она бы сказала, что выглядит он, как человек, который находится где-то, где тепло, море, песок, и вообще не вот это вот всё, типа кусков льда, свалившихся с неба.

А ещё он был чертовски красив. Вот сейчас она видела его идеальные правильные черты лица с лёгкой небритостью, в отличии от бород, которые носили феран и митар. И небритость придавала ему какую-то эту невероятную сексуальную небрежность, он был таким редкого вида хищником, про которых обычно пишут в любовных романах — тот самый опасный главный герой. И при этой брутальности и опасности от него исходящей, ей показалось, что он не намного её старше. Взгляд темных глаз был каким-то озорным и, внутри завопило во всё горло самосохранение, ничего хорошего ей это озорство не обещало.

Он с лёгкостью спрыгнул с уступа и направился к ней.

На пантеру похож, всплыло у неё в голове и она поморщилась от банальности этого сравнения. До классиков ей далеко, ну а что ещё можно хотеть от поколения выросшего на диснеевских мультиках про принцесс и марвеловских фильмах о супер-героях?

А тем временем самосохранение всё вопило паническое — бежааааать! Но ноги окопались, сердце пустилось вскачь, а голова отключилась.

— Тебе нельзя уходить, — он уже возвышался над ней как, наверное Голиаф над Давидом?

Вот что за очередное странное сравнение?

Милена задрала голову и пыталась вспомнить, как вообще обычно слова говорят.

— Я... гуляю... — и почему он приводит её в оцепенение?

— Здесь может быть опасно, — отчеканил он.

— Я аккуратно, — пропищала она.

— Знаешь, — бронар запнулся, потом немного нагнулся к ней, так, чтобы было проще говорить вероятно, и Милена отчего-то почувствовала себя невероятно униженной, — тебе надо уже что-то начать делать. Слишком много было потрачено на твой призыв, а толку пока никакого. Постарайся закончить уже истерику и начать дело делать.

— Я не могу ничего делать, я не умею колдовать, — проямлила она.

— Все женщины умеют, — ответил он. — Вы запускаете свои пальчики в наши головы, сердца, души... ведёте себя так, чтобы мысли мужчины сводились только к одному.

— Я... не... не... — Милена поняла, что все слова вылетели напрочь.

Он рассмеялся:

— Не знаю-не знаю, я бы тебя в первый же день успокоил по-своему, и поверь тебе бы понравилось, и захотелось ещё, и ты бы не бродила по опасным местам бесцельно и бездельно, по крайней мере твоё тело хоть на что-то сгодились бы.

— Это... — захлебнулась она чем-то похожим на негодование, а к щекам прилила кровь.

— Говорят, — он наклонился ещё ниже и заговорил обжигающим шепотом, — что, чтобы белая начала колдовать, ей нужно быть счастливой, то есть чёрная — это злость, а белая — это радость. Может тебя порадовать, а, белая? Ты скажи, если станет совсем невмоготу — я всегда к твоим услугам.

Он выпрямился и пошел от неё прочь.

— Не замёрзни, смотри, — бросил он через плечо. — Хотя может отморозишь свой очаровательный зад и потепление накличешь?

Дальше она видела только его удаляющийся силуэт и слышала его смех. Злой и такой липкий.

“Вот ведь, что за...” — и она попыталась выйти из низины, в которую она забрела, но поскользнулась на куске льда, съехала чуть ниже и в попытке выбраться поняла, что нога в новом сапожке застряла между двух камней.

Чёрт!

Милена позвала на помощь, но конечно достопочтенный мистер “знаю как сделать тебя счастливой” был уже слишком далеко от неё, чтобы услышать этот зов, а больше вокруг нее никого не было и главное с этого места она не видела ни замка, ни башен ни гребанного дерева!

Глава 9

Глава 9

Хэла гладила тоору под мордой, тот довольно уркал и ворочил мордой во все стороны и подставлял разные её части, чтобы было приятнее.

Она действительно обожала всякого рода живность. И лошадей в том числе. Дома были две собаки, две кошки, рыбки и несчастный попугай со сломанным крылом. Ей казалось порой, что ей самой нет места в этом доме, муж считал всё это излишеством, но дети были рады, а сама Хэла, конечно не променяла бы весь этот бедлам на чистый и пустой дом.

В своём мире она мечтала увидеть тигров в живой природе, слонов в заповеднике, пообщаться с наглыми оленями в Наре и погладить кита. Не успела. Да и не успела бы, чего врать себе? Она вообще много чего не успела сделать из того о чём всегда очень мечтала и к чему очень стремилась. Даже совсем простого.

Некоторые мечты она всё же исполнила, но в основном всё сгинуло в водовороте быта, боли потерь, обид, тяжёлых времён и простого едкого страха. И, наконец, водоворот призыва

перечеркнул всю её прежнюю жизнь и перепахал её саму.

Попав сюда и осознав свою силу, Хэла дала себе слово, что здесь она не будет ждать завтра. Здесь она не может позволить себе бояться. Чего вообще может бояться человек, который руками может делать молнию? Даже если потом надо сутки валяться и не шевелиться, потому что сил нет вообще ни на что, даже на пописать. Это она усекла ещё сидя в проклятой белой комнате.

А ещё она дала себе слово не стесняться. Ничего и никогда. Иначе снова загонишь себя в угол, снова потеряешься, снова тупик и пустота. Она там была. Она знала какого на самом дне и ей не нужно было это объяснять.

И вот была приятность — живность местная к ней так и липла. Хараги, хоть и были лютыми чудовищами, пока ходили за ней послушными псами, смотревшими ей в рот. Она не знала, потому ли это что у неё хорошо получалось их тренировать, или потому что она была ведьма и просто заговорила их, чтобы не дай бог феран не приказал ей их убить.

Ещё были фицры — эти здешние домашние кошки обожали Хэлу. Если она садилась в доме или во дворе, то на её коленях обязательно тут же оказывалась фицра. А ещё одна норовила пристроится где-то сбоку.

С тоорами или торами, как порой местные по простому их называли, была такая же история. Хэла им нравилась и ей нравились они.

Вообще когда она притащила хараг, а дело было в Зарне, места маленьким, но чудовищам, вообще не нашлось. Куда деть тварей, которых страшно боялись все вокруг?

Поначалу Хэла пристроила их небольшой ящик и они жили с ней в одной комнате. Но потом подросли и она нашла ящик побольше и хараги ютились возле загона с тоорами. Все мужики в доме были, ну мягко выражаясь, скептически настроены глядя на это действо.

Во-первых, тооры ненавидят хараг и они их будут бояться, во-вторых, потом, если глупые мелкие хараги, хиги, полезут в загон, то тооры их просто затопчут и даже не заметят, а если заметят, то могут и загон снести.

И Хэла не придумала ничего лучше, чем поговорить с тоорами. Вот такая она чокнутая.

В загонах тооры жили скорее как стадо, чем как отдельные особи, гуляющие сами по себе. Животными они были верными и на самом деле очень суровыми, как раз для этого места в самый раз, и у них в "семье" была старшая особь — с ней Хэла и договорилась. Уж сама не поняла, как так вышло, но вот этих двух конкретных хараг тооры не боялись, не трубили на них, не рыли землю, не пытались затоптать и, как оказалось даже не разбегались, когда были в поле на выгуле, а хараги бегали рядом гуляя и играя. Даже больше, некоторые тооры умудрялись играть с харагами, что несказанно удивляло всех, кто вообще имел хоть какое-то отношение к этим животным.

Так и повелось — хараги даже здесь, в Трите, находились рядом с загонем тоор, и всем было от этого комфортно и хорошо. Хэла же взяла за правило приходить вечерами к тоорам и чесать морды тем, кто хотел участия и ласки. Животинки были очаровашками. И многие были удивлены, когда Хэла не только спокойно села в седло, при переезде из Зарны в Трит, но и умудрилась ни разу не упасть в дороге и не поругаться с тором, на котором ехала. Это была большая редкость даже для тех, кто хорошо сидел в седле, чего уж говорить о первой поездке.

Последняя из тоор на очередь "почесушек" слегка ткнула Хэлу своим наростом и мягко фыркнула в руку. Хэла рассмеялась. Как же это было приятно, боже!

После исполнения своего обязательного ритуала она отправилась в комнату серых и уже

на пороге поняла, что снова всё не так как надо.

— Что на этот раз? — она внимательно осмотрела девушек.

— Белой нет, — отозвалась Сола.

— В смысле? — Хэла устала на пустую кровать Милены. — Кто последний её видел?

— Я видела, как она по полю ходила, — отозвалась Грета. — Это было во время изатэф. А потом не видела. И судя по всему никто из нас не видел.

Хэла фыркнула. Прикрыла глаза и осмотрела дом в поисках огонька Милены. Но не нашла.

"Начинается!"

— Я видела, как почтенный бронар возвращался с реки в то же время, — отозвалась Оань. — Может видел её?

— Так, лучше уже.

— Но может это было уже в Тэраф, — смутилась серая, видимо боясь ошибиться.

— Вообще красота, — чёрная ведьма крутанулась на месте и вышла из комнаты.

— И никому не говорите... ну, пока, — заглянула она обратно в комнату. — Вот, если я в темень не вернусь, тогда можете сказать.

Найти бронара было делом не сложным. В это время он предпочитал общество женщин, которые были по их виду очень рады ему.

Шера скривилась, увидев ведьму на пороге части дома отведенных наложницам.

— Чего тебе, чёрная? — с вызовом бросила она.

— Бронара почтенного надо, — Хэла выдержала дерзкий взгляд наложницы ферана и главной в этом “гареме” женщины.

— Вот ещё, он занят, не до тебя ему.

— Ну, тогда подождем, — ухмыльнулась Хэла, — я за фераном кликну, и попросим его бронара мне позвать.

Было видно, что Шера зависла в раздумьях. Потом она фыркнула, развернулась так, что пышная юбка пошла волной, метнулась и обняла её ноги. Красивые, между прочим, ноги.

Шера вообще была красавицей, на вид Хэла дала бы ей лет двадцать восемь, такая статная, строгая, всё при ней — светлые волосы волнами лежали на спине, лицо красивое, несмотря на прямой и немного может длинноватый нос, но глаза большие, ресницы густые, длинные, кожа идеальная, матовая, светлая, губы полные, яркие, такие... спелые что ли, спина прямая, грудь пышная, ноги явно длинные, и так как вся она была такая подтянутая и упругая, то и ноги наверняка шикарные.

“Эх, ну понятно, наложница ферана не может быть страхолодиной, — Хэла закатила глаза. — Да и хрен бы с вами!”

В дверях появился полураздетый почтенный бронар.

Ещё один красавец!

Иногда Хэла прям жабой себя чувствовала вот среди этих всех шикарных мужчин и девиц. Как на парад красоты попала, точнее вляпалась в него по самые уши.

У Элгора была темная, бронзовая кожа, шрама ни одного, хотя в битвах он был и ранения получал, но эти “неприятности” очень качественно залечивали маги. Этот идеальный пресс — в мире Хэлы он бы любую соц. сеть порвал. Вот прям в реальности смотришь и думаешь, что это наверняка не настоящее, обработка фото. Рост, размах плеча,

руки... божечки, вот в таких руках девки от счастья пачками должны умирать!

— Чего тебе, ведьма, — прорычал бронар.

“Манеры бы ещё этому оружию массового поражения...” — подумала Хэла, но кого она обманывает? Вот именно на это падки большинство барышень — чем грубее, тем лучше!

— Где Милена? — и уж его Хэла вообще не боялась. Он для неё был мальчишкой, который больше капризничал, чем дело делал.

— Кто? — снова рыкнул он.

“Конечно, там же девки стынут, а тут ты, старая, припёрлась и спрашиваешь невесть о чём...” — и было бы действительно удивительно, если бы он знал, как зовут белую ведьму.

Элгор и её-то, Хэлы, имя наверное вспоминает с трудом.

— Белая ведьма, — пояснила она, начиная раздражаться.

— Откуда мне знать?

— Значит так, достопочтенный бронар Элгор Горан, — взвилась Хэла, ткнула в него пальцев, — если ты сейчас не включишь свою красивую голову и не скажешь мне, где последний раз видел белую ведьму, я не просто налью на тебя немощь половую. Но и объяснить, почему белая пропала, а ты вместо того, чтобы помочь её искать, девкам титьки мнёшь, ты будешь своему любимому тану лично, прям здесь, прям вот в таком виде!

Она шипела и знала, что сейчас была страшна, знала, что в таком состоянии, она наводила страху и видела этот страх в глазах стоящего перед ней мужчины. Нет, вид у него остался таким же раздолбайским, типа ему на всё насрать, но вот этот страх в глазах... интересно что страшнее — тан или импотенция?

— Да отвали ты от меня, знать не знаю, где там ваша белёсая бесполезная бродит. Видел её опалелую в камнях возле Нравы, слева от спуска к реке.

Это он уже говорил в спину Хэле.

Взяв с собой Фобоса и Деймоса, она со всех ног рванула туда, где была тропка к реке. Розовый свет Тэраф уже совсем скоро сменится теменью и тогда, где там искать девчонку? Точнее она-то найдёт Милену, но потом надо же выбраться назад ещё. В общем, по-хорошему, нужно будет поднимать народ, брать огонь, идти на поиски.

Хэла поморщилась. Она уже чувствовала стену гнева ферана на себе. Он будет прав — не доглядела!

— Хэээээээла, — позвала откуда-то из низины Милена.

Она истерично радовалась тыкающейся в неё страшной морде Фобоса, по щекам текли слёзы.

— Я думала так и останусь здесь, — она протянула Хэле руки.

Было видно, что истерика накрыла её только что, когда она поняла, что за ней пришли. А до этого момента держалась молодцом.

— Ох, Милка, — Хэла поцеловала её в лоб. — Ты чего тут застряла?

— Так вот, застряла, — девушка указала на расщелину и ногу между камней. — Не могу её вытащить. А дёрнуть боюсь, вдруг сломаю или ещё чего. Вон там палка, хотела камень подковырнуть, но не могу достать.

Девушка показала рукой на склон. Уже начинало темнеть. Хэла дотянулась до палки и они попытались поддеть огромный валун, чтобы сдвинуть его в сторону или хотя бы приподнять для попытки освободить ногу Милены.

— Как ты узнала, что я здесь? Мне казалось, что я так далеко ушла, что меня уже никто не найдет. Представила как меня с утра, — камень поддался и они вытащили ногу девушки,

та рухнула на землю, — твои хараги найдут обмороженную.

— Ну, думаю, что до утра ты бы насмерть не замёрзла, чай не минус тридцать, и не минус десять даже по ночам, а вот с горячкой бы слегла обязательно, — ухмыльнулась женщина. — Но не ждали бы мы столько времени — такую ценную деваху весь замок искал бы, да и народ из селения. А уж так как мне твоё местоположение достопочтимый бронар указал, так и не мечтай — даже до горячки не успела бы промерзнуть, — Хэла рассмеялась.

— Тебе сказал бронар? — изумилась девушка.

— Конечно, — чёрная ведьма дала ей руку, чтобы Милена встала. — Ты мне лучше скажи — ты так сильно впечатлилась от общения с ним, что застряла тут и даже не заметила, или твои призывы о помощи были так ему непонятны, что он мимо прошел?

— Хэла, — девушка слегка пнула женщину в руку кулачком, — ну ты чего! Я застряла уже после того, как он со мной поговорил. А когда поняла, что не смогу выбраться, то, несмотря на то, что он последний человек, которого я попросила бы о помощи, но я ему кричала. Просто он был далеко или сделал вид, что не слышит меня.

— Что это ты его так невзлюбила? — приподняла бровь чёрная ведьма.

— Да, блин, Хэла, он ужасен!

Милена немного хромала, они выбрались на ровную поверхность и аккуратно поплелись в сторону замка.

— Неужели? А по-моему охрененный мужик. Весь такой загадочный, — женщина картинно закатила глаза, — таинственный. Этот его голос, взгляд прям колючий, до костей пробирает, не?

— Хэла! — Милена недовольно повела головой.

— Что сказал-то тебе? — чёрная ведьма снова рассмеялась.

— Да чтоб... — но она вовремя очнулась, — прости, но как я зла... Он такой появился из ниоткуда, напугал меня до онемения, потом подошёл и такой "тебе пора начинать работать, женщина", — Милена смешно передразнила тон Элгора, а Хэла на это хихикнула, — или нет, не "женщина", а "ведьма". Стоит такой мокрый весь, словно тут курорт, и не лёд вокруг, мороз и вообще ветер пробирает до костей, а он босиком, в рубахе нараспашку. И глазом не ведёт. С него вода стекает. Я думала она заледенеть должна по всем правилам.

— Вода не заледенела, потому что он слишком хорячий! — ответила усмехаясь Хэла. — И может тебя не ветер до костей пробрал?

— Да перестань! Он реально ужасен. Он сказал, что может помочь мне уже начать работу выполнять... типа, что меня надо... удовлетворить и тогда всё будет! — девушка скривилась. — Боже!

— Аааа, — женщина сделала серьёзное лицо. — Ты согласилась, надеюсь?

— Х-э-л-а!

— Хотя, если бы ты согласилась, — не отреагировала на возмущение девушки чёрная ведьма, — он бы не девкам своим жопки мял, а тебе. И ты бы не тут была, а в теплой постельке.

— Да перестань, ну чего ты! Я с ним? Да ты офигела?

— Если ты скажешь мне, что он не шикарен и что от него внутри слоники не пляшут, то я тебе больше никогда не поверю. Потому что такие у него руки, ну правда, ты их видела? Эх, была бы я моложе, лет этак на десять хотя бы, навела бы тут шороху!

— Слоники пляшут? — Мила остановилась и уставилась на Хэлу.

— От таких, признаем честно, говнюков, не могут бабочки пархать. Тут животинка помощнее нужна.

Девушка прыснула со смеху.

— Хэла, да что ж такое, это просто... просто... господи, не могу!

— Он знаешь из тех, кто дрожит перед зеркалом, как думаешь?

Милена зашлась ещё большим смехом.

— Но девки конечно не зря от него вздыхают, — заметила Хэла, слегка шурясь. — Эх, был бы не знатным, перетоптал бы тут всех девок в селении, и ему мужики тёмную бы устроили.

— Хорошо, что он знатный и ему некого топтать? Поэтому он ко мне пристаёт? Меня можно? — всё ещё хихикая, спросила Мила.

— Не, тебя нельзя. Да и на что ты ему — у него наложниц вон маленький отряд.

— Наложниц? — белая ведьма нахмурилась.

— Ну да, девки в бежевых платьях, — пояснила Хэла. — Вчера прибежали к Мите две его как раз — одна за водой, другая за травами для настоя, помнишь?

— Я думала это прислуга, — стусевалась девушка.

— Не, как раз наложницы бронара и одна и другая, — Хэла покачала головой.

— Подожди, а откуда они? Они рабыни? И... как вообще это?

— Кто рабыни, а кто вольные, ну как вольные... вот родилась у мужика простого свободного дочка, красивая выросла, и он её, когда до возраста нужного добралась, привёл в наложницы к знатным. Если понравилась — то дадут за неё плату и оставят, а если нет... то нет. Но обычно стараются хоть как-то тогда в дом благородных пристроить, хоть помощницей кухарки.

— То есть отцы продают дочерей? — уточнила Милена.

— А что ты хочешь? — пожала плечами женщина. — У этого мужика десять ртов по лавкам сидят, он её отдаст, ему откуп дадут большой, и он сможет десять ртов на него кормить, а дочку, в его понимании, любить будет благородный, она глядишь ребенка от него родит, и тогда вообще обеспечена будет на всю жизнь. А некоторые наложницы, чем могут потом, своим семьям помогают, если местные.

И Хэла махнула рукой.

— Эка невидаль, у нас в мире такого нет что ли? Вэбкам есть, девственность продают, а тут — ой, какой кошмар? Те же яйца только в профиль.

— И много тут наложниц, — тихо спросила белая ведьма, явно погрузнев.

— Ну, хочешь, посчитай сколько у кого.

— Они у всех свои?

— Да, — ответила женщина, внимательно всматриваясь в девочку.

— То есть у ферана и митара тоже есть? — нахмурилась Мила.

— Есть, — кивнула чёрная ведьма. — Ленты на платьях темно-синие — ферана, ленты светло-синие — митара, ну, а голубые — бронара.

Некоторое время они шли молча, видимо Милена пыталась переварить информацию.

— А чего он мокрый-то был, не лето же, — пробурчала девушка, — купаться?

— Видимо опять с братьями повздорил, — вздохнула Хэла. — Он как ругается с ними, сразу на реку лезет. В воду вжух и, видимо, отпускает его. А вообще они все тут в такой водиче горазды купаться. У них это в порядке вещей.

— Типа моржи? — хмыкнула девушка.

— Ага, типа, — ухмыльнулась чёрная ведьма.

— А чего он с ними ругается?

— Да говнюк же, потому и ругается, — ответила Хэла. — Не понимает на самом деле своего счастья. А то, например, была бы у ферана жена и вообще не весело ему было. Он бы, наверное, в этой реке утопился давно уже.

— Почему? — спросила Мила в недоумении.

— Ну, порядок такой, — пояснила женщина, пожав плечами. — Вот есть феран — он главный, его правая рука митар. А бронар, он как... управляющий, что ли. На нём дом, слуги, весь быт, понимаешь? А если бы у ферана была жена, то это было бы её задачей, а бронар был бы её помощником, то есть пришлось бы ему все свои чувства собственной значимости, превосходства и важности, запихнуть себе в зад, да подальше. Не представляю как бы он такой вообще бабу слушался, даже хоть и благородную.

Милена хихикнула.

Они дошли до ворот, когда темень уже стала практически густой и непроницаемой.

В комнате серые очень обрадовались, что Мила вернулась живая и здоровая, так как Хэла заговорила её ногу ещё в поле, и потому уже на подходе к воротам о хромоте ничего не напоминало. Потом чёрная ведьма отвела девушку к Мите, чтобы напоить её отваром от простуды.

— Ох, детка, не делай так больше, — всплеснула руками хозяйка, когда услышала историю пропажи белой ведьмы.

— Не буду, мне так жаль, простите, больше не заставлю вас волноваться, точнее очень постараюсь, — стала оправдываться Милена.

В дверях кухни замялась та девушка, которая вчера просила у Миты кислой воды.

— Ох, сейчас. Сколько? Кувшин опять? Вы там все беременные что ли, боги мои! — поворчала Мита, а Хэла глянула на девчущку.

Она была ещё без лент, совсем молоденькая, красивая, но худенькая, даже хрупкая, и внутри у неё действительно рдел ещё один огонёк. Вот же, чёрт!

— Чья? — спросила Хэла у Миты, когда наложница убежала.

— Да Элгора, чья ж ещё, — ответила та и покачала головой, разливая по кружкам заварившийся отвар.

— Хэла, — вбежала в кухню Сола. — Там тебя и Милу феран к себе зовёт.

— Вот ведь, наябедничал кто-то, всё же, — разозлилась чёрная ведьма.

— Хэла, я скажу, что я во всём виновата, Хэла, это же я такая дурёха неуклюжая, — шептала ей Милена по дороге к ферану.

— Не надо, детка, я сама, — отозвалась она.

— Сначала ты, — ткнул в Хэлу воин, что стоял возле дверей к кабинет ферана.

Она, как всегда, небрежно повела плечом и, подмигнув Миле, зашла внутрь.

Нет, если бы в комнате был только достопочтимый феран — куда ни шло. Но тут была вся красота дома — и всклокоченный митар, явно вытащенный уже из постели, в которой может и не один был, и бронар, на этот раз одетый, причём даже больше положенного. Вот бы выцарапать глазёнки-то наглые. Феран стоял прислонившись к стене со сложенными на груди руками — ну всё, Хэла, ща наваляют тебе!

— Что случилось? — с ходу спросил у неё митар.

— Что случилось? — переспросила женщина, предпочитая сначала не говорить, а послушать, чтобы понять, что же конкретно донесли ферану о происшествии с Миленой.

— Хэла, — Роар был прям не в себе, — что случилось с белой ведьмой?

— Да ничего с ней не случилось. Загулялась немного, жива-здорова ваша драгоценная, вон за дверью стоит.

— Почему ты не сказала? — голос у ферана был холодным, сродни тем глыбам, что в поле до сих пор после “дождичка” валялись.

— Потому что не было нужды. Я её нашла, привела назад, внушение сделала, — повела плечом и головой Хэла. — Какой был смысл в трубы тревогу трубить и в ружьё народ поднимать?

Он нахмурил брови, но уточнять, что именно она только что сказала не стал — значит очень зол.

— Какое отношение к этому имеет достопочтенный бронар? — холодно спросил феран.

“Ого, то есть и про это накапали...” — не без сожаления подумала про себя женщина.

Хэла может и не испытывала особой любви к Элгору, но стучать она не любила, да и сейчас какой был в этом смысл? Не убил он её, ну напугал немного, ну сказал пару пошлостей, свалил, оставив одну в непонятной ситуации. Но в целом откуда он мог знать, что она там решит застрячь между камушков?

И, скорее всего, он действительно не слышал её зов о помощи — вернулся бы, если бы слышал. Он конечно засранец, но не в такой ситуации. Да и не стал бы он упускать возможность в очередной раз покрасоваться и повыпендриваться.

— Понятия не имею, — ответила Хэла на чистом глазу.

Даже если и знают, что она врёт...

— Наказание за ложь ферану и на серых распространяется, — отчеканил Рэтар.

— От этого понятие у меня не появится, — стараясь быть совершенно пофигистичной, проговорила ведьма, не отрывая взгляда от его леденящих сейчас глаз. — Вам охота тут семейную разборку устроить — без меня, пожалуйста.

— Хэла, — прорычал феран и внутри всё бабахнуло пушкой.

Хэла стойчески выдержала этот взрыв. А Элгор фыркнул.

“Что ты сейчас, мать твою, сделал?” — взвилась она.

— Хорошо. Иди, — так же холодно приказал феран.

— Ещё кое-что, — нет, стучать она не любила, но вот сейчас... сейчас... — У вас там в вашем садике цветочек оплодотворился, без году неделя девке, жирок даже не наела ещё, а скоро мамкой станет... Хотя не станет, потому как исходя из тенденции размерной сетки мужиков в этой семье, ребёнок у неё внутри будет в половину неё и уж, если такой же удалец не вылез из дородной бабы, такой как Эрона, то молитесь как бы эта малявка вообще дожила до схваток, а то глядишь в середине беременного дела коней двинет.

— Подожди, Хэла, — поток непонятных им слов прервал митар. — Ты вообще о чём говоришь?

— В наложницах недавно мелкая девчонка ходит, лент на ней ещё нет, а она уже беременная. Вот не понимаю какой прям такой интерес побыстрее девку поломать? — Хэла зло уставилась на Элгора и получила не менее злой взгляд в ответ. — Ну, правда, прям словно одна тут и других нет.

— Твою ж, Элгор! — митар еще больше растрепал свои светлые волосы.

— Ведьма, ты... — зарычал на неё бронар и прям было ощущение, что сейчас сотрёт в порошок.

— Слышь, мальчик, — и тут Хэлу понесло, — ты либо научись уже процесс

регулировать, или так и говори, что тебя прёт, что бабы с твоими детьми внутри мрут, как мухи. Ясно?

— С чего ты вообще взяла, что она умрёт? — рыкнул Элгор.

— А ты на что надеешься?

— Она молода и здорова!

— И еду она впервые нормальную у тебя на столе увидела, — заметила ему Хэла.

— Она должна была пить травы, нет? — спросил он, снимая с себя ответственность.

Как типично.

Чёрная ведьма повела головой, стараясь унять себя, чтобы не наговорить этому засранцу чего этакого, развернулась к ферану:

— Или могилку ей готовьте, или тащите на весь срок к магам, потому как не факт, что она сдюжит выждать весь срок, а когда время придет, нет тут ни одной повитухи и не одного лекаря, которые смогут из неё ребенка достать так, чтобы и она жива была и дитя. Ясно?

— Больше ничего нельзя поделаться? — спросил митар, хмурясь.

Хэла глянула на него и немного оттаяла, потому что вид у него был не на шутку расстроенным и потерянным. Брат натворил дел, а Роар сожалел.

— Можно, но несколько дней. Решайте. Дальше ничего не буду делать, хоть убейте — сейчас могу забрать, потом не стану. И в родах спасать её не буду, пусть вот достопочтенный бронар постареется, — кивнула ведьма в сторону младшего мужчины. — Может поглядит, как душа из тела с муками уходит, и перестанет так стараться своё семя во всех подряд запихнуть.

Всего один выдох и взгляд ферана спас Хэлу от удара, реального удара, который она уже приготовилась принять со стороны Элгора. Нет, не терпел бронар такого, а от серой и подавно. И сейчас в нём клокотала такая ярость, что тьма вокруг Хэлы прям таки взвилась пламенем и стала плясать во всех углах комнаты.

— Иди, — тихо приказал ей феран и от этого приказа передёрнуло ещё больше, чем от ожидания удара Элгора.

Глава 10

Когда Роар был маленьким, появлялось бывало внутри какое-то невероятное чувство потерянности, когда на него смотрел отец. Он сталкивался с этим взглядом полным печали, сожаления и тоски, и хотелось что-то сделать. Нет, нельзя было сказать, что отец не любил Роара, но боль, которая рождалась внутри мужчины, когда сын, как говорили другие, невероятно похожий на свою умершую мать, улыбался её улыбкой, или смотрел её глазами, опустошала. И Роар искренне старался не попадаться лишней раз отцу на глаза, благо это было легко сделать, потому что Рейнар, выполняя обязанности митара, почти всё время был там, где шла война.

А потом великий эла заставил отца жениться ещё раз. И несмотря на то, что вторая супруга Рейнара Горана, как говорили люди, была крепче и сильнее, чем первая, но всё равно роды забрали и её жизнь.

Роар любил брата. Он старался защищать Элгора, как мог, всегда старался прикрыть его и частенько ему доставалось за проказы младшего брата, да и когда вина была равнозначна, Роар всё равно брал всё на себя. Правда работало это со всеми, кроме Рэтара, который никогда не поддавался. И наказывал обоих, если Роар брал вину за то, к чему не имел никакого отношения. И сейчас, несмотря на это, и на то, что они уже давно не были детьми, первым порывом в сложившейся ситуации было сделать, как привык.

Когда Хэла вышла и повисла гнетущая тишина, Роар искренне пытался найти слова, чтобы оправдать глупость и бездумность поступка своего младшего брата. Но всего одного взгляда на Рэтара хватило, чтобы перестать даже думать об этом.

И тогда Роар принял другое решение.

— Я посмотрю, что с белой ведьмой и отправлю её отдыхать, — буркнул он, слегка склонился перед фераном и бросил полный горечи взгляд на своего младшего брата.

Не дожидаясь ответа ферана, он вышел за дверь и наткнулся на обеих ведьм:

— Хэла, надо поговорить, можно? — спросил он.

Та лишь слегка повела головой в ответ, и Роар подошел к Милене.

— С тобой всё хорошо? — тихо и как-то рассеянно спросил он у девушки.

— Да, — кивнула она. — Простите меня, достопочтенный митар, я постараюсь больше не задерживаться так сильно во время прогулок, если конечно мне всё ещё можно гулять после сегодняшнего?

— Конечно можно, — нахмурился Роар. — Только до захода Изар, я прошу. И достопочтенный феран просит.

— Мне к нему зайти? — она потупила взгляд.

— Нет, можешь идти отдыхать.

Девушка поклонилась и взглянула на Хэлу.

— Иди, не жди меня, — отозвалась женщина.

— Я хотел спросить о том, что ты можешь сделать, — Роар потер шею, когда они остались наедине и вышли на открытый балкон. — Я знаю, что чёрные могут такое, но предыдущая ведьма делала подобное, только если матери сами просили её, насколько мне известно.

Внутри было так мерзко, паршиво.

— Мне не нужна её просьба, достопочтенный митар, — спокойно ответила Хэла. — Да и судя по девочке, она в достопочтенного бронара уже по уши втрескалась и травы не пила наверняка специально. Так что этого ребенка она так просто не отдаст.

— Даже если узнает, что ей грозит смерть? — нахмурился Роар.

— А влюбленность тем и опасна, солнышко, — вздохнула ведьма, назвав его очередным странным словом, которым часто его называла. Однажды он спросил что это значит, а она ответила, что это светило в её мире так ласково называют, а он светленький и ему очень подходит. — Здравомыслию с ней не по пути, обычно. У этой дурочки сейчас там в голове наверное такой концерт играет, что даже, если и был там ум, он отдыхает где-то в уголке.

— А можно разве забрать, если она так держится за... него... — каждое слово давалось с трудом.

— Потому и сказала, чтобы вы с решением не тянули — еще немного и нельзя будет так просто забрать, — повела плечом Хэла.

— Ей будет плохо?

— Не будет, — спокойно ответила ведьма. — Плохо будет, если дальше всё пойдёт.

Она тяжело вздохнула:

— Не выживет она, Роар. Элгор очень большую глупость совершил. Я уже не говорю, что я думаю о том, что она худая, мелкая, того и гляди ветром снесёт, не готова она пока, а тут такое... я бы ему наговорила, — Хэла зло фыркнула. — Сделаю так, что просто придут кровавые дни и не узнает никто, что было с ней что-то. А если она уже кому сказала, то ответят, что задержалось всё из-за переживаний её и нового места. Такое бывает.

Митар рассеянно кивнул. Когда-то давно он спросил у Рэтара, потому что не мог больше ни у кого спросить об этом, почему отец, если так любил его мать, не позаботился о том, чтобы она не забеременела. Роару было непонятно — неужели нельзя было быть осторожнее, если предполагал, чем это может закончиться? Но тан вздохнул и ответил, что долгое время Рейнар делал всё, чтобы беременности избежать — поил жену травами, сам был очень аккуратен. И в конечном итоге Эарган, бывший тогда фераном, просто вызвал своего младшего брата к себе и высказал ему всё, что об этом думал. Отец Рэтара не оставил выбора Рейнару — или делает своей обожаемой супруге ребёнка или Эарган позаботится об этом сам. И достопочтенный феран Эарган Горан сделал бы это. Поэтому отцу Роара ничего не оставалось — его супруга забеременела, но разродиться не смогла и вот Роар жив, а она мертва. И никак не получалось не испытывать за эту смерть вину.

— Тогда заberi, — после непродолжительного молчания сказал он тихо, но твердо.

— Уверен? — уточнила Хэла.

— Да.

— А феран?

— Это моя просьба, Хэла, только моя, — мотнул он головой и посмотрел на ведьму. — И это будем знать только ты и я, хорошо?

— Как скажешь, но эйол может узнать, от него не скрыть заговор, если он посмотрит, то увидит... и уж поверь мне, — повела плечом женщина, — не промолчит, наговорит тану твоему.

— Не переживай, я буду держать ответ, если это обнаружится, — ответил Роар. — И Хэла... это будет мой грех, не твой, понимаешь?

— Я понимаю, — прошептала она и он утонул в печали её красивых полных мудрости глаз. — Только всё равно делать заговор буду я, солнышко. Ты хороший человек, Роар, и я понимаю, что ты чувствуешь сейчас, и знаю, как тяжело принимать это решение.

— Хэла, я...

— Ты не можешь вечно его прикрывать, — она видела намного дальше, намного глубже. — Если он не думает головой, а думает одним местом... что ты можешь с этим поделаться? Он твой брат, но ты ему не нянька, Роар.

— Я не умею по-другому, Хэла, — ухмыльнулся грустно митар. — Может стоит просто сделать так же как с Воргом?

— Он поймёт, что это я, — Хэла игриво улыбнулась, — и вам снова придётся искать чёрную ведьму. Или я от тебя, достопочтенный митар, ни на шаг не отойду после этого, чтобы ты меня от горячей головушки твоего брата защитил.

— Так и не отойдёшь? — Роар озорно улыбнулся в ответ.

— И спать с тобой буду, не обессудь, — и она повела бровью.

— Да я может и не против, Хэла! — ответил на это митар. — Ты смотри, а то соглашусь и...

— Ой, тц-тц, Роар, не играй с огнём, мальчик, — Хэла пригрозила ему пальцем, а он рассмеялся и поймав её за руку, сжал пальцы и поцеловал кончики.

Она была красивой женщиной, на вид не намного старше самого Роара. И умела играть тем, что у неё было — взгляд, вздернутая бровь, озорная улыбка, голос... как она играла голосом! Иногда совершенно невозможно было понять шутит Хэла или говорит серьёзно, а порой хватало пары фраз, чтобы влезла в душу и выпотрошила наизнанку.

Её бесцеремонность и открытость Роара откровенно обезоруживала. А ведь перед женщинами он не робел, и вниманием их не был обделен никогда. Ни здесь, ни в военных походах, ни когда жизнь забрасывала в столицу, где все, и благородные и свободные девицы, вились возле него словно вокруг других мужчин не было.

А Хэла ставила митара в тупик.

Их чёрная ведьма была словно женщиной другой породы. Иной. Сначала Роар думал, что это мир у неё такой, вот и она такая, но потом появилась Милена и оказалось, что нет, мир не при чём.

Белую ведьму призвали оттуда же, но при этом она не была похожа на Хэлу. Хотя и красивее, чем чёрная, более молодая, телом крепче, ладнее, что ли, несмотря на худобу, но Милена словно не умела всем этим пользоваться. Было чувство, что ей неудобно от себя самой. И несмотря на то, что Роар соврал бы себе, если бы сказал, что Милена не интересуется его как женщина, но это было всего лишь какое-то призрачное, едва уловимое желание, нежное что ли, как сама белая ведьма, — потрогать волосы, ощутить кожу и тело под руками, поцеловать.

А вот с Хэлой всё было не так — она была притягательнее, ярче. Она была страстным огнём, способным испепелить всё вокруг, но гореть разрешалось только время от времени. А ещё было чувство, что, если она захочет, то никто из них перед ней не устоит, но Хэла сама держит себя на расстоянии, строит невидимую, но основательную преграду, которую нельзя преодолеть. Она вроде и дразнила, тянула к себе, но была эта чёткая черта, которую женщина не позволит никому из них переступить. И даже если Роар, или кто-то ещё захочет, то ничего не получится.

Но при этом с Хэлой было просто — если касалось дела, то она говорила всё открыто, иногда даже слишком, но это не оставляло никаких недомолвок, ничего о чём потом оказывается нужно было думать.

— Но я могу сделать так, чтобы его... — она задумалась видимо подбирая понятное для Роара слово, — семя не приносило... плоды. Как-то так.

Митар нахмурился.

— В общем ничего не изменится, но никто не сможет от него забеременеть, — пояснила чёрная ведьма. — Какое-то время.

Он кивнул в знак того, что понял её.

— Какое? — предложение митара заинтересовало.

— Двадцать тиров? — не моргнув глазом, абсолютно серьёзно выдавала она.

— Эй, Хэла, подожди, не много ли? — ухмыльнулся Роар.

— Не много, думаю он и через двадцать тиров ума не наберётся, — ответила ведьма спокойно.

— Может пять? — предложил митар.

— Десять, — сжалась Хэла, приподнимая бровь.

И вот это и имелось ввиду, когда непонятно было — шутит она или серьёзно.

— Десять нормально, — кивнул он, став серьёзным и всматриваясь в её глаза.

— Хорошо, — она стала серьёзной.

Но ведь это было неплохим решением.

— И ты же сможешь его снять? — нахмурился Роар.

— В любой момент, — улыбнулась ведьма. — И иди уже! А то почтенный феран убьёт твоего братца и не важно будет десять тиров или один день.

Он усмехнулся, соглашаясь, а чёрная ведьма склонила голову набок и, игриво пожелав ему сладких снов, пошла в дом.

— Хэла, — окликнул её Роар, когда она уже почти скрылась из виду.

— Да, достопочтенный митар?

Были сомнения, но...

— А можно мне тоже? — спросил он, став серьёзным.

— Что? — она вернулась, застыв в проёме выхода и уставилась на него с непониманием.

— Как Элгору, — сказал митар. — Можешь и меня заговорить?

— Роар... — Хэла повела головой, стала серьёзной и нахмурилась.

— Хотя бы на пять тиров... или тоже на десять, — он попытался пошутить.

На губах Хэлы дрогнула едва уловимая и очень печальная улыбка — шутку она не оценила.

— Хорошо. Пять.

В глазах было понимание. За это понимание молчаливое и не жалостливое, а такое человеческое, он был готов для этой женщины на что угодно. Определённо. Даже больше, если бы только не эта грань, за которую было нельзя.

Глава 11

Следующим утром во дворе безутешно рыдала девчушка в платье наложниц, без лент на рукавах, подоле и вороте. Её утешали несколько наложниц, пара женщин из дома, в том числе Мита.

— Не переживай, моя хорошая, так бывает. Бывает, просто задержались твои кровавые дни, бывает...

Но девица всё не унималась и говорила, что знала, будто это не просто так, что внутри у неё была жизнь.

— Ох, ты, ну, девочка, бывает, бывает... не плачь милая, куда тебе, сама ещё вон никакая, не видать её, а уже мамкой собралась стать... силы надо набраться, а потом и! Будет всё!

Было ли Рэтару её жаль? Кажется он так часто видел такое — приводили девушку из простых в наложницы и, если её брали, то она ставила себе целью поскорее забеременеть, родить, а потом можно было отправиться в Кэром и там, по их мнению, жить без забот.

Феран тяжело вздохнул. И откуда только было в них такое странное убеждение? Конечно, такое бывало, но так редко.

Эти глупые совсем не понимали, что власть того, кому они служили распространялась на них в полной мере, и никакие дети не могли остановить владельца наложницы, если он считал, что она ему нужна. Она могла родить и пять тиров жить в Кэроме или Галте, но как только ребёнок проходил обряд имянаречения и эйол возлагал на него руки, материнство уже не имело значения.

Рэтар прекрасно знал, что порой матерей-наложниц забирали прямо после обряда — отец признавал ребёнка, давал ему имя, а мать тут же забирал с собой. Иногда детям везло и их забирали с собой в отцовский дом, но чаще всего они оставались на попечение ферната, который воспитывал их до возраста десяти-тринадцати тиров.

Конечно, наложница могла забеременеть снова, тогда всё повторялось. Но могла и надоесть, стать неинтересной, и её в этом случае могли продать в другой фернат, или подарить, словно вещь, и это происходило намного чаще, чем то, что наложница оставалась

с ребёнком и про неё забывали.

Рэтар прошёл через двор и поднялся к себе в рабочую комнату. Отчёты о нападениях, разрозненные отряды разбойников, вести из мест внутри Изарии, которые граничили с Юргом, Хэжени и Алнам, другими фернатами Кармии, стопками были навалены на столе.

Вчера он ничего не разобрал — голова к вечеру нещадно болела. Потом эта весть о том, что белая ведьма пропала, Элгор со своим неуёмным желанием плоти, Роар беспокойный из-за белой и расстроенный поведением брата, Хэла взвинченная и злая на всех мужиков разом — это не способствовало тому, чтобы заниматься делами.

Элгор вообще был сам не свой последнее время, но вчера он довёл Рэтара до состояния, когда хотелось по меньшей мере врезать или ввалить парню плетей.

С самого утра бронар огрызался, был нервным и всем недовольным и оттого все эти отчёты бытового плана оказались у Рэтара на столе. Вся бытовая часть лежала на плечах бронара, но последнее время Элгор вообще её не выполнял. А уж после вестей о беременности новой наложницы младшего тана, Рэтар хотел вообще убить его. Сдержался с большим трудом.

Всю ночь он провел в физически изнуряющих упражнениях, чтобы хоть как-то выпустить злость на Элгора и на ситуацию в целом. Как только, засранец, успел девку подмять так, что уже в бремени оказалась?

Рэтар начал думать, что можно наложниц запереть или отправить весь харн в Кэрм, чтобы хоть как-то отреагировать на ситуацию. Только поможет ли?

— Я требую наказания за самовольный заговор против моей наложницы, — взревел Элгор вваливаясь в комнату, когда Рэтар был погружен в разбор всех этих сообщений, которым, как казалось ферану, не было конца.

— Что? — он поднял глаза на бронара и встретился со взглядом полным такой ярости, что казалось она уничтожит сейчас всё и вся.

— Я требую наказать чёрную ведьму, — младший тан с силой ударил в стол.

— Элгор... — рыкнул феран и выпрямился в стуле.

— Нет, хватит! — но если обычно этого было достаточно, то сейчас бронар кипел злостью, поэтому даже гнев Рэтара не смог его унять. — Она заговорила Клину и у той пришли кровавые дни, она сделала это без твоего разрешения. Её надо высечь и я сам это сделаю! Она не имела права забирать моё дитя, не имела права творить заговор.

— С чего ты взял, что был применён заговор? — решил пойти другим путём феран.

— Хватит, хватит Рэтар! Хватит, — парень перешел на рычание. — Если ты не решишь, это сделаю я. Я пойду к эйолу и он докажет, что на моей наложнице заговор!

— Элгор, — он устало потер переносицу, но сказать ничего не успел.

— Ты... ты... хватит уже идти у неё на поводу и делать так, как она хочет! — взвился бронар ещё сильнее. — Тебе не надоело быть камнями под её ногами? Эта баба вам всем головы перевернула! Вы вообще перестаёте соображать, когда видите её. Она всех нас может убить одним только словом, а ты позволяешь ей творить всё, что она хочет?! Она должна делать только то, что мы ей говорим! Я требую наказания, Рэтар. Я требую наказания для неё как тот, кто является свободным человеком твоего ферната. Я требую справедливости от своего достопочтенного ферана! Ясно?

И Элгор снова приложил ладонью о поверхность стола, нависая над фераном. Тот хотел встать, вобрал воздух, чтобы ответить, но тут в комнату ворвался один из стражников.

— Достопочтенный феран, там... — воин нахмурился, — мне сказали, что у белой

ведьмы горячка.

Сказать, что на Элгора нашел вид победителя, это не сказать ничего, он выдавил из себя какой-то победный возглас, и Рэтар, вставая, понял, что должен быть готов к очередной порции высказываний о наказаниях, строгости и прочих радостях, которые сидели в Элгоре совершенно непонятно откуда.

— Ты видишь? Видишь? И ты ничего не знал, и никто ничего бы не сказал, пока белая не умерла. Именно этого она и добивается. Откуда ты знаешь, что нет? — шипел ему в спину бронар, пока они шли к серым. — На позорное место её и расписать спину плетью, я бы такую как она заклеил, потому что эту силу иначе нельзя контролировать. А ты всё пресмыкаешься перед ней, разве что ноги ей не целуешь. Хочешь её поиметь — сделай уже это. Первый раз силой, а потом и сама просить будет, зато будет послушная...

Сдерживать себя Рэтару становилось всё тяжелее, дорога казалась бесконечной и внутри зверем выло желание со всей силы приложить тана к стенке.

В комнате серых было тихо. Хэла сидела возле кровати Милены бледная, мокрая и казалось вообще не дышала. Последний раз он видел её такой после того, как она спасла Эрону и её сына... сына Элгора.

— Достопочтенный феран, — одна из серых поклонилась им, когда они зашли.

Рэтар никак не мог вспомнить её имени, хотя знал все, но сейчас почему-то забыл. Серых девушек здесь сейчас было всего двое.

— Почему не сообщили? — спросил он.

Другая серая, высокая, вытянутая, всегда строгая, Карлина, кажется, сидела по другую сторону от постели белой ведьмы. Она подняла на него глаза:

— Простите, достопочтенный феран, не успели.

— Что значит вы не успели? Уже скоро взойдет второе светило, — взвился Элгор.

— Простите, достопочтенный бронар, — Карлина старалась говорить спокойно. — Ей стало плохо ночью, Хэла единственная заметила, она меня разбудила и попросила помочь. Сама она сразу стала заговаривать Милу, а я обернула белую ведьму в мокрые ткани...

— Но сообщать нам вы не стали, не было нужды? Или когда вы хотели сообщить, когда ведьма умерла бы? Всех под плеть! — прошипел бронар и буквально плевался ядом.

— Простите меня, достопочтенный бронар, — Карлина встала и лицо её перестало быть спокойным, она посмотрела на Элгора с вызовом, — Хотите, можете меня забить плетью до смерти, но я не признаю своей вины и за Хэлой вины никакой нет. Мы не сказали, потому что весь дом спал, сказали бы сейчас, да видно у кого-то и без того язык длинный. И если бы сказали вам ночью, то что? Вы бы встали вот так, как сейчас здесь стоите без толку, только желчь свою распространяя и тьму преумножая.

Элгор замахнулся, чтобы ударить девушку, но Рэтар перехватил его руку. Бронар посмотрел на ферана с нескрываемой ненавистью, хотел что-то сказать, а Рэтар понял, что если услышит хоть звук от него, то сдерживать себя больше не сможет, но тут за спиной у него послышался голос Миты.

— Достопочтенный бронар, мне нужна ваша помощь, сейчас же! — спасла Элгора стряпуха, и феран отпустил руку тана.

— Простите меня, достопочтенный феран, — произнесла Карлина, когда Элгор вышел, и смиренно склонила голову. — Я приму любое наказание, если вы считаете нужным, но не наказывайте Хэлу.

— Как Милена? — спросил Рэтар, всматриваясь в белую ведьму.

— Лучше, — ответила серая. — Горячка отступает. Я слежу за её состоянием.

— А как Хэла? — всё время их перепалки она так и не пошевелилась, глаза её были закрыты, а рука крепко сжимала руку заболевшей девушки.

— За ней тоже стараюсь, пока она держится.

Он кивнул и внутри рвалось желание сделать хоть что-то, чтобы помочь. Повернувшись к серой, он тихо произнёс:

— Карлина, чтобы я мог помочь, я должен знать о том, что происходит, понимаешь? — и серая кивнула, виновато и с грустью. — Сейчас я прошу сообщать мне об ухудшении в их состоянии. В любое время, Карлина. Не важно, когда. Это понятно?

— Да, достопочтенный феран, — она поклонилась.

Рэтар вышел.

Каждый раз в такие моменты на него наваливалось это невообразимое чувство страха выползающее из каких-то самых дальних уголков его памяти и сознания. Прошлые потери вставали за его спиной и тянули к нему свои руки.

Обычно он умел справляться с этим, но сейчас всё было иначе. Точнее с Хэлой было иначе.

Не было смысла врать себе, он никогда не делал этого прежде, да и сейчас не надо было начинать — Хэла была ему небезразлична. Более того — она была важна.

И нет, дело было не в тяжести его желания обладать ею, желания попробовать эту женщину. Нет, порой он сходил с ума от её присутствия, которое душило его, и казалось спасения не будет, но Рэтар так хотел сделать жизнь Хэлы, если не счастливой, что было наверное нереально, но хотя бы спокойной, лишённой печали. И потому его сейчас грызло чувство бесполезности.

Когда она спасла Эрону в родах, это было для него потрясением — чёрная ведьма не даёт никому жизнь. Он вбивал в себя, что такого не бывает, что с Хэлой что-то не так... и это “не так” его озадачивало, ставило в тупик, а ещё завораживало.

И её сила перекликалась с её вынужденной беспомощностью. Эти глаза полные слёз, когда она просила, нет, умоляла его дать ей возможность помочь роженице, потрясли его до глубины души. Словно сама она умирала и отчаянно молила его спасти её. А после сотворённого чуда, она просто ушла прочь из замка и пропала, вся в крови, босая, после расходования такого количества силы...

Рэтар знал о магии много, знал о том, что и как нужно делать, чтобы спасти чью-то жизнь, знал цену этого. И тогда холодные цепкие пальцы страха полезли в его душу. Идя по оставленным ею следам, его разъедало чувство безумного беспокойства.

Он нашёл Хэлу достаточно быстро и, когда увидел лежащей на теле мёртвой хараги, подумал, что и ведьма мертва.

Это могло быть реальностью — у неё почти не было опыта в колдовстве, том самом, что даёт жизнь, а не отнимает её. Хэла могла взять на себя слишком непосильную ношу и смерть могла стать неизбежным исходом всего этого чуда рождения, чуда изгнания смерти.

Что именно Рэтар испытал в тот момент? Отчаяние... Ужас... Боль... Невыносимую боль. Таковую, что хотелось взвыть.

И ему было странно это, потому что не так долго она была у них, чтобы привязаться к ней или даже толком разобраться, что на самом деле она из себя представляет. И ещё Рэтар избегал её, как мог, потому что чувствовал себя с ней странно, ему не нравилось, что она

притягивает его к себе. И вот мгновение ужаса и боли от мысли, что Хэлы больше нет... а потом она пошевелилась и применила силу к одному из мужчин, и боль сменилась такой невообразимой радостью, облегчение словно пролилось на Рэтара ливнем, он сам не помнил, когда последний раз испытывал столько облегчения, столько искреннего счастья.

Если бы они были там одни, он бы уже тогда отправил всё, что запрещало и сдерживало Рэтара, куда подальше, и Хэла в ту же ночь стала его. Но эта ненависть на лицах свободных мужиков: ненависть к хараге и её выводку, ненависть к чёрной ведьме, которая помешала им творить их работу — требовала от Рэтара, чтобы он убрал Хэлу отсюда, как можно скорее.

Он оставил в стороне то, что было мерзко убивать харагу с выводком, несмотря на жестокость этого хищника, в крови Рэтара было уважение к достойному врагу. Не стал заявлять о своём праве ферана и вспоминать, что не давал разрешения на охоту. Он просто хотел скорее забрать Хэлу. Хрупкую, уязвимую, потерянную, слабую и беззащитную, искренне жалеющую несчастных хиггов, детей хараги. Забрать и спрятать.

Рэтар вёл её до замка так осторожно, как только мог, а хотелось взять на руки, отнести к себе, раздеть, согреть и никуда больше не отпустить, оставить только себе.

И те три мирты, что она лежала без сознания и металась в бреду, были для него таким жестоким испытанием, что он давно забыл, что способен испытывать такие сильные чувства к кому-то.

Тогда он решился прийти посмотреть на Хэлу. Она была такой взмокшей, хрупкой, бледной, даже прозрачной, и совершенно неживой. О том, что в ней ещё есть жизнь говорило только тяжёлое дыхание. Её короткие темные с сединой волосы разметались по подушке, а вся яркость лица ушла, сделав её всего лишь бледным подобием настоящей живой Хэлы.

И Рэтара облепил страх, а вопросы стали мучить голову. “А если не справится? Если она уйдёт от него? Когда он вообще успел так к ней привязаться? Почему вообще внутри него откуда-то взялось это чувство? Почему ему вообще есть до неё дело? Почему ему страшно её потерять?”

Но ответов не было.

И вот снова. Это бледное безжизненное лицо, тяжёлое дыхание, тени под закрытыми глазами, и Рэтар знал, что там, в этих закрытых сейчас глазах, бездна... его личная бездна. И он снова стоит где-то на краю и снова так близок к тому, чтобы потерять эту несносную женщину.

Сейчас ему было искренне плевать на благополучие и здоровье белой ведьмы, он призовет ещё десяток, но Хэла... Хэла... женщина, которая всё перевернула внутри. Ведьма, которую он, кажется, призвал только для себя.

— Может позвать Зеура, — Роар практически налетел на него, останавливая, когда Рэтар вышел на улицу.

Митар был сам не свой — взгляд безумца, сам мужчина был весь всклокоченный, испуганный. Таким Роара он не видел уже очень давно. Наверное, последний раз таким был, когда погибла Яза. И ферана облепило чувство стыда за мысли, которые так жестоко бились внутри.

— Зачем? — спросил Рэтар, прекрасно зная ответ.

— Чтобы спасти ведьму, — ответил Роар.

— Которую?

— В смысле? — митар смотрел растерянно и с непониманием.

— Маг сможет спасти только одну, — напомним феран. — Которую будем спасать?

— Рэтар, — нахмурился Роар и потупил взгляд.

Феран мотнул головой и ушел из замка, направившись в сторону Нравы — кажется ледяная вода реки была сейчас единственным спасением для него, чтобы избавиться от тяжелых мыслей и вернувшейся невыносимой головной боли.

— Достопочтенный феран, — через день в его рабочую комнату постучала одна из серых.

— Грета? — кивнул он, надеясь, что не перепутал имя.

— Да, — смущаясь кивнула девушка и поклонилась. — Меня прислала Карлина. Она попросила сказать... сказать, что Мила, белая ведьма... да... она... горячка ушла, ей стало легче и скорее всего уже ничего не случится. Простите... во-вот...

Она неловко поклонилась и хотела убежать, когда он кивнул на её сбивчивое сообщение.

— Подожди, Грета, — она остановилась в дверях и со страхом обернулась. — Как чёрная ведьма?

— Хэла? Она... чёрная ведьма, она пока... никак наверное... — пожала плечами Грета. — Она словно в сознании и словно нет. Я не знаю, как сказать... простите, достопочтенный феран. Карлина, наверное бы лучше объяснила... простите.

Рэтар снова кивнул и отпустил несчастную, которая, кажется готова была в обморок упасть от одного только вида ферана, не только разговора с ним.

Получалось, что Хэла заговорила белую ведьму, но сама в себя ещё не пришла, но и хуже ей не стало, раз Карлина ничего ему не сообщила. Почему-то была уверенность, что сказала бы, если бы было, что сказать.

Молот в голове так и стучал не прекращая.

Спать Рэтар не мог, работать тоже. Ночи проходили за чтением, тренировками, или просто лежа на кушетке и уставившись в потолок.

И утром следующего дня снова попытка прийти в себя после бессонной ночи — снова тренировка с Роаром, который явно стал намного бодрее после сообщения о том, что вчера к вечеру белая ведьма пришла в себя и Мите даже удалось её накормить.

После тренировки Рэтара снова спасала ледяная река. И вода сегодня была кажется даже теплее, чем обычно — может тепло и пора цветения придут в этот раз сами собой?

Идя по коридорам к себе, он краем глаза заметил фигуру на том месте, где обычно в Трите сидела Хэла.

Сердце подскочило, предательски сбилось дыхание, совершенно дурная улыбка скривила лицо. Рэтар вышел на балкон и уставился на сидящую между зубцов стены Хэлу. Глаза её были закрыты, она подставила лицо под лучи Изар, тёмные круги всё ещё лежали под глазами, на щеках не было привычного румянца и ведьма, как всегда, была в одном только платье и босая.

Феран втянул в себя морозный воздух.

— Хэла? — позвал Рэтар.

Она не отреагировала и он забрался к ней. Присев рядом, феран понял, что ведьма спала. Он глянул вниз со стены и поморщился — упасть отсюда было бы смертельным делом. Подставив руку так, чтобы в случае чего перехватить её, снова позвал. Хэла вздрогнула и открыла сонные, полные усталости глаза.

— Я уснула? — спросила она у него. — Вот чёрт...

— Ты спишь в очень опасном месте, Хэла! — Рэтар постарался сказать это как можно грознее, но злиться на неё он не мог, только не сейчас, когда видел её перед собой живую и снова тонул в бездне её глаз.

— Простите, достопочтенный феран, — она улыбнулась и привычно склонила голову набок. — Я не собиралась спать.

— Но уснула. И могла упасть.

— Ты бы расстроился? — спросила она, став прежней Хэлой, сводившей его с ума.

— Иди спать в кровать, несносная ведьма!

— У меня не получается, — ответила она, став серьёзной и даже какой-то обиженной. — Знаешь, бывает так, когда так сильно устаёшь и потом не можешь уснуть? Вот у меня так же. Спать невыносимо хочу, но не могу. Я думала, что на свежем воздухе приду в себя, но вот отключилась.

О, он знал, очень хорошо знал это состояние, а с тех пор как в его жизни появилась эта женщина, состояние это стало для него обыденным и привычным.

Рэтар кивнул.

— Прости меня, — внезапно сказала она.

— За что?

— За Милену.

— Хэла...

— Нет, — она упрямо мотнула головой и протянула руку к его мокрым волосам. И Рэтар замер. — Не доглядела. Я её хотела напоить отваром, даже сделала всё, налила, но нас к тебе позвали и я не посмотрела, что она его не выпила. А потом забыла. Прости.

И Хэла убрала руку, а Рэтар понял, что волосы стали сухими.

— Иди в дом, Хэла, — мягко приказал он, и развернулся уйти, а на деле убежать от неё. Но пальцы чёрной ведьмы поймали рукав его куртки.

— Ты что-то хотел от меня?

— Нет, — он замялся, вспомнив о посланнике Картары, но сейчас была ли она в состоянии чем-то помочь?

— Заговор? — склонила она голову набок и лукаво улыбнулась.

— Тебе надо отдохнуть, — возразил он. И кажется сделать её счастливой возможно — Хэле похоже безумно нравится мучить его.

— Один заговор я могу, — упрямая и до одури несносная, а главное как же не хотелось от неё уходить.

— Дай мне слово, что если он окажется непростым — ты не будешь его делать, — сдался феран.

— Хорошо.

— Хэла, — и он тоже был упрямым. — Слово.

— Я даю тебе слово, что если будет не по силам — не буду делать.

Рэтар перехватил её руку, всё ещё державшей его рукав и аккуратно потянул на себя.

— Хорошо, идём.

Глава 12

Через некоторое время Рэтар, Роар и Хэла, сидевшая на кушетке невероятно смирно и тихо, слушали отчёт о нападениях в Картаре от прибывшего посланника.

В небольшом укрепленном селении в горах на границе почти начинался голод, свободные люди просили помощи, военной и продовольственной, но в этих беспорядочных

нападениях Изария потеряла уже два отряда и несколько обозов.

Главная проблема была в том, что нападавшие уходили из Кармии после нападения, и нельзя было не учитывать, что это могла быть обычная провокация, чтобы спровоцировать новый военный конфликт, так как мир с соседствующей Ринтой был шатким и откровенно формальным.

И самое неприятное, что войны хотели даже не сами ринтийцы — всё было намного сложнее. Игры, в которых Рэтар Горан участвовать не хотел, особенно в нынешних условиях. Нет, война была для него понятна и проста, его люди всегда были к ней готовы, являясь опорой элата Кармии, но — изарийская Картара была идеальным местом для пустой провокации. Селение находилось как раз в том месте, где был небольшой промежуток горной сухопутной границы Ринты и Кармии, настолько ничтожный по протяженности, что если из-за него начнётся война это будет до тошноты смешно.

Посланнику было не сладко — он держал ответ за происходящее перед фераном и было видно, что просить или уж тем более требовать помощи, у него не получалось. Он был сам не свой, несмотря на то, что стоял прямо и соответственно военной выправке и правилам службы.

— А ты из портала пришёл и больше нигде не был? — спросила Хэла внезапно, когда посланник замолчал и выжидающе уставился на Рэтара.

— А? Уважаемая ведьма? — парень явно испугался её присутствию, неужели не заметил раньше?

— Да какая я тебе уважаемая, нашёл госпожу, — усмехнулась она. — Если нигде, кроме своего дома, не был, то снимай-ка сапог.

— Э... — наблюдать за общением Хэлы с теми, кто не привык к её манерам, было всегда откровенно весело, причём сейчас веселился не только Рэтар, но и стоящий возле двери Роар.

— Сапог, дружок, сними и отдай тёте ведьме, — она встала и подошла к посланнику, протянув руку вперёд.

Тот был настоящим изарийцем — высоким, широкоплечим воином, с выправкой и твёрдостью осанки. На поясе был меч, одет в хилдскую лёгкую броню картарских отрядов. Хэла была ему чуть выше середины груди, но напор с которым она всё делала, заставлял даже такого как этот молодец бледнеть, заикаться, теряться.

— Ну, я... это... не очень... и... — это было действительно смешно.

— Ой, хорош, — небрежно махнула она рукой, — нашёл чем пугать, сапоги он два дня носит не снимая. Спроси у матушки какого с подрастающими обормотами жить — от них вонь, словно они всё время в выгребной яме проводят. Я знаешь ли тоже нанюхалась за свою жизнь, так что снимай давай, побыстрее, а то усну сейчас и сами будете заговоры делать.

Посланник глянул на ферана и на митара, потом нехотя стащил с себя сапог, после чего отдал его ведьме.

— Не, снимай второй, — сказала та, внимательно изучив подошву.

Парень снял второй.

— Во, тут лучше, — Хэла небрежно отдала ему первый сапог и вернулась со вторым на то место, где сидела до этого, оставив посланника стоять посреди рабочей комнаты ферана босым и явно готовым оказаться, где угодно, но не здесь.

Ведьма долго смотрела на подошву, а потом спросила:

— А что за серый дом у вас в селении?

— Се-серый? — парень нахмурился, потом повёл смущённо плечом. — Не знаю... может дом повитухи? Он серый, как ваше платье.

Сказав это он покраснел, ведьма глянула на него, как обычно умела, озорно и игриво, и усмехнулась, а Рэтара кольнула... ревность? Но Хэла уже переключилась на подошву сапога, она изучала её так, словно перед ней лежала книга, а не грязная обувь.

— Эта повитуха и тебе помогла родиться? — уточнила ведьма.

— Да, — вопросы приводили его в совершенное замешательство.

— Хм... нет. Другой дом, — мотнула головой Хэла. — Должен быть ещё серый дом.

— Нет вроде, уваж... мая ведьма, — он виновато глянул на ферана.

— Может дом эйола? — отозвался от дверей Роар. — Постройки веры всегда серые и помимо храма, это ещё и дом эйола.

— А ты был в доме у эйола недавно? — Хэла подняла на посланника свой взгляд, теперь серьёзный, даже жёсткий.

— Был, — нехотя ответил он.

— Зачем? — заинтересовалась ведьма.

— Так... брат у меня погиб, эйол его оговаривал, перед погребением, — парень в очередной раз потупил взгляд и стал на вид совершенно потерянным и несчастным.

— А руку эйола держал? — Хэле было вообще всё равно на его чувства.

— Да, конечно. Так положено ведь, — ответил он, словно глупо было бы не знать таких вещей.

— Ну мне-то откуда знать? — повела плечом ведьма. — Я не с этого района.

Бросила она снова странное слово, а после этого ловким движением руки оторвала от подола своего платья полоску ткани, вытерла ею грязь с сапога, ещё раз внимательно посмотрела и скрутила лоскут ткани.

— А с телом брата, что сделали?

— А? — совершенно перестал понимать происходящее посланник и Рэтару стало жаль его.

— Ну, как там у вас принято? — спросила Хэла.

В Изарии было два вида погребения — земля и огонь. Но чаще всего сжигали и придавали останки земле. Хотя это зависило от многих факторов — обычаи, местонахождение. В горах, откуда был воин, чаще всего сжигали и развеивали часть праха в каком-то одном, выбранном или главой семьи или самим умершим месте, а вторую часть сыпали под порог дома — горные люди считали, что мёртвые берегут родных после смерти.

— Придали огню, — ответил посланник, явно не понимая при чём тут все эти вопросы про брата.

— Окушки, — кивнула она и оторвала ещё одну полоску ткани. После чего встала и подошла к посланнику. — Это твоё.

Хэла отдала сапог и терпеливо подождала пока тот его надел, потом протянула первую скрученную полоску серой ткани:

— Это нужно будет закопать, примерно на ладонь в землю, в месте, где пролилась кровь защитников, чем свежее, тем лучше, — стала она давать указания, — но без фанатизма, пожалста, а то нужно успеть сделать это сегодня, до наступления темени. Понятно?

— Э, — парень как и все пытался осмыслить незнакомые слова в речи ведьмы, он часто

моргал и хмурился, — да. Я понял.

— Хорошо, — медленно кивнула она, взглядываясь в посланника. — Если не успеешь закопать, не делай уже ничего, надо будут новый заговор творить, а этот будет бесполезен. Нужно будет его утопить.

Он понимающе кивнул и взял у неё из руки скрученный лоскут и тут же издал странный звук и одернул руку.

— Ой, тётя ведьма палец мальчику уколола, — сочувственно произнесла Хэла и потребовала руку посланника обратно.

Когда он протянул её с недоверием, ведьма вытерла кровь вторым лоскутом, и оставила парня в недоумении смотреть на пальцы, на которых явно не осталось никаких следов от раны.

— Так, это от меня тебе бонус, — и она вложила ему в руку второй лоскут. — Когда захочешь попросить прощения у брата, только по-настоящему, а то мёртвым пустые стенания ни разу не нужны, смерть пустые слова не любит. Так вот, захочешь у брата прощения попросить, возьми этот кусок ткани, и сходи туда, где его прах развеяли, закопали, что там ещё... На том месте сожги эту ткань, а пепел тоже развеяй. Понял?

— А откуда... — он смотрел на второй лоскут, и теперь был вообще невероятно потерянным и озадаченным.

— Ой, только не надо вот этого, ладно? — она закатила глаза. — Откуда... оттуда! Ткань в куртке в подклад внутренний спрячь. И я тебя очень прошу, горемычный, не давай лоскуток в руки бабы этой вашей, — она запнулась, а потом фыркнула, — общей.

С этими словами Хэла развернулась и хотела уйти.

— А можно я спрошу... — посланник уставился ведьме в спину и было видно, что ему не по себе от того, что он решил вообще ещё что-то сказать и, уж тем более, спросить.

— Ну, давай, — и она снова села на кушетку, подтянув под себя ноги, склонив голову набок и уперев её в кулак руки, облокотившись в свою коленку. И стала похожа скорее на озорную девчонку, чем на взрослую женщину, или, боги, на чёрную ведьму.

Рэтар даже не стал протестовать, потому что она устала, хотела спать — сейчас смотрел на неё, любовался и не хотел прерывать её, как не хотел, чтобы уходила.

— У меня дочка... она болеет и... может... можно ей помочь? Лекари сказали, что нельзя.

— Можно, — спокойно ответила Хэла. — Где жена твоя?

И посланник нахмурился очередному странному слову.

— Супруга, — поправилась ведьма, сказав слово, привычное их слуху.

— Она умерла, — проговорил воин.

— А кто с дочкой помогает? — нахмурилась Хэла.

— Мать супруги, — ответил парень и она кивнула ему, словно от этого ответа стало всё понятно.

— И она хворает? — уточнила ведьма.

— Я... — посланник явно не знал, что ответить.

— Хворает, — убеждённо проговорила она, — просто не говорит. Вся сила матери в молчании, вечно разваливаешься на части, а никому не говоришь, а потом уже, когда отъехала, и все такие удивляются, чего молчала. А зазноба твоя частенько её выдворить хочет, бабу-то? Или как они тут у вас называются — матэ?

— Ну, — он дёрнул плечами, повёл шеей, смутившись.

— Конечно, оно ей надо? — фыркнула Хэла. — Посторонние на территории, которую она так старательно расчищала себе. Жену твою со свету сжила, брата, вот теперь мать жены на очереди, а потом и дочка.

И парень вскинул голову и на лице его отразилось столько странного неопределенного смешанного чувства страха и кажется вины, а ещё злости?

— Ну-ну, она не специально, — словно успокаивая его, ведьма повела рукой в воздухе, будто погладила. — Ты же тоже типа нечаянно ей под юбку-то залез?

Хэла цокнула и повела головой, а посланник виновато уставился в пол. Рэтар глянул на Роара, который был полностью вовлечён в происходящее и на лицо митара стало лицом мальчишки, который с восторгом слушал увлекательную историю.

— Виноват, виноват... Тяжело без жены может, конечно, но под юбку жены брата лезть, ай-яй-яй, — Хэла помотала головой. — Но... ладно, я тебя понимаю, баба действительно хороша!

И он поднял на неё глаза, правда это её заявление явно не сделало лучше.

— Она просто злая. Бывает такое. Злой человек, вроде и не специально, а вокруг него даже мужи мрут. А брата твоего она не любила никогда. И он это знал, но всё равно в жёны взял, а надо было быть умнее. Красоты захотелось. Девочек там тьма, а вы все вокруг одной столпились, пфффф... — она пренебрежительно скривилась, потом вздохнула. — Ладно, я тебе не священник, проповедь читать. Ты просто реши — или баба или дочка. Простой же выбор, не? Только вот проблемка — чем дольше решаешь, тем хуже. Кстати, не думай, что, когда она вокруг тебя всех изведёт, за тебя не возьмётся. И тебя изведёт. Над прахом брата и твой развеют. Ответила на вопрос?

Парень стоял сам не свой, внутри явно было столько всего, что ведьма вытацила с такой лёгкостью, но он и сам себе в том не признавался. И конечно присутствие при всём этом достопочтенных митара и самого ферана не могли не ударить по мальчишке. Он поднял на ведьму глаза, рассеянно кивнул и повернулся к выходу, чтобы уйти. Уже когда был в дверях, Хэла ему сказала в спину:

— У повитухи внучка прелесть ведь, ты же знаешь, а главное дочку твою любит по-настоящему.

Посланник бросил на неё озадаченный взгляд, открыл рот что-то сказать, но промолчал, хотя Хэла уже этого не увидела, потому что положила голову на подлокотник кушетки и подтянула под себя ноги. Зато Рэтар видел её невообразимо прекрасное, полное озорства, выражение лица.

— Кошмар, словно я сводня, — буркнула она себе под нос недовольно, но при этом ухмыльнувшись.

— А меня ты тоже так видишь? — поинтересовался Роар, как только дверь за посланником закрылась. На лице митара было такое восторженное выражение, он вообще к Хэле относилась ласково и с теплом.

— Вот ещё, не смотрю и не вижу, — фыркнула ему Хэла.

— Почему? — удивился Роар.

— А зачем? Ты мне и вот таким вполне себе нравишься, а то погляжу, а у тебя там может похабщина одна и непотребство сплошное... вдруг расстроюсь, — она подавилась зевком, а Роар засмеялся. — Или чего глядишь на провокацию поддамся.

— Хэла, ты нечто! Богами клянусь, никогда такого не видел, — она подняла руку и помахала ему, не поднимая головы.

Рэтар улыбнулся. Роар посмеялся, потом потер переносицу и вернулся к решаемому им вопросу:

— Может отправим в Картару твой отряд? Пусть Шергá возвращаясь сделает круг?

— Пусть, — кивнул феран. — Уже слышу недовольное ворчание Тёрка.

— Он всегда ворчит, нет?

Рэтар ухмыльнулся, соглашаясь, и они углубились в обсуждение порядка смены отрядов и прочих важных вещей.

— А что с кострами сегодня? — уходя, спросил Роар.

— Что хочешь, — небрежно отмахнулся феран.

— Точно?

— Роар! — устало рыкнул Рэтар. И тан усмехаясь, скрылся за дверью.

Пока они с Роаром обсуждали дела, Хэлу не было слышно, и оба мужчины совершенно забыли о ней. Теперь же Рэтар посмотрел в сторону кушетки и понял, что ведьма не только не ушла, но и снова уснула. Он вздохнул и, поднявшись, подошёл к ней.

— Хэла? — тихо позвал феран. Ведьма спала, полусидя, подложив руку под голову и поджав под себя колени, под её боком пристроилась неизвестно откуда взявшаяся фицра.

Рэтар улыбнулся и, взяв свой плащ, накрыл им Хэлу. Ведьма заёрзала и ему не без сожаления, как он заметил, подумалось, что она сейчас проснется.

— Мамочка ещё пару минуточек поспит, солнышко, и встанет, хорошо? — пробормотала она укутываясь в плащ Рэтара и пряча нос в меху подкладки.

Сердце предательски защемило, он присел перед ней на корточки и провел пальцем по слегка нахмуренному лбу, потом по волосам. Женщина издала какой-то странный звук и подалась вперёд, подставляя щёку под его руку. Из под плаща показалась голова фицры и на него с интересом уставилась пара глаз цвета заката Тэраф.

— Что? — спросил Рэтар шепотом глядя на зверька.

Как же близко он сейчас был к краю. До боли, до безумия.

Феран убрал руку и встал, пройдя обратно за стол, решив не тревожить Хэлу, давая ей возможность выспаться.

И большая часть дня, до самого захода Изар, прошла за работой, он периодически поднимал глаза на спящую в его рабочей комнате ведьму, когда она что-то начинала бормотать во сне, но убедившись, что она спит, снова возвращался к своим бумагам.

И внутри него было ощущение такого невообразимого покоя, которое он не испытывал уже очень давно, а может даже никогда в своей жизни. Ему было хорошо, тепло что ли, оттого, что эта женщина просто спала рядом. Словно она всегда была в его жизни, всегда была в этой комнате, словно то, что сейчас происходило, было самым обычным в его жизни, тем, к чему он привык. Это умиротворяло, но одновременно с тем выворачивало наизнанку.

За спиной пристроилось что-то сродни смятению, испуг или может сомнение, такие необычные для Рэтара чувства. Они тянулись к нему липкими пальцами, пытались устроиться внутри, разрастись.

Рэтар злился — не понимал, что происходит, не мог найти объяснения тому, что чувствовал. Для него это было неприемлемым, он ненавидел терять контроль, ненавидел быть неуверенным в происходящем или тем более в себе. Но с этой женщиной он чувствовал себя именно так — она изводила его и Рэтар чувствовал себя зверем, загнанным в угол.

В комнату слегка постучали и в двери появилась Шера. Вот кого ему сейчас вообще не хотелось видеть, да и вообще никогда не хотелось. Рэтар точно знал чего пытается добиться

эта женщина, постоянно пытаюсь привлечь к себе его внимание, и знание это приводило его в раздражение.

— Достопочтенный феран, — наложница поклонилась.

— Шера? — он с вопросом посмотрел в её красивое лицо.

— Я хотела просить у вас разрешения быть сегодня на кострах, — манящее движение головы, чтобы откинуть волосы назад.

— Разве вы не бываете на кострах всегда? — вздохнул он.

Сколько она будет пытаться, прежде, чем понять, что не может быть ему интересной?

— Я всегда прошу разрешения у достопочтенного митара, но сейчас не могу его найти, — проговорила она мягко.

— Мне плевать Шера, — отозвался Рэтар. — Хотите на костёр? Вам никто не запрещает. Это всё?

— А вы будете на костре, достопочтенный феран? — заигрывая, спросила она.

— Буду. Можешь идти, — отрезал он, прерывая её игру и её вторжение в его маленький уютный мир, где сейчас ему было наконец спокойно и тихо, и Рэтар с ревностью кинулся выгонять непрошенных гостей. И ещё ему, кажется, было страшно, что Шера разбудит ведьму, и та исчезнет не только из его рабочей комнаты, но из его жизни.

Наложница потупила взор, глянула с немой обидой, потом развернулась уйти и заметила Хэлу. Ферану показалось, что Шера закусил губу, но точнее не сказать — выражения лица девушки он не видел. И наложница вышла, закрывая дверь громче, чем могла.

Рэтар непроизвольно зажмурился и замер, но ведьма не проснулась. Она лишь снова что-то пробормотала, а фицра, так и лежащая с ней рядом встала, потянулась и снова улеглась, перевернувшись на другой бок.

Их маленький мир остался нетронутым и феран испытал от этого какую-то болезненную радость.

Уже когда за окном стали кричать воины, слуги и свободные, готовя костры, Хэла открыла глаза и нахмурились. Сначала она глянула в окно, потом на Рэтара.

— Я уснула, — скорее заключила она, чем спросила.

— Да, — ответил он.

— Не храпела? — сощурилась ведьма.

— Что? — удивился Рэтар. И как у неё получалось быть всегда такой непредсказуемой?

— Точно не храпела? Ты уверен? — уточнила она, словно он отвечал.

— Нет. И да, — усмехнулся он.

— Хорошо, — она ещё сильнее спрятала лицо в его плащ. — Спасибо!

Рэтар замер — это было слово благодарности из её мира. Видимо Хэла благодарила, потому что феран укрыл её. Он слегка кивнул. Почему-то не получалось говорить, казалось, что он вот-вот сорвётся, и всё будет не важно. Хотя может и не было ничего важнее.

— Что это за мех? — снова Хэла задала неожиданный вопрос.

— Сунга́, — отозвался Рэтар.

— А кто это?

— Это животное, что живёт в изарийском пригорье, забирается очень высоко по горным тропам, и потому её мех один из самых тёплых, — пояснил феран. — И самых ценных.

— С ним плащи только у тебя, у Роара и у Элгора? — заметила ведьма.

— Да.

— А на какое животное похожа сунга? Ну, из тех, что я видела здесь. Или я такое не видела?

— Хм... — феран задумался. — На тельг немного. Но всё же надо видеть.

— А сколько шкур в одном плаще? Вроде цельный.

— Одна, — подтвердил он её догадку.

И Хэла одобряющие кивнула.

— А туша?

— Что туша? — не понял Рэтар. Да он порой и не пытался её понять. Хэла завораживала и понимать её было просто не нужно.

— Ну, зверя убили, шкуру сняли, а туша? — пояснила она, глядя ему в глаза.

— Её едят, — ответил он. — Вообще на сунгу не охотятся, очень редко и с личного разрешения ферана. Более свободно можно только в голодное время, но под присмотром зрителей пригорья. Живущим в горах обычно приходится особенно тяжело, но тем не менее сунгу трогать запрещено.

— И не нарушают? — спросила ведьма. — Или за необоснованную охоту на сунгу наказание есть?

— Нарушают бывает, и наказание есть — смерть, — и она с интересом посмотрела на него. — Сунга один из символов Изарии, этого зверя почитают и относятся с уважением. А что до охоты — тушу разделявают, мясо заготавливают, вялят. Из кости и рогов делают рукояти для оружия, — он махнул на кинжал, что был у него за спиной, — украшения, предметы быта.

— Хорошо, — улыбнулась Хэла грустно.

— Хорошо? — уточнил Рэтар, не понимая до конца этого разговора, но радуясь ему.

— Да, было бы печально, если бы зверя убивали только ради его дорогой шкуры. — Хэла погладила подклад плаща ферана и издала какой-то странный звук, похожий на писк или очень тихий визг. — Какая же мягкая, прям не могу!

Рэтар рассмеялся. Эта женщина была такой тёплой, домашней... что щемило внутри.

— Это ты виноват, что я уснула, — сказала ведьма, меняя тон, но и не отрывая лица от меха.

— Что? Я? — феран нахмурился.

— Да.

— Неужели? — ухмыльнулся он. — Я нагоняю на тебя скуку и сон?

— Твой голос меня успокаивает, — прошептала Хэла, не открывая глаз, — слушала бы и слушала, вечность...

Феран выдохнул. Всё. Вот она пропасть — падай, Рэтар! Она толкнула, нет, потянула тебя вниз. Он сглотнул, пытаюсь найтись, не просто ответить, а вообще найти себя.

— Всё, мне пора, — она встала и потянулась.

Всё же было бы слишком просто, да? Хэла потянула его в бездну и отошла, чтобы дать упасть.

И он даже не успел глазом моргнуть, как она метнула рваной юбкой платья и...

— Спасибо, я даже кажется выпалась, — улыбнулась она, склонив голову на бок, и исчезла за дверью. А Рэтар так и не смог пошевелиться.

— Хэла, подожди, — шепнул он в пустоту.

"Да что ж такое, женщина!"

Глава 13

Милена сидела в кухне вместе с Митой, которая суежилась с подготовкой еды для костров.

Как рассказали белой ведьме, это была своего рода традиция Изарии — когда отряд уходил на службу, главный дом города или селения устраивал костры, и приглашал семьи воинов отряда, который должен был уйти в поход. Родные воинов приносили угощение, но основная еда и выпивка были в ведении главного дома, в данном случае правящего дома, то есть дома ферана.

И по этой причине Мита была занята с самого раннего утра.

— Прямо шашлыки или барбекю, — воскликнула Мила, глядя на подготовку к мероприятию.

— А? — Мита глянула на девушку в замешательстве.

— Ну, у нас, в моём мире, так называется, когда готовишь мясо на природе и на костре, — пояснила белая ведьма.

— А, — протянула повариха и одобрительно кивнула.

Мила была ещё слаба после болезни, поэтому её не выпускали на улицу, хотя ей очень хотелось. В комнате серых быть не хотелось — сами девушки работали в доме, а белая ведьма тупо сидела в одиночестве на кровати и тырилась в стену. Сначала правда с ней была Хэла, но женщина была очень плоха после того, как заговаривала Милену, и та это видела.

Чёрная ведьма беспокойно ворочалась, пытаясь уснуть, и в итоге ушла подышать свежим воздухом, но так и не вернулась. И Мила, когда уже почти взвыла от скуки и стыда перед Хэлой, решила пойти поискать её, и забрела к Мите. Белая ведьма хотела идти искать дальше, но была усажена поварихой за стол, получила кружку с вкусным травяным отваром, в итоге так и осталась на кухне.

Вообще болезнь многое в ней изменила. Милена не понимала всего до конца, но чувствовала, что теперь всё будет стремительно меняться.

Сейчас, сидя здесь внутри этой суеты, обнимая кружку с теплым настоем трав, она чувствовала себя уютно, как никогда. И это было действительно странно.

Несколько раз забежали стражники и какие-то слуги, и все эти люди спрашивали у неё, как она себя чувствует. Спрашивали искренне и очень радовались, когда белая ведьма отвечала, что чувствует себя хорошо. А ещё были Мита, серые, или, боже, Хэла...

Милене хотелось рыдать от воспоминания, какой она увидела женщину, когда очнулась. Чёрная ведьма была совсем на себя не похожа. Она была опустошённой, изможденной, словно не живой. Жуткие круги под глазами, глаза такие тёмные и тусклые, губы стали серыми.

Хэла сидела рядом с девушкой с того момента, как она заболела. Женщина не пила и не ела, не ходила в туалет, она держала Милу за руку и заговаривала, заговаривала... а ещё иногда пела. Милена слышала, сквозь бред из-за высокой температуры, колыбельные, словно она была ребёнком.

Мама никогда не сидела с ней рядом, когда Милена болела в детстве. За ней всегда ухаживала бабушка, а мама была отстранённым зрителем, и даже не зрителем, скорее незаинтересованным наблюдателем. Она могла уехать по делам на несколько дней, могла находиться дома, но даже не спрашивать о состоянии дочери. Ей было достаточно дел и других детей.

Более того Мила не помнила, чтобы мама когда-нибудь обнимала её, держала за руку.

Для этого были папа и бабушка. Маме было всё равно. Мама не любила Милену, мама винила её в страшных вещах, а последний раз, перед тем, как Милена попала сюда и исчезла из жизни матери навсегда, наконец кинула в неё последнее, самое болезненное обвинение.

И вот, попав в совсем чужой мир, где всё было другим, нереальным или наоборот слишком реальным, всё было воинственным, где не было понимания что к чему, она наткнулась на людей, которые с такой теплотой к ней относились, хоть и не должны были, хоть и не знали о ней ничего.

— Что опять за мокрое дело? — в дверях стояла Хэла.

— Я тебя потеряла, — улыбнулась Милена сквозь проступившие от тяжёлых мыслей слёзы.

— И решила поплакать об этом? — фыркнула чёрная ведьма.

— Нет, — девушка качнула головой, пытаясь не расплакаться.

Хэла прошла от дверей в тот уголок кухни, где сидела Милена, и села рядом, обняв девушку, и та с радостью уткнулась в её плечо.

— Где была-то, Хэла? — спросила женщину Мита.

— Задремала в укромном местечке, — улыбнулась чёрная ведьма.

— Надеюсь не на балконе? Ты аккуратнее там, свалишься ведь, — повариха недовольно покачала головой.

— Не переживай, — успокоила женщину Хэла.

В проёме двери показался Роар, поначалу он просто заглянул в кухню и пошёл дальше, но через мгновение вернулся назад.

— Хэла, я тебя искал, — возвестил он радостно.

— Где искал? — лукаво повела бровью женщина.

— Там, где была, — усмехнулся митар. — А ты уже здесь.

— Вот такая я неуловимая, — она улыбнулась. — Что хочет distinguished митар от тёти ведьмы?

Он рассмеялся:

— Я сделаю для серых костёр сегодня, придёте?

Хэла стала серьёзной и даже нахмурились:

— Ты уверен, что нам будут рады? Не праздник же. Всё-таки проводы — дело семейное, а тут серые и уж тем более ведьмы.

— Пффф, — всплеснула руками Мита. — Тебя воины обожают, Хэла. Они твои песни слушали бы и слушали, а уж огненную воду твою, нашу родную целю пить перестали, твою хотят! Так что глупости какие. И серые что не часть этого дома? Они же в гости к нам приходят, так что вот бы им ещё тут быть против!

— Видишь, мамушка верно говорит, — улыбнулся Роар, при этом Мита так глянула на него, нарочито сердито, но с такой теплотой, что у Милены отчего-то защемило сердце.

— А феран, что сказал? — спросила Хэла, явно всё ещё сомневаясь в правильности этого решения.

— Он не против, я у него спросил.

— Уже?

— Ну я же тебя искал, — он ей подмигнул и стал похож на озорного мальчишку, который что-то натворил.

Милена никак не могла понять сколько же ему лет. Она всё пыталась представить его без бороды и усов, но это не получалось. Заросли на его лице, хоть и не густые, как она

подозревала, добавляли несколько лет, может даже десяток к тому, что было.

Девушке порой казалось, что их общение с Хэлой происходит как бы на равных и они казались друзьями-одноклассниками. Может поэтому ей представлялось, что митар и чёрная ведьма одного возраста?

Хэла сказала, что ей тридцать восемь? Но Милене никак не виделся этот возраст — почти сорок. Тридцать, но не больше тридцати пяти... хотя какая глупость? Может это потому что самой ей в её двадцать один казалось, что тридцать это много и с каждым годом всё больше и больше, словно не год, а десяток.

Но Милена не видела, что Хэла вдвое старше неё самой, она была такая очаровательная, красивая, молодая — Милена была зачарована этой женщиной. И уж никак не получалось, что Хэла старая, а что тогда с митаром?

Она глянула на него. Мужчина был поглощён разговором с Хэлой и так на неё смотрел — стало почему-то завидно. Он был красивым, действительно красивым. Несмотря на мужественность, размеры, бороду эту, он был мягким, что ли. Таким... невероятно притягательным.

“О, боже, Миленка, ты кажется всё ещё болееешь...” — внутренне стукнула она себя.

— Ну хорошо, раз твой суровый тан не против, то мы придём, — ответила тем временем Хэла. — Только, если будем смущать народ, долго не будем сидеть, ладно?

— Хорошо, — принял он условие. — И Милену не забудь.

Девушка вскинула не него голову в удивлении и замешательстве. Встретилась с невообразимым взглядом, таким тёплым, но что-то ещё... или это и вправду она болеет ещё?

— Только укутайте её, прошу тебя, — сказал он, переводя взгляд на чёрную ведьму.

— Ох, достопочтенный митар, вот для кого старается, — Хэла игриво покачала головой. — Не переживай, солнышко моё, упакуем в лучшем виде.

Роар повёл головой, ухмыляясь, потом спросил, немного хмурясь:

— И огненную воду сделаешь? Не слишком сложно будет?

— Это вообще ерунда, — ухмыльнулась она, — Сколько хочешь, милый. Это я всегда за!

Он одобрительно кивнул, вроде ушёл, но потом снова заглянул в кухню:

— Кстати, посланник уже всё закопал.

— Молодец какой. Но я знаю, что закопал.

— Правда? — повёл бровью митар, а Хэла повела корпусом, словно поклонилась, сидя. — Поможет?

— Ну, не зря же я его сапоги нюхала, ей богу, — закатила глаза чёрная ведьма.

Роар рассмеялся и снова скрылся в коридоре, теперь уже совсем.

— Снова творила заговор? — Мита была явно недовольна. — Сведёшь себя в могилу! Вон, девочку вытасила, в себя прийти не успела, и снова за магию взялась?

— Я легонечко, — отозвалась Хэла.

— Знаю я твоё “легонечко”, — проворчала повариха.

— Не переживай, я выспалась и полегчало, — ответила на это чёрная ведьма.

— А теперь ещё им воды наделай, чтобы упиться могли?

— Ну, это и вправду просто, Мита! — возразила чёрная ведьма.

— Хэла, — Милена решилась задать вопрос, — а как мне тоже научиться заговорам? Я бы хотела, но не знаю как. Может тебе нужно меня научить?

— Ох, детка, — она погладила её по голове, — если бы я сама знала, как это работает. Я

провела тут в общей сложности уже наверно сколько, луней девять? Если считать с тем, который протусила у малохольных этих, у магов. Я по началу тоже как и ты не понимала, что к чему. Ругалась на них, шипела, ну и словами кидалась, вот как ты тогда.

Милена понимающе вздохнула, она с содроганием вспоминала какой яростной и страшной тогда была Хэла и это чувство невозможности говорить.

— И вот однажды я пожелала одному из магов облезть, — повела головой чёрная ведьма, — и он облез, прикинь? Вот как на солнце, когда сгораешь и потом кожа волдырится и слезает такая... — женщина скривилась, а Милена поёжилась. — Сначала он облысел, а потом с него кожа стала слезать. И мне так стыдно стало, я хотела что-то исправить, но не получилось.

— И он до сих пор такой? — Милене стало жалко мага, хотя должна была бы злиться на них.

— Не знаю, зайныка, не знаю, — в задумчивости ответила Хэла. — Думаю, маги всё исправят, потому что они умеют, но это конечно дело не простое, чьи-то заговоры исправлять.

Она повела головой, посмотрела в никуда.

— Когда там молния появилась, что к чему, тоже не знаю. Знаю, что воду сразу могла превратить в алкашку и обратно, — ухмыльнулась чёрная ведьма. — Вот и фигачила, как не в себя. Ты мне может не поверишь, но я столько не пила никогда в жизни! А бывало у меня в жизни всякое. Потом я поняла, что если в себя посмотрю, то узнаю, как делать те или иные вещи. Вот просто у меня есть ответ. Но тоже не всегда. Иногда нужно посылать запросы во Вселенную, так сказать.

— Это как? — уставилась на неё Милена.

— Да, — и Хэла нахмурилась, — типа: “ок, Вселенная, это Хэла, забабай мне уже сиськи третьего размера, да и от размера одежды сорок шесть не откажусь...”

— Что? — девушка уставилась на неё во все глаза.

— А не, не то, это другой запрос и он не работает, — Хэла говорила это так серьёзно, что понять, что это шутка было весьма сложно, Милена нахмурилась. — Да, шутка, блин!

И Хэла прыснула со смеху, белая ведьма закатила глаза и тоже засмеялась. Мита с интересом смотрела на двух ведьм. Хэла, так же посмеиваясь, встала, что-то запела и стала заваривать себе травы.

— Короче, не знаю, солнышко, как это работает, — она села назад. — Подожди, заработает, я силу в тебе вижу, только она глубоко, немного нужно подождать.

Милена благодарно кивнула:

— Спасибо.

— Не переживай, хотя мы тут задницы себе уже основательно отморозили, мы тебя ни разу не торопим, детка, — при этом Хэла начала подмигивать Миле, что та снова прыснула со смеху.

На кострах было классно. Их устраивали на площадке перед главными воротами в замок. Костров Милена насчитала около тринадцати, вокруг них стояли скамьи, чтобы удобно было сидеть. Какие-то были разведены рядом друг с другом, какие-то по одному. На кострах были в основном взрослые, хотя с самого начала, еще до того, как разожгли костры, были и маленькие дети, которые бегали между сложенных поленьев и получали от слуг замка что-то очень похожее на сладости.

Когда начало темнеть, появился феран и разжёл первый костер, от которого уже

разожгли все остальные.

Их костёр, костёр серых, был самый последний в очереди. Как и они сами, пришли тихо и расселись вокруг на лавках, их костер был конечно один, ни с каким другими не соединялся.

Костры сложены были в форме круга и, когда Милена осмотрелась, то поняла, что от костра, около которого сидели феран, митар, бронар и другие видимо знатные воины, их “серый” костер отделял лишь ещё один — около него было слуги и кое-кто из примелькавшихся её глазу стражников.

Милену усадили на лавку, завернули аж в три плаща сверху и в один укутали ноги. С одной стороны от неё сидела Карлина, с другой Хэла. Сначала все мирно разговаривали, на дальних кострах были те воины, которые должны были отправиться на границу вслед за тем небольшим отрядом, который ушёл совсем недавно. Как поняла Милена — это был отряд разведки, а вот следом выдвигался уже большой отряд, основной, который сменит в одной из крепостей на границе другой отряд и тот отправится домой. Ну или что-то в этом роде.

Несмотря на то, что в семье Милены по линии отца все были военные, она во всём этом ничегошеньки не понимала. Некоторые даже удивлялись её непониманию устройства армейской службы. Но папа Милена был учёным, связал себя с наукой, а не с армией, чем вызвал негодование своего отца и других родных, только бабушка Милены, мама её отца, поддерживала сына. Впрочем папа, как помнила Мила, никогда о своём выборе не жалел.

Она сидела и смотрела на этих суровых мужчин вокруг неё. Было внутри понимание, что все они воевали и значит убивали. И сами могли умереть, как братья её папы, которые погибли на двух разных войнах и остались лишь лицами на чёрно-белых фото. Молодые, красивые. На глаза навернулись слёзы.

— Будешь реветь — отправлю спать, — шепнула ей на ухо Хэла.

Милена посмотрела на неё и чёрная ведьма ей очень по-доброму подмигнула.

Присутствие серых, хоть Хэла и переживала, но никого не смутило, а кое-кто был откровенно рад. Если с одной стороны от их костра была стража и домашние слуги, то с другой — молодые воины и стражники, у которых, как поняла Милена, не было пока жён и детей. Их ничего не удерживало от откровенного флирта с серыми. Правда Милена знала, что дальше этого было нельзя, но почему бы и взаимно не построить друг другу глазки? Они флиртовали и в сторону девушек из прислуги.

И совсем не надо говорить о том, что воины все без исключения были в восторге от “огненной воды” Хэла, да и от самой чёрной ведьмы. А уж как она их строила... Это надо было видеть — было чувство, что любой ради чёрной ведьмы, готов убиться.

Сначала было всё тихо и мирно, но только до тех пор пока к каждому костру стража не поставила сделанный Хэлой алкоголь, а слуги не вынесли заготовленное мясо, и другие яства для приготовления на костре.

Всё ожило и зашевелилось.

У кого-то из воинов были музыкальные инструменты — в основном какие-то дудки и рожки, но они неплохо на них играли, а ещё пели свои песни, которые Милене были не знакомы. А потом запели серые. Оказалось, что петь умели многие из девочек. Они пели свои песни — весёлые и грустные, иногда даже на странных языках. Хэла подпевала, она знала их все, но не солировала.

В процессе пения возле Хэлы словно ниоткуда появилась девчушка — маленькая, хрупкая, симпатичная на лицо, но простоватая. Девочка всегда улыбалась и Милена знала,

что чёрная ведьма называет её кукушкой, хотя девочку звали Найта и она была местной дурочкой, которую очень любила Мита.

— Хэла, спой, Хэла, — попросила девочка.

Чёрная ведьма улыбнулась и запела:

— Песен ещё не написанных сколько?

Скажи, кукушка, пропой... [1]

И конечно Милена знала эту песню с детства — Колька слушал русский рок. А Хэла его отлично пела.

Слушая её в полной тишине, Мила восторженно понимала, что женщина поёт невероятно хорошо. Понятное дело, что как Цой не спеть, но и нового видения этой песни Хэла явно не принимала. Про себя Милена повторяла все слова, но спеть вместе с Хэлой так и не осмелилась.

— Милка, споёшь? — глянула на неё чёрная ведьма, когда закончила петь. Вот прям с места в карьер.

— Что? — выдохнула девушка. — Я не умею.

— В первый день, пела как миленькая, — улыбнулась ехидно Хэла. — Так что давай, мы знаем, что ты можешь.

Милена с трудом вспомнила, что когда Хэла напоила её в первый раз, то Мила действительно пела какую-то песню Короля и Шута, но только потому что Хэла её спросила, потом сказала “пой” и девушка запела... боже!

— Хэла, ну, правда, — она покраснела от воспоминаний.

— Давай, дружок, первое, что в голову придёт, — поддела её чёрная ведьма, — пой, а я помогу.

— А вдруг ты не знаешь песню? — попыталась выкрутиться Мила.

— А ты попробуй, — ухмыльнулась та.

— Давай, — легонько подбодрила её Карлина, тронув за локоть.

Девушка вздохнула:

— Замученный дорогой, я выбился из сил

И в доме лесника я ночлега попросил... [2]

Слабо, словно на автопилоте, запела белая ведьма и чёрная ей лукаво подмигнула и потянула дальше — ведь, кто не знает этой песни? И как Хэла играла голосом. И несмотря на то, что Милену было почти не слышно, но всё же она попала в это настроение.

Может для такого случая песня, по мнению девушки, была и некстати, но она видела, что никто не был против, а серые девушки одобрительно кивали и даже подпевали, оказывается знали эту песню.

Чувство, что заполнило Милену, было потрясающее. Она пела, пела! Да она вообще никогда не пела, ей всегда говорили, что у неё нет голоса, и слушал её вопли только Колян.

— А теперь закрой рот и больше ни слова, а то будем снова тебя лечить, — проговорила Хэла, когда они допели и Мила, радостная, но смущённая уткнулась в плечо, обнимавшей её женщины.

А Донна уже затянула песню “Тебя ждала я”. Она пела с Маржи, в припеве присоединялась Хэла, а это её надрывно спетое: “расскажите все ему, когда меня не станет — зелье, что сварила я, уж точно не обманет”, — пробрало до костей.

И это было действительно красиво. Сейчас, когда Мила не была в истерике, была практически трезва, потому что ей налили горячий отвар и добавили туда чего-то с

градусом, но незначительным, девушке казалось, что в этом мире это наверное самое потрясающее, что можно было бы услышать. И она понимала почему все слушали, все без исключения, потому что это завораживало — эти красивые и такие разные девушки пели песню о разлуке, о предательстве, об отчаянии, о смерти, о том, что понимал каждый. Пели, пропуская через себя, но при этом с такой отдачей...

Когда они закончили снова запела Хэла, но уже песню, которую Мила не знала.

“Где мой дом из песка недостроенный?

Он, наверное, не выдержал ветра.

Отчего так бессильны порою мы

Перед целью своей в сантиметрах?” [3]

Чёрная ведьма пела её одна и кажется все окружающие эту песню не слышали раньше. А Хэла пропускала слова через себя, пела очень красиво и, хоть Милена в этом не разбиралась, судя по всему, очень правильно.

“Помоги мне, сердце моё горит

На костре не потухшей раны,

На углях от пустых обид.

Помоги мне, слёзы мои утри,

Склей обломки моей вселенной —

Каплю веры оставь внутри”.

И от слов припева захотелось плакать. Когда она закончила, кто-то из пришедших подхватил местную песню. Запели все, а потом серые вместе с Хэлой пели:

“Травушка расскажет мне о том, что случится...” [4]

Но Хэла спела только начало, девушки подхватили песню дальше и к удивлению Милы её запели и девушки из слуг, да и кто-то из людей, которые пришли на проводы воинов. А к концу куплета мотив подхватила музыка и это было настоящее колдовство, словно один мир протянул руку другому.

— Хэла, — шепнула Мила, словно боясь разрушить эту магию, хотя музыка и песня были так сильны, что наверное ничто не могло это разрушить.

— Ась? — отозвалась женщина, отпив из своей кружки.

— А откуда ты умеешь петь?

— А я не умею, — повела Хэла плечом.

— Неправда, ты умеешь! Я уверена, что ты училась, — возразила Мила.

— Училась, — улыбнулась чёрная ведьма своей кривой улыбкой, полной горечи. — Я ещё и на скрипке могу.

— Правда? — восхитилась белая ведьма.

— Толку-то? — фыркнула женщина.

— А где ты училась? В консерватории?

— Ого! Полегче, детка, — рассмеялась женщина. — Не попала я ни в какие консерватории. Хорошие девочки часто не вовремя встречают плохих мальчиков.

И она повела головой, улыбнулась сама себе.

— Я мечтала сыграть скрипичный концерт Мендельсона [5]... ага, мечтай, детка, — прошептала Хэла будто сама себе. — Вместо этого “на тебе, мамочка, — мальчик”. Как-то так бывает.

Милена не стала ничего говорить. Песня закончилась и тут среди всего этого радостного гвалта и смеха раздался женский голос со стороны главного костра.

— Хэла, а спой нам колыбельную?

Вопрос задала красивая, невероятно притягательная блондинка, высокая, статная, в бежевом платье, и при отблесках пламени сложно было сказать ленты какого цвета были на нём, но кажется тёмные. Значит, что там — наложница ферана? Она смотрела на Хэлу с вызовом и явной неприязнью.

— Колыбельную? — оказалось, что все притихли и насмешливый голос чёрной ведьмы прозвучал в полной тишине. — Ты нас спать что ли решила уложить, Шера? Так вроде никто пока не собирается, только веселиться начали. А, если тебе лично песенку охота получить, то для тебя только что-то отпевальное могу спеть, хочешь?

Тишина длилась всего пару мгновений. Милена успела заметить нахмуренного митара и его взбешённый взгляд, которым он смотрел сейчас на эту самую Шеру. А ещё она заметила, что ферана возле костра не было. Наложница же, не выдержав вызывающего взгляда Хэлы, встала и ушла.

Кто-то одобрительно что-то проговорил, кто-то сказал какую-то шутку и возле какого-то из костров засмеялись. А Хэла запела песню Короля и шута про мужиков и мясо [6] и, к удивлению Милы, все одобрительно всколыхнулись и припев горланили почти все молодые мужчины с соседнего с серыми костра. То есть эту песню чёрная ведьма уже пела не раз и она явно нравилась местным.

— Это кто был? — спросила Милена у сидевшей рядом Карлины, пока Хэла пела вместе с Донной песню.

— Шера, наложница ферана и главная в харне, — ответила та.

“Харн вероятно типа гарем,” — успела подумать Мила и тут началось...

— Ревнует, — хихикнула сидящая возле Карлины Грета.

— А то, — подхватила сидящая с Гретой Оань, — только куда ей с Хэлой тягаться?

И Милена не успевала за их переговорами, только глазами ошарашенно хлопала, переводя взгляд с одной девушки на другую:

— Глупая, кто ж так дразнит хищника?

— Она видно себя хищником считает.

— Пффф, не светит ей ничего! Феран на неё и не смотрит даже. Только зря ему глазки строит.

— Зато как он на Хэлу смотрит! Видели?

— Ох, когда эти двое наконец друг до друга доберутся искрить будет так, что спалит тут всё!

— Стойте, — Милена сказала это громче, чем хотела, но ей срочно нужно было всё это остановить, чтобы понять что к чему. Она с опаской глянула на поющую Хэлу. — Вы о чём вообще?

— Как о чём, — Грета заговорчески улыбнулась, но ничего не смогла сказать, потому что петь перестали, но музыканты подхватили веселую мелодию жуткой песни, переиначили её и начались танцы, а чёрная ведьма села на своё место.

Конечно ни Карлина, ни Грета, ни Оань уже больше ничего не сказали ни про Шеру, ни уж тем более про ферана или Хэлу.

Милена всмотрелась в лицо чёрной ведьмы. Ей казалось странным то, что она слышала. Она не видела ничего общего между ними — феран и Хэла? Неужели? Вообще такое возможно? Голову, одурманенную всё-таки алкоголем, потянуло в размышления о красавице и чудовище, почему-то.

Рэтар Горан, в понимании Милены, был действительно устрашающим — высокий, самый высокий из всех этих великанов, коими она видела изарийцев, крупный, он не был худым, он был таким плотным, потому что взрослый, но мощным что ли. То есть он может когда-то был сухим, когда только мышцы и больше ничего лишнего, таких она часто встречала в зале во время своих тренировок, такими были как раз митар и бронар. А у ферана видимо возраст брал своё, утяжеляя тело.

Но на почти каждодневных утренних тренировках Мила видела, что этот мужчина был умелым воином, выносливым и достаточно проворным. Ни митар, ни бронар, ни другие воины, вышедшие против него, справиться с ним не могли. Он не разменивался на мелочи, не рисовался, он был минималистом, что ли, — никаких лишних движений.

Широкие плечи, сильные руки, мощные торс и ноги. Суровый холодный взгляд глаз, цвет которых она не могла определить, потому что не смотрела в них напрямую. Шрам — косой через всё лицо, уходил в тёмную с сединой бороду и переходил на шею, а оттуда видимо дальше на грудь, торс?

Он редко улыбался, он был жёстким, авторитарным правителем. Милена точно могла сказать, что ей было рядом с ним неудобно, неуютно и жутко не по себе. Хотелось выйти вон, даже когда они находились просто в одном внутреннем дворе дома.

А Хэла... она была такая живая, остроумная, смешная, мягкая, добрая, открытая, красивая своей особенной красотой.

Конечно вот та его наложница, Шера? Она была красива. Милена даже сказала бы, что она шикарная, очень похожа на звезду кино или модель, такая была бы на обложках глянца. Действительно неподражаемая и вызывающая зависть.

Но Хэла! Это когда есть за что зацепиться, когда красота завораживает и идёт изнутри, когда смотришь и не видишь возраста, не пытаешься примерить на себя. Когда порой тянет, но боишься подойти, пока не посмотришь в глаза и не поймёшь, что конечно можно.

В общем Хэла была невероятно яркой и в любом случае затмевала многих, если не всех даже самых красивых, хотя красавицей в прямом понимании этого слова не была.

И она рядом с фераном? Это было совсем несуразно, что ли. Зачем Хэле этот жуткий дядька?

Милена мотнула головой, кажется совсем потерялась в этих странных мыслях, решила сходить в дом.

— Ты куда, детка? — спросила её Хэла, которая несмотря на то, что уже была достаточно пьяна, всё равно следила за всеми серыми и конечно за Милой тоже.

— Мне надо в дом, — шепнула она в ответ.

— Хорошо, — понимающе кивнула чёрная ведьма, — только не потеряйся.

Мила улыбнулась — куда тут теряться?

Туда она ходила без происшествий, но, когда возвращалась, она наткнулась на Роара и Элгора, стоящих друг напротив друга в коридоре. И Мила была уверена, что она видела, как их покинула Шера.

— Что? — хорохорился бронар.

— Ты я смотрю совсем потерялся? — голос митара был тихим и от этого каким-то устрашающим.

— Пойди донеси, — огрызнулся младший брат на старшего.

— А ты этого добиваешься?

— Да чтоб вам всем, — Элгор пошёл на улицу, — и она вообще ему не интересна.

Роар тяжело вздохнул и тут заметил Милену.

— Прости-те, я... — начала она извиняться за то, что невольюно подслушала.

— Замерзнешь, — митар качнул головой, как бы отрицая то, что она стала свидетелем чего-то такого... запрещенного, плохого, дурного?

— Я там укутанная сижу, в плащи, — отозвалась она и попыталась улыбнуться.

Роар шагнул ей навстречу и, сняв с себя плащ, накинул ей на плечи:

— Так будет теплее, чем в пяти плащах серых.

— А... вы? — прошептала она, млея от мягкости внутреннего подклада плаща. А ещё он был невыносимо жарким, нагретым телом мужчины.

Мысли окончательно спутались. Плащ был ему до голенища сапога, но Милену он укрывал полностью с головы до пят.

— А я привык и без него, — прошептал он. — А тебе нельзя снова заболеть. Я буду виноват и не прощу себе этого.

Роар был сейчас близко — горячий, красивый, чертовски красивый, сказала бы Хэла, да и Милена, чего уж там, сказала бы так же. Он тоже был нетрезв, как и сама белая ведьма.

— Почему будешь виноват? — спросила она, словно в бреду каком-то.

— Потому что я хотел порадовать тебя, показав костры. Это ты ещё не видела праздничных костров, когда все празднуют приход поры цветения или в середине поры урожая.

— За этот момент, кажется, должна отвечать я, — щёки её покраснелись, ей было жарко, но она не могла точно сказать себе от плаща или от стоящего рядом невообразимо обалденного мужчины.

— Не переживай, ты всё сделаешь, я в тебя верю, — сказал он ей на ухо, нагнувшись, и от его обжигающего шёпота, Милена кажется готова была свалиться в обморок.

Так её ещё ни разу не разносило. Только от одной фразы сказанной на ухо. Правда? Такое возможно не только в дурацких бульварных романчиках, в жизни такое бывает?

— Спасибо, — сказала она едва слышно.

— Не надо.

И он просто обошёл её и направился к лестнице, что вела наверх. Сама же девушка кажется застыла на бесконечное количество времени, пытаясь прийти в себя. Но не получилось и она побрела обратно к костру. Потому что только бы дойти до живых людей, только бы понять, что всё ещё находится в той реальности, что и все они.

— Ого, когда это ты, детка, успела раздеть митара? — озорно подмигнула ей Хэла, когда Милена дошла до своего места у костра и села.

— Я не раздевала... он сам... — проямлила она в ответ.

— Сам разделся?

— Хэла, ну пожалуйста, — застонала она. — Он сам отдал мне плащ, когда я выходила из дома, возвращаясь сюда.

— Правильно, это самые тёплые вещи в этом доме, заботится о тебе, крошке, — женщина тепло обняла Милу и поцеловала в висок. — Не дуйся на мои шуточки, малышка!

Но Милена и не думала дуться, она так старалась сделать всё, чтобы никто не увидел, как её сейчас распирает изнутри жар, как хочется, чтобы этот шёпот был на коже всегда и не только у уха.

Боже, да что за мысли такие?

[1] Кино “Кукушка”

[2] Король и Шут “Лесник”

[3] Город 312 “Помоги мне”

[4] Мельница “Травушка”

[5] Mendelssohn: Violin Concerto In E Minor, Op.64

[6] Король и Шут “Ели мясо мужики”

Глава 14

Роар был сам не свой: дурман в голове, испепеляющая злость, нестерпимое и сжигающее желание...

Он слишком устал за сегодняшний день. Окончательный этап подготовки отправки отряда и организация костров, написание распоряжений и указаний для командиров тех застав, которые будут по пути следования отряда.

Вчерашнее сообщение, что белая ведьма пришла в себя и её состоянию ничего не угрожает, очень обрадовало. Отчего-то переживания за неё делали его несобранным и растерянным, в конечном итоге добавляли раздражения и усталости.

И вот оставалось ещё два дела — Картара и ожидание какого-то сообщения от великого эла.

Роар искренне не понимал, что им делать с Картарой. Ему было жаль людей, но как быть, если продовольственная помощь им не приходит из-за нападений?

Терять отряды, сражаясь неизвестно с кем, было откровенно опрометчиво — опасная близость к границе недружественного элата, возможность, что нападали не шальные, сбившиеся в отряды, а сами жители, которые не хотели делить продовольствие со своими же соседями. Последнее, правда, было для Изарии редкостью, но время было сейчас тяжёлое, голодное, в такое чего только не происходило.

Можно было использовать портал, но в Картате он был нестабилен, поэтому необходимое для переброски достаточного количества продовольствия и другой помощи, могла его просто разрушить и тогда они потеряли бы хоть какие-то сообщение не только с поселением, но и целым куском границы.

Митар встретил посланника у портала и проводил его в рабочую комнату ферана и, к своему невероятному удивлению и кажется чему-то похожему на облегчение, обнаружил в рабочей комнате Хэлу.

Видимо Рэтар тоже отчаялся найти какой-либо другой выход из сложившегося положения, раз решил прибегнуть к помощи чёрной ведьмы, да ещё и когда она была в таком опустошённом состоянии — шутка ли заговаривать другую ведьму от горячки в течении пары мirt без перерыва!

Роар в магических обрядах понимал достаточно и знал, как сложно магам справляться с болезнями или ранениями простых людей, а уж тех, с хворями тех, в ком была магия, тем более. И потому искренне дивился силе Хэлы, которая по-хорошему должна была спать мертвецким сном, восполняя потраченные магические силы, а не сидеть здесь, пытаясь помочь.

А ещё было странно, что Рэтар выдернул её — тан в колдовстве, магии и заговорах понимал намного больше Роара, а значит определённо знал, насколько сейчас тяжело и плохо их чёрной ведьме.

Конечно, несмотря на то, что митар возмутился решению ферана, вида не подал. Он встал около двери и стал слушать сведения, которые им с Рэтаром и так были прекрасно известны. Ответить посланнику из Картары Горанам было нечего, поэтому когда воин

закончил отчёт и выжидательно уставился на уставшего и нервного Рэтара, тот нахмурился, сцепил пальцы, и — не дав ему ничего сказать в игру вступила Хэла.

И это всегда было невероятным действием, она словно искрилась. Да. Именно.

Хэла вообще была такая. И Роар иногда думал, что видимо не зря силой её была молния. Не важно, что она делала: говорила, пела, гуляла со своими чудищами, шутила, заигрывала или творила своё ведьмовское дело — Хэла была потрясающей, красивой своей особой красотой, и при этом не боялась быть какой-то смешной, что ли.

Роар видел как посланник бледнеет, немеет, теряется и пытается найти себя, не зная куда деться всего лишь от манеры общения их чёрной ведьмы. И, несмотря на то, что дело было серьёзным, от этого заговора зависели человеческие жизни, всё равно Хэла делала это с такой забавой и лёгкостью, что становилось спокойно — в колдовстве её Роар не сомневался, знал, что она делает заговоры основательно и добротнo.

А потом в оборот пошёл сам молодой воин. На вкусное, так сказать.

Роару всегда было интересно, как так у неё получается. Он уже становился свидетелем чего-то подобного. Например, Хэла заговорила супруга Миты. Он, как выяснилось, а точнее как вытаскивала наружу ведьма, частенько распускал руки, но Мита молчала и никогда не подавала виду.

Тогда, несколько луней назад, на шум сбежался весь дом. Йерк, супруг Миты, грозился убить Хэлу. Дело было в Зарне, и застали они их в момент, когда Хэла, сурово глядя на ставшего вдруг в несколько раз меньше достаточно внушительного обычно изарийского мужика, грозила снести ему голову огромной торхой, на которой обычно тушили мясо. А потом навела заговор, что если он ещё раз обидит Миту, то усохнет.

Роар тогда был страшно зол на себя, потому что Миту обожал. Женщина была его кормилицей, заменила ему мать, и за неё он был готов убить любого. А тут супруг её бил, а Роар не замечал. А Мита скрывала, потому что, как понимал митар, не хотела тревожить или жаловаться, а может просто было стыдно.

И дело было ведь в том, что, если бы Хэла была магом, которые умели видеть скрытое, то вопросов бы не возникало. Но она была чёрной ведьмой. Про белых Роар такого не знал, а вот с чёрными было известно, что они, если и умели “смотреть”, то только с просьбы или приказа и не дальше обозначенного.

Но с Хэлой всё было не так, как они привыкли. Она всё ставила с ног на голову — невероятная женщина и сильная необычной магией чёрная ведьма.

И Роар смотрел, как она вытаскивает из парня подробности его вины, но понимал, что Хэла и так всё знает. И посланник, словно уловил это, решился перед уходом задать вопрос для себя. И митар был уверен, что про дочку Хэла тоже всё видела, но намеренно ничего не сказала, да может даже знала, что посланник задаст вопрос сам.

Митару было интересно, что сделает посланник — выгонит супругу брата из своего дома и своей жизни, ради дочки и своего благополучия, или сдаться на волю страсти? А ещё, как Хэла видит его самого?

Это было интересно и раньше — более того, он был уверен, что чёрная ведьма их всех уже вдоль и поперёк изучила. Но Роар решился спросить и ведьма ответила, что не смотрела вовсе. И он ей верил. Это её “не хочу смотреть” озадачивало, но было искренним — эта женщина почти всегда ставила митара в тупик, заставляя задаваться ещё десятком вопросов, которые оставались без ответа.

Уходя от ферана, Роар решил сделать костёр серым. Обычно это делали на большие праздники — праздник холодного Изара или праздник тёплой Тэраф.

Однако празднование блага Изара было не скоро, а на простые костры проводов отрядов серых обычно не звали. Хотя митар знал, что воины не будут против, несмотря на то, что близость с серыми была запрещена, но как говорится, когда и кого это останавливало, особенно, если воины молодые и горячие, и считают, что ничем их не взять? Да и часто всё это ограничивалось всего лишь взаимными переглядками, шутками, улыбками и, ну, может кто кого пообнимает немного.

В Изарии к серым относились не как к вещам или нелюдям. Во время правления отца Рэтара было жёстко, но когда фераном стал отец Роара стало легче, а при Рэтаре и вовсе — тан не любил призыв, в главном доме серых было совсем мало и отношение к ним было скорее, как к домашним слугам, а не как в других фернатах, к пришлым и бездушным тварям.

А когда митар увидел потерянную и грустную Милену, то убедился, что решение с костром было правильным, потому что хотелось порадовать её. Правда холодно, но серые присмотрят, да и Хэла будет рядом.

И наконец воины будут рады пьяной воде Хэлы, а про песни эти её и говорить не стоило.

Спросив разрешения у какого-то потерянного и рассеянного Рэтара, он получил невнятное согласие. И понеслось.

Как и предполагал Роар, довольных присутствием серых было больше, чем недовольных. Разгул получился знатный, а видя восторг в глазах укутанной Милены, митар радовался, что пошёл на это.

Роар сидел перед костром рядом с Рэтаром.

Хэла сделала сегодня что-то крепкое, терпкое, пахнущее деревом и костром, согревающее и быстро дурманящее.

— Посланника от великого эла так и не было, думаешь уже не стоит ждать? — спросил он у задумчивого и какого-то сегодня особенно угрюмого тана.

— Это же эла, — глухо отозвался Рэтар, — он может прислать посланника и через несколько мирт, или, например, сегодня в середину темени.

— Чего он хочет? — нахмурился Роар. — Давно не было от него вестей, вот прям так, с посланником, разве что не лично...

— Кто знает, я ничему не удивлюсь.

Разговаривать Рэтар явно не хотел. Он был серьёзнее, чем обычно, суровее,пил третью кружку выпивки и она его не брала, как видел Роар, совсем. Тан молчаливо смотрел в костёр, задумчиво и напряжённо. И может окружающие не увидели бы ничего необычного, сказали бы, что феран такой всегда, но Роар хорошо знал своего тана, и сейчас всё было не так, как всегда.

— Достопочтенный феран, — ласково пропела где-то над ухом Рэтара Шера.

Красивая, до притов красивая, девка, такая, что просто невозможно порой было отвести глаз, и у всех мужиков глядя на неё в голове появлялись только определённого вида мысли, потому что ни о чём другом невозможно было думать изучая её лицо, волосы, гибкие изгибы тела.

В харне она была давно, уже наверное с десятков тиров, но, при всей красоте, в постели ферана, которому принадлежала, была всего несколько раз. Однако не отчаивалась и всё пыталась обратить на себя внимание хозяина и пробудить в нём что-то, что такая, как она,

точно пробудить не могла, несмотря на все её старания.

Сейчас феран даже взглядом её не удостоил.

— Могу я высказать мнение всего вашего харна? — проговорила она и Роар взглянул в сторону спокойно сидящих наложниц Рэтара, которым явно было очень даже хорошо и не было у них желания что-то там высказывать.

И вот вообще смешно, прямо боги сейчас с небес посваливаются, харн ферана — это всего три наложницы, включая Шеру, которых он держал лишь потому что так было положено, а не потому что они были ему нужны.

Сейчас две другие девицы сидели у костра, о чём-то тихо переговаривались с несколькими наложницами Роара, которые были здесь, улыбались, хихикали, иногда подпевали песням. И были в полной благодати от своего состояния и положения, и точно не хотели беспокоить ферана, но неугомонная Шера в этом с ними расходилась.

— Вы давно не были у нас, а мы ждём, — и она немного надула губки, став ещё более очаровательной, но для всех кроме того, ради кого сейчас старалась.

Надо ли было предполагать, что она получит ответ?

Роар еле сдержал усмешку, Рэтар же и бровью не повёл. Она кажется хотела сказать ещё что-то, но наложницу бесцеремонно оттеснил в сторону подошедший стражник:

— Достопочтенный феран, — воин наклонился к Рэтару, — там посланник от великого эла.

— Мы ждали его ещё вчера, — возмущённо буркнул Роар.

— Он ждёт в комнате призыва, — проговорил стражник, а феран лишь бесстрастно повёл головой, кивая, встал и отправился в дом.

Митар выругался про себя. Это было уже слишком!

И тут Шера решила, что бессмертна, и попросила Хэлу спеть колыбельную.

“Колыбельную? Рваш, — ругнулся он про себя, — ради всех богов, что?”

Роар приготовился спасти совсем потерявшую страх, или может остатки разума, наложницу, но это не понадобилось. Митар ещё ни разу не усомнился в здравомыслии их нынешней чёрной ведьмы. Что бы она не творила, она всегда чётко понимала обозначенные границы положенного.

И сейчас Шера была просто посрамлена всего парой фраз и, слава богам, обошлось без заговора. Наложница в яростном гневе покинула костёр и это было самым умным её решением за сегодняшний вечер, а может и за всю жизнь.

Снова запели, а взгляд его вернулся к Милене.

Укутанная в одеяла, девушка сидела среди серых и явно радовалась происходящему вокруг. На лице девушки была открытая, даже детская улыбка.

Хэла ранее даже заставила её спеть песню. Голос у белой ведьмы был слабым после горячки, но Роар был рад слышать его. И от её улыбки ему становилось тепло и легко. В голове появилась мысль, что она словно звёздочка, такая далёкая — где-то, где она, есть дом, но ему туда не попасть, однако радости, что она светит, было достаточно.

И да, мысли эти были странными, озадачивали, но митар списал это на воду Хэлы и, вздохнув, решил пойти искать никак не возвращавшегося ферана.

В доме, на лестнице, что вела вниз, в погреба, кто-то уже предавался близости, и странным это не было. Более того, Роар кажется не сомневался, что это его младший брат, который тоже пропал с костров, но вот вылетевшую ему под ноги Шеру, митар увидеть никак не ожидал.

Внутри начала расти неконтролируемая злость.

Элгор последнее время кажется делал всё, чтобы вывести из себя его или Рэтара. А теперь ещё это... лезть к наложнице ферана, без его разрешения, даже если эта девка тану не нужна, не важно — ну не безумство ли? Кажется, в этом доме у всех головы перекосило.

Роар привык к тому, что порой младший брат переступал черту дозволенного, был несдержан, поражал наглостью, но сейчас потерял всякий контроль над своим поведением и вышел за границы допустимого. Дёргал Рэтара, нервировал самого Роара, откровенно пренебрегал выполнением своих прямых обязанностей, дерзил не в меру, а теперь вот практически открыто подмял наложницу ферана, при том, что своих было более, чем достаточно.

Митар с трудом сдержал себя, чтобы не врезать брату. И эта сдержанность оказалось благом, потому что, как только Элгор вышел следом за Шерой на улицу, Роар понял, что всю эту мерзкую сцену видела Милена.

Девушка стояла в сумраке коридора, бледная, не то от болезни, не то от того, что стала свидетелем того, что не предназначалось для её глаз.

И встретившись с ней взглядами Роара переполнили опьянение, злость и желание.

Милена его притягивала — ничего не мог с собой поделаться. Держался на каком-то расстоянии, но всё равно тянуло... он был рядом с ней сам не свой.

Чувствовал себя стариком, древним, как вершины гор. Она была такая маленькая, огромные глазки, вечно напуганные, потерянные. И её хотелось спрятать, сгрести в охапку и никого не подпускать, никому не показывать, защитить... от кого? Боялась-то она и его тоже. Да и виновником того, что она оказалась здесь, в равноценной степени был и сам Роар. И этого не исправить. Страх никуда не уйдёт и домой она не вернётся.

А сейчас в этом взгляде была ещё и вина, непонятный ему стыд. И так захотелось её обнять, прижать, погладить по голове, укутать, словно этим можно ей помочь. И он укрыл.

Но на деле спрятал от себя самого, потому что готов был наплевать на всё разумное и смести против её воли. Через силу, вдохнув запах её волос и кожи, опьяняющий сильнее любого дурмана, он прошептал ей то, во что хотел бы, чтобы она поверила, и просто сбежал.

Потому что можно сжечь сотни костров, но страх из её глаз не выжечь, можно укутать в тепло нежности и заботы, но горе от потери семьи и дома не исчезнет, да и не примет эта маленькая девочка его ласку сколько бы не было в ней искренности. И будет права.

Даже сейчас дрогнул перед ней, отступив — поля боя не сбежал, а от распахнутых, полных тоски, глаз крохотной девчушки, сбежал...

— И чего ты тут в темноте сидишь один, — найдя Рэтара в рабочей комнате, митар попытался переключить себя и свои мысли. — Чего хочет великий?

— Он требует отчёта о состоянии всех застав границы, — феран сидел в своём кресле и хмуро смотрел в стену.

— Рваш, — ругнулся Роар и внутри подняло-таки голову удачно подавляемое до этого момента возмущение, — с чего вдруг?

— Не знаю, но отправляться надо завтра.

Митар тяжело вздохнул.

— Хорошо, граница, так граница, — заключил он, садясь на кушетку.

— Ты не понял, Роар, — перевёл на него взгляд Рэтар. — Он хочет, чтобы на границу отправился я.

— Что? — митар поперхнулся словами. — Феран бродит вдоль границы, чтобы сделать

отчёт? Что за безумие? Он сошёл с ума?

— Роар, — предостерегая от опрометчивых слов, проговорил тан.

— Нет, слушай, это не твоя работа, Рэтар, не твоя! — в голове никак не получалось уложить услышанное требование.

— Сказать ему, что я не согласен? — спросил феран.

— Да чтоб... — выругался тот.

— Это ещё не всё, — заметил Рэтар.

— Слишком просто было бы, да?

И феран ухмыльнувшись, кивнул:

— Он хочет, чтобы я отчитался ему лично.

— Ооо, — простонал Роар и потёл глаза. — То есть после всего этого... раз-вле-че-ния... ты должен ещё отправиться в столицу и там ждать, когда он захочет с тобой пообщаться?

— Вообще он не в столице, — отозвался Рэтар. — Он в Кирте.

— В Кирте? — удивился митар.

— Да, он и большая часть его двора, — и феран снова уставился в стену.

— Что он там делает? — возмущение сменилось тревогой, потому что слишком близко, слишком опасно.

— Он уже больше луны беспорядочно перемещается по Кармии, сейчас двор в Кирте, но где он будет через лунь или два никто не знает.

— Надеюсь, он не решит посетить нас?

— Я тоже, — кивнул Рэтар. — Хочется верить, что он всё так же ненавидит холода, как раньше.

Роар невесело усмехнулся.

— Если такое случится, пока меня не... — проговорил феран.

— Рэтар, — он перебил его, тяжело вздыхая. И Роар невероятно надеялся, что всё это “красивое задание лично для ферана”, не было предвестником внезапного визита правителя.

— Нет, — отрезал Рэтар. — Дай слово, что ты сообщишь мне незамедлительно.

— Конечно сообщу, — успокоил его митар. — Даже слова не надо, я один это и попытаюсь вытянуть не собираюсь.

— Хорошо, — слегка улыбнулся тан. — Думаю, если не будет происшествий, то за один лунь можно управиться с границей. Но вот ожидание встречи с великим, может затянуться.

— Не доверяешь мне?

— Доверяю Роар, больше чем себе доверяю. Лишь бы это была очередная его причуда, а не что-то более серьёзное.

Митар кивнул и они какое-то время сидели в тишине.

— Когда я уходил, Шера что-то попросила у Хэлы, — подал голос феран.

— Эта баба в очередной раз показала, что глупа так же, как и красива, — фыркнул Роар. — Она попросила Хэлу спеть колыбельную.

Рэтар приподнял бровь:

— Она мертва? — поинтересовался он.

— Нет, — улыбаясь ответил митар, — потому что, к счастью, Хэла умна.

— Жаль, — спокойно проговорил феран.

— Жаль? — нахмурился Роар, продолжая веселиться. — Жаль, что Хэла умна? Или, что Шера жива?

Феран лишь усмехнулся.

— Зачем ты держишь при себе Шеру, если она тебе не нужна? — спросил Роар.

— И что ты предлагаешь с ней сделать?

— Отправить в Кэром, — пожал плечами митар. — Или подарить кому-нибудь.

— Элгору, например? — спокойно проговорил Рэтар. — И тогда удовлетворением этой девицы будешь заниматься ты? Потому что, как только Шера станет принадлежать Элгору, она станет ему неинтересна, и он перестанет обжимать её при любом удобном случае.

— Ты знаешь? — хотя Роар был не удивлён.

— Я не слепой и не глупый. Ну, по крайней мере, я всегда так думал.

— Полагаю, что эти игры ради определенной цели, — развёл руками митар. — Она просто хочет забеременеть ребёнком ферана или убедить себя и других, что это твой ребёнок.

— Мне плевать, — устало отозвался тан. — Игры Шеры мне неинтересны.

— А игры Хэлы? — кажется Роар зря это спросил, но как же давно его мучил этот вопрос. Но, задав, ожидал получить лишь грубость или быть просто проигнорированным.

— Хэла не играет, она выворачивает меня наизнанку, — ответил тан тихо, спустя несколько мгновений, когда ответа митар уже не ждал.

Он поднял на ферана озадаченный взгляд.

— Из-за этой женщины я не чувствую землю под ногами, — проговорил Рэтар будто сам себе.

— Тогда какого ты ждёшь? — удивился Роар.

— Я ничего не жду.

— Я не об этом, — и митар подался вперёд, потому что это было чем-то вроде открытия, которое он давно уже для себя сделал, но просто подтверждения не было. И вот получил. — Я о том, что тебе просто надо сделать её своей. Я даже спорить не стал бы, что Хэла не откажет тебе.

— Надо просто проветрить голову, — ответил на это Рэтар. — Этим и займись, пока буду “развлекаться” на границе. Возвращайся, а то вдруг Шеру всё-таки постигнет кара Хэлы — расскажешь мне всё в подробностях.

— Ты не вернёшься? — спросил митар, разочарованно. Он понимал, что наговорил уже больше, чем достаточно.

— Нет, — ответил феран. — Для сна в седле, я уже наверное староват, поэтому попробую уснуть.

— Ты просто боишься, — всё-таки дерзнул подковырнуть тана Роар.

Но Рэтар лишь согласно кивнул и, встав, ушёл к себе.

Глава 15

Уснуть крепким сном, да и вообще хоть каким-то, Рэтару не удалось. Он слышал людей у костров, слышал смех, слышал музыку и песни, слышал Хэлу...

Ещё днём, когда она ушла, оставив его в этом выводящем из себя замешательстве, Рэтар решил для себя, что эту ночь она проведёт с ним.

Ему уже не нужно было говорить себе, что так нельзя, что это запрет, что Хэла достойна лучшего — она выворачивала, она текла ядом в крови, она звала в бездну и толкала в неё.

Но падать один он больше не желал. Рэтар утащит её с собой и будь что будет — пусть всё горит яростным огнём, пусть пожрёт всё вокруг, а ему наплевать. У него больше не было сил выносить это, ему хотелось понять, хотелось унять внутреннего зверя, которого она уже

давно кормила с рук, вне зависимости от желания самого Рэтара. Одно только присутствие этой женщины выдёргивало, проворачивало, её слова сводили на нет его выдержку, с ней невозможно было держать себя в руках.

Когда Роар позвал зажечь первый костёр, Рэтар просто взял свой плащ с кушетки, на которой совсем недавно спала ведьма, и потерялся. Запах Хэлы, оставшийся в материи, эта её улыбка, когда она прятала лицо в мех, тёрлась щекой. Рэтару хотелось выть.

Он не понимал, что в этом было такого, почему его так это сводит с ума. Злился, яростно споря с собой и своими чувствами, но ничего не выходило. Он просто сел, скомкал плащ и уткнулся в него лицом. Это было до боли смешно — он вещи завидовал! А дальше только пропасть и пустота.

Весь вечер он не сводил с Хэлы взгляда, смотря поверх огня и сгорая вместе с ним. Рэтар искренне надеялся напиться до состояния немоги, чтобы просто уснуть мертвецким сном и не натворить никаких бед.

Но если он сейчас что и знал точно, так это то, что Хэла не даст ему забыться — жесты, взгляды, песни... Она не пощадит и Рэтар сторит в этой агонии.

— Помоги мне, сердце горит огнём...

Пропела она и боги свидетели: "Хэла, да остановись же, молю, пощади меня!"

Спасение пришло в лице запоздавшего больше, чем на мирту, посланника от эла.

Рэтар знал, что посланник обязательно явиться, а ещё знал, что вести, которые он принесёт, не будут приятными. А уж приказ отправиться на границу лично ферану, был откровенной издёвкой, но как же Рэтар был рад полученной возможности убраться из Трита подальше.

Он был готов сбежать не просто на границу, а куда дальше, лишь бы не слышать, не чувствовать этой женщины и желания, которое в нём просыпалось в её присутствии.

И Роар, засранец, со своими замечаниями!

Но пусть это будет отступление, пусть будет позорным бегством — всё равно. Рэтар не дрогнул бы перед самым жутким врагом, а вот Хэла... ей он уже сдался без боя.

И он ведь никогда не сходил с ума из-за женщин. Ни разу в своей жизни с ним не было такого, что влечение, занимало голову сильнее долга, необходимости, службы. Рэтар был из тех, кто не терял разума, не любил до потери себя. Порой необходимость женщины рядом была мимолётной и вполне заменяемой, и никак не первостепенной.

И вот призвал чёрную ведьму и пропал в ней. Ни разума, ни головы на плечах — бессильный и поддавшийся на дурман, что был в ней, Рэтар сходил с ума.

В дверь проскользнула Шера. И Рэтар сам не поверил в это, впрочем, она действительно была настолько глупа, насколько красива.

— Тебе было не достаточно моего тана? — и он отпустил своё сдерживаемое в отношении неё раздражение. — Нужно ещё?

Наложница застыла, явно не ожидая ни слов ферана, ни даже может того, что он ещё не спит. Рэтар представил её мертвецки бледное испуганное лицо — смотреть на неё не хотелось.

— Достопочтенный феран... — прошептала она.

— Ещё одно слово и я накажу тебя по всей строгости своего права хозяина и ферана, — рыкнул Рэтар. Помолчал, давая ей возможность осознать происходящее. — С этого момента я не желаю тебя видеть и слышать, можешь избавить меня даже от почтительных приветствий. Я твой феран и этого достаточно. Тебе запрещено заходить в мои комнаты. И с

этого момента ты перестаёшь быть главной в харне.

Феран уловил движение её головы, она глянула на него, кажется даже хотела что-то возразить, но он не дал её ничего сказать:

— Если ты не согласна, то я могу тебя отослать. Полагаю, что, рьяно защищающий самую проблемную область нашей границы, командир крепости Хар-Хаган будет рад такому подарку. Выбирай.

И пусть была дурой, но конечно предпочла первый вариант. Шера, молча поклонившись, исчезла так же тихо, как появилась, оставляя внутри него негодование.

Ситуация с Элгором и Шерой не была для него удивительной — да и в целом было наплевать. Однако верность и преданность для Рэтара в окружающих его близких были самыми ценными и важными качествами. Но, конечно, были те, от кого он этого не ждал — Элгор и Шера были среди этих людей.

Девке нужен был ребёнок, потому что она отчаянно стремилась к одной ей ведомой свободе для наложницы, которую та якобы обретала с рождением ребёнка господина. Правда Шера была не единственной девицей в харне, кто так жестоко заблуждался — ребёнок свободен, а его мать нет.

Что до Элгора... Рэтар любил парня, но особых надежд не возлагал, — главное, чтобы мальчишка был предан Роару. Сам же феран привык быть настороже, всегда ждал подвоха и был готов к мечу, воткнутому в его спину.

Рэтар тяжело вздохнул и практически заставил себя провалиться в какую-то несуразную дремоту.

Утро было холодным и липким.

Пара старших командиров, которые вчера после костров остались в замке, сейчас вяло собирались в Трит, чтобы там присоединиться к скорее всего уже собранному отряду, чтобы отправиться в путь.

Тут же были форы ферана, которые должны были сопровождать его в дороге.

Лучи Изара только появились над виднеющимися далеко на горизонте силуэтами гор, когда Рэтар седлал свою тоору, а внутри мужчины зрела невыносимая тоска и необъяснимая тревога.

— Выспался? — Роар вышел из дома, потянулся. Митар был сонным и помятым.

— Да не особо, — ответил феран. — Шера меня вчера решила навестить.

Тан мотнул головой:

— Боги, дайте ума этой бабе, ну правда, — он ухмыльнулся и повел плечами.

— Назначь кого-то вместо неё отвечать за харн, — попросил Рэтар.

— Ого, — среагировал митар, удивляясь. — Наказал её?

— Если бы не пришла, даже не пытался бы помнить про неё, — феран затянул последний ремень упряжи. — Но раз уж решила, то...

— Кого назначить?

— Мне всё равно, Роар, но лучше кого-то из своих, — ответил Рэтар и похлопал тоору по спине, она развернулась к выходу из загона.

— Ещё будут распоряжения? — спросил митар.

— Нет, — они уже столько раз проходили через это. Тем более, что скоро вернётся Тёрк. — Просто береги себя.

— Как обычно, — улыбнулся тан.

— Сильнее обычного, — Рэтар стал серьёзным.

— Тебя что-то беспокоит? — Роар нахмурился.

— Не знаю. Я ещё не разобрался, — и феран с митаром пожали друг другу локти, после чего глава дома пошёл следом за своей тоорой.

— Эй, Рэтар, ты же будешь в Горше, — Роар лукаво улыбнулся, когда тан обернулся на зов. — Привези Хэле ирнит.

— Зачем? — нахмурился феран.

— Боги, Рэтар, — митар обречённо покачал головой. — Женщины любят подарки и любят драгоценные камни.

— Хм, — выдохнул феран и повёл головой, — а почему ирнит?

— Потому что у неё глаза цвета ирнита, — сказал Роар, как нечто само собой разумеющееся, развёл руками в стороны.

— А тарис привезти? — приподнял бровь Рэтар.

— Зачем? — и теперь нахмурился Роар.

— Потому что у белой ведьмы глаза цвета тариса, — поддел тана феран и развернулся на выход.

Роар фыркнул ему в след:

— А вот привези!

Феран махнул ему рукой, сел в седло, направив тоору следом за командирами отряда и сопровождающими его форами.

Уже выезжая на дорогу вместе с отрядом отправляющимся в Шер-Аштар, он увидел Хэлу, которая гуляла с харагами. Отделившись от отряда и, махнув форами, чтобы не ждали, Рэтар доехал до ведьмы.

— Покидаете нас, достопочтенный феран, — она поклонилась, потом подняла на него свой полный озорства взгляд.

Мужчина спрыгнул на землю.

— Мне придется отправиться на границу, — и он в очередной раз пытался не реагировать на чувства, которые при виде этой женщины просыпались в нём, доводя до исступления.

— Это вчера так удачно посланник великого эла зашёл? — она склонила голову набок, всматриваясь ему в глаза.

И феран в очередной раз понял, что все его попытки совладать с собой, тщеты.

"Всё, Рэтар, пора сбегать, а то натворишь сейчас дел — потом не расхлебать будет", — сказал он себе, а Хэле ответил:

— Да. Я хотел тебя попросить. Роар остаётся за старшего...

— И мне надо пообещать, — не дала она ему договорить, — что буду его слушаться, вести себя примерно, не стану наговаривать всякие ужасты направо и налево?

Ведьма приподняла бровь и очень очень озорно улыбнулась.

— Именно так, — кивнул феран.

— А бородавки?

— Бородавки можно, — усмехнулся Рэтар.

— Тогда я обещаю быть хорошей девочкой, достопочтенный феран, — она небрежно поклонилась и попыталась стать серьёзной.

Как же вот сейчас ему сдержаться? Как вообще можно держать себя в руках при этой женщине?

Рэтар до безумия хотел сейчас притянуть её к себе и обнять, поцеловать эти немного припухшие губы, наплевать на все эти запреты, наплевать на мнение людей и законы, он хотел её и он знал, что больше не сможет себя контролировать...

Вот бы коснуться её щеки рукой.

— Я рад, — с трудом выдавил из себя Рэтар, а потом перевёл взгляд вниз, на юбку платья — всё то же, которое было вчера и от которого она оторвала два лоскута на разговоры. — Ты ходишь в разорванном платье?

— Ничего, — теперь она повела плечом, — на мой век и этого хватит.

— Хэла-Хэла, — он покачал головой, из под юбки показались мягкие туфли, которые слуги носили дома, а Хэла надевала на улицу, а в доме всегда была босая. — Я давно хотел спросить, почему ты ходишь босая дома и не носишь тёплую обувь на улице?

— Потому что заговорить, чтобы не было холодно ступням, проще, чем заговорить мозоли, которые у меня от сапог появляются, — и она протянула руку к морде тооры. — Ничего, у меня с обувью всегда была проблема. Хоть хорошо, что и на себя можно немножко кой-чего наговорить.

Она улыбнулась и потрепала тоора по морде, тот ткнулся в её руку и довольно заурчал.

— Береги нашего достопочтенного ферана, лапушка, — прошептала она, уткнувшись в морду зверя лбом.

Рэтар кивнул в знак благодарности:

— До встречи, Хэла.

— Лёгкой вам дороги, достопочтенный феран.

Рэтар больше не мог, ему просто невозможно было вот так стоять рядом с ней. С одной стороны он ощущал себя спокойно и, чтоб ему провалиться, счастливо, а с другой его скручивали тревога и вот это чувство, что ему нужно, просто необходимо вернуть себе самого себя, а значит надо бежать, бежать, как можно дальше, и граница была достаточно удобна для этого бегства.

Он сел в седло и уже отъехал на приличное расстояние.

— Рэтар, — позвала его Хэла и, боги свидетели, он был готов бросить сейчас всё, только бы она звала его по имени всегда.

Феран обернулся.

— Спи под плащом, — улыбнулась она своей грустной улыбкой.

— Хорошо, — ответил он и улыбнулся в ответ.

А тревога росла, заполняла его, он немного проехал дальше и ещё раз обернулся на удаляющуюся фигуру Хэлы.

Да что ж такое? Кажется это будет невыносимо тяжело.

Глава 16

Милена проснулась от того, что внутри появилась нестерпимое желание. Её прямо таки вывернуло от того, что снилось что-то невыносимо страстное и жгучее как... как... да хрен знает как что.

Милена села, пытаясь унять себя.

В комнату, уже пустую, потому что серые разбежались работать, зашла Хэла, которая вернулась с прогулки со своими монстрами.

— Что такое? — спросила она у Милы, когда увидела её лицо.

— Ничего, — выдавила из себя девушка хриплым после сна голосом и к щекам прилила краска.

— Ну, конечно, — отозвалась женщина и села рядом с ней на кровать. — Давай, что у тебя там во сне случилось или в голове? Вроде похмелья быть не должно — я тебя вчера весьма маленечко напоила.

— Всё со мной хорошо, — качнула головой Мила и увидела на спинке кровати плащ митара.

На неё вихрем налетело воспоминание о вчерашнем, и это возбуждение, которое всё ещё не прошло, заставило неуютно поёрзать.

Хэла рассмеялась.

— Мне тоже такие снятся, всем снятся, ну правда, — проговорила она.

— Что? — в недоумении уставилась на неё белая ведьма.

— Сны такие, сексуальные, — Хэла залилась смехом, — или как сказать — эротишшшные?

— Да ну тебя, — Милена слегка улыбнулась.

— Снятся конечно, детка, я ж живая, мне по-твоему мужика не надо? Или всем тут не надо? Некоторые, вон по углам умудряются пообжиматься.

Милена вспомнила вчера Шеру с Элгором и кажется ещё больше раскраснелась.

— Ты про девочек? Серых? — выдавила она из себя, обводя глазами комнату.

— Ну да, — подтвердила догадку женщина. — Чего снилось-то?

— Я бы тебе не сказала ни за что, но я не помню, — ответила Милена, а Хэла на это снова рассмеялась. — А ты бы рассказала?

— А чего нет, — повела она плечом. — Вот ещё — такое развлечение и осталось. Серым-то можно, если без последствий, и пока не застукал никто, а мне куда... да и кто тут на такую, как я, позарится?

— Шутишь? — Милена уставилась на неё в замешательстве. — Ты шикарная, Хэла! Вон и феран даже от тебя без ума.

— Феран? — чёрная ведьма залилась смехом. Потом помотала головой. — Неужели эти “кумушки с лавочки”, — она сделала характерный жест пальцами ставя сказанное в кавычки, — уже напели? Вот, ей богу, чувствую себя, как дома в старые добрые времена, когда сплетницы-бабки около подъездов попы свои на газетках насиживали и всех чехвостили по чём зря.

— Но ты же говорила, что он тебе нравится, — ступевалась девушка.

— И что? Он мне может хоть тыщу раз нравится, я и от Брэда Питта в восторге, но где я и где он? — она покачала головой и усмехнулась. — Милка, Милка...

— Брэд Питт он там, далеко, а феран здесь, — заметила девушка.

— Расстояния между нами это не уменьшает, — ответила Хэла.

— Я не понимаю.

— Я чёрная ведьма, — и она стала горестно серьёзной, — я зло во плоти, понимаешь? Со мной близость запрещена, это хуже смерти. Меня казнят за это, уж не знаю как тут — на костре вроде не жгут, но голову определённо отрубят, или ещё чего похуже. Тут такое не прощают.

— Но кто скажет? — вдруг подумалось Милене. Ведь женщину все любили, девушка это видела. — Ты же хорошая, Хэла, ты всем нравишься...

— Нравлюсь, пока в постель к обожаемому ферану не лезу, — покачала головой чёрная ведьма.

— А если он сам захочет?

— Пфф, не захочет, — слегка улыбнулась Хэла. — Есть тут конечно наверно такие господа, кто нервишки себе так щекочут, но уж точно наш феран к этим экстремалам не относится.

Милене стало так тоскливо от этих слов, что на глаза навернулись слёзы, снова дрожью по телу пробежал шёпот Роара и заставил её отчаянно жалеть себя — что за фигня вообще с ней сегодня происходит?

— Но ты другое, — отозвалась Хэла, словно угадывая её мысли.

— Что? — нахмурилась Мила.

— Белая ведьма — это как сокровище, дар... ты не такая, как я. Так что если Роар, — Хэла кивнула на синий плащ, — перестанет ходить вокруг да около — не тушуйся и бери его уже в оборот, боже, — и чёрная ведьма театрально закатила глаза.

— Я? — Милена внезапно осознала сказанное, словно пока женщина говорила, это было про кого-то другого, но вот сейчас пришло понимание, что нет. Это она про Милену. И Роара? — Что? Хэла, ты вообще о чём?

— Да о том, — женщина улыбнулась, но улыбка эта была какой-то по-доброму мягкой, дружелюбной, что ли, не как обычно.

— Нет ничего такого... да и... я в этом вообще ничего не понимаю, — девушка сама не поняла, как решилась это сказать.

— А что тут понимать? Когда начинают мурашки по коже бегать, когда выворачивает нутро, а то бабочки-бабочки, — Хэла махнула рукой, — там не то что бабочки — там такой вой внутри начинается, ну ни с чем не спутаешь! Вот — сгребает мужика в охапку и вперёд.

— У тебя всё просто, — буркнула Милена, смущаясь. Вспоминая вчерашний вечер. Вчера выло же, выло. — А у меня отношения были в жизни полтора раза.

— Полтора? — удивилась чёрная ведьма. — Это как?

— Вот так, — ответила девушка. И стыдно было и смешно. — Один ботаник был, на учёбе помешанный, и я даже толком не поняла, как у меня с ним что-то случилось, а второй был вечно в компе или в тусовке. А я у него была скучная, не тусовочная, понимаешь? Он меня бросил, потому что у меня кот умер, и я расстроенная ходила — не круто оказалось.

— Ну, отвалились и хорошо, — спокойно ответила Хэла. — Надо своего человека искать, иногда это бывает сложно. Но, если прёт, то чего тормозить-то?

— Это ты такая шикарная, красивая, на тебя все смотрят во все глаза, а я...

— Только не вздумай сказать, что ты страшная или уродливая, — фыркнула женщина, — кину в тебя чем-нибудь тяжёлым.

— Я всю жизнь думала, что я не такая как надо... я белая, светлая какая-то нелепо, невнятная — бледная моль, короче, — и чего её потянуло на эти откровения, хотелось доказать, что-то. Даже странно. — И боялась, что буду толстой, поэтому в фитнес-клубе себя загоняла, чтобы быть подтянутой такой, чтобы фигура была...

— И? — приподняла бровь Хэла. — Не получилось? Не быть толстой она хотела... пфф, а мне, такой вот прямо скажем не худой, говоришь, что я шикарная?

— Но ты шикарная, правда, — Милена не знала, как это работает. — Я на тебя смотрю и мне кажется, что ты невероятно красивая.

— Ага... Кажется!

— Блин. Я не вру...

— А я всю жизнь завидую таким как ты, — Хэла вздохнула и грустно улыбнулась. — Стройным, подтянутым, которые умеют себя заставить, не то что я — лентяйка. Всегда хотела быть такой миниатюрной, но даже, когда была худой, всё равно казалась себе огромной. Вот бы сейчас туда и чтобы не было всего вот этого, — она похлопала себя по животу и рассмеялась.

— Хэла, — и Милене отчаянно захотелось обнять женщину. Потому что это было искренним, она скрывала за шутками себя.

— Ты думаешь, я такая вот задорная, потому что считаю себя неотразимой что ли? — и снова чёрная ведьма словно прочитала мысли. — Да нет, просто, что мне ещё остаётся, кроме как всех тут подкалывать? Мне нечего терять, понимаешь? Вот я и отрываюсь.

Милену улыбнулась.

— Хорошо получается... хотя конечно жаль, что секс мне теперь не светит, но что уж — руки есть и ладно, — она лукаво подмигнула и встала. — А ты красотка у меня, прям драгоценность бесценная!

И Милену хотела что-то сказать, но на глаза навернулись дурацкие слёзы и слова застряли где-то, растерялись.

— Ты плащ-то митару верни, — и Хэла ушла в дальние комнаты, а Милену уставилась на висящий на спинке кровати плащ.

“Вернуть?.. Где бы найти на это силы?”

Плащ мусолил глаза ещё три дня и, когда погода стала совсем холодной, Милену всё-таки решилась вернуть его митару.

Найти его оказалось задачей не из простых. Девушка словно бегала за ним по кругу — она изучила весь замок вдоль и поперёк, натыкалась на тех, на кого наткаться совершенно не хотелось и в конечном итоге оказалась прижатой к стенке на лестнице ведущей в какие-то верхние башни... прижатой Элгором.

Казалось, что он был вокруг неё и деваться было вообще некуда. Внутри завопила та самая истеричка, которая вопила уже однажды — рядом с Элгором находится нельзя, надо спасаться!

— Что это наша крошка белая ведьма делает там, где ей быть не положено? — проговорил он, глядя на неё тёмным, с прищуром взглядом.

— Я ищу митара... почтенного митара, — голос предательски пропал. Элгор был словно Каа, а Мила была бандерлогом.

— А почтенный бронар тебе помочь не может? — взгляд его стал таким неоднозначным, что захотелось научиться просачиваться сквозь стены.

“Божечки, я сейчас умру!” — вспыхнула в голове идиотская мысль.

— Я должна отдать почтенному митару его плащ, — и она с надеждой показала ему сложенную и до сих пор прижатую к груди вещь, словно пытаюсь выстроить барьер между ними..

Но кажется это было ошибкой. Взгляд Элгора изменился и стал каким-то жёстким, непримиримым и, если до этого она была уверена, что он только забавлялся, то сейчас она поняла, что спасения не будет.

— Забавно, — прошептал он и больно взяв её за подбородок, чтобы она никуда не делась. Наклонился и поцеловал.

“Конец”, — вспыхнуло у Милены в голове.

Внутри всё метнулось в ужасе, яростно попыталось вырваться наружу, а потом с такой

же силой ударило внутрь. Дыхание будто остановилось, и такого с ней ещё никогда не происходило.

“Что... вообще... ох... какого...” — вспышками слепили её невнятные мысли.

Губы Элгора были жестокими, требовательными, полными грубости и даже злости. Внутри Милены разгоралось невероятное пламя ярости и желания. Как такое вообще может сочетаться? Она теряла нить реальности, хотелось идти дальше, наплевать на всё. Это походило на внезапно навалившееся сумасшествие.

“Нет-нет-нет, чтоб тебе! Нет!” — взвился внутренний голос, панически сдавливая внутренности.

И Милена его укусила. Во рту появился металлический привкус крови, Элгор рыкнул, дернулся, и этого ей хватило, чтобы выскользнуть из его объятий и... наверное, она никогда-никогда так быстро не бегала.

Правда понятия не имела, куда она так припустила. Очнулась Мила, уже пробежав мимо того самого раскатистого дерева, которое росло на равнине перед замком.

Сказать, что её трясло это ничего не сказать. Если бы на земле с выцветшей тёмной травой не было бы инея и местами чего-то похожего на снег, то наверное она легла бы и не шевелилась какое-то время, пытаясь отдышаться.

Милена вспомнила о реке в низине и решила, что вода может помочь прийти в себя. Ноги сами туда пошли. Белая ведьма несколько раз обернулась назад в безумной панике, что Элгор её преследует, но там никого не было — только далёкие звуки жизни в селении и в замке говорили, что там всё так же, как и раньше.

Спустившись к реке, она аккуратно присела на камне и потянулась к воде. Та была не просто ледяной — студёная, удивительно, что не во льду, обжигала руки. И Милена не ожидала, что вода будет такой холодной, потеряв равновесие, поскользнувшись на камне, она встала ногой в реку. При попытке выбраться, проявила максимальную неуклюжесть и оказалась в воде второй ногой. Те самые домашние туфли, которые она конечно же не сменила, когда выбегала в истерике из дома, моментально промокли, а холодная вода свела ноги до судороги.

Подумалось, что ей надо давать приз, как самой невезучей...

Взвизгнув от холода, Милена подняла глаза и... уставилась на Роара. Он был по грудь в воде, на середине реки, конечно, мелькнула идиотская мысль, в чём мать родила.

“Да вы издеваетесь?” — обречённо простонала про себя девушка.

Но главное было конечно не это...

— Не шевелись, — проговорил Роар.

И что она сделала? Правильно — попыталась выбраться сама и благополучно плюхнулась в воду на пятую точку.

Холодная вода проникла в такие места, о которых Милена кажется и не знала вовсе. У неё даже не хватило воздуха в легких, чтобы завопить, но зато она гордо держала над собой плащ... чёртов, твою ж, плащ!

— Иди сюда, — скомандовал Роар, а Мила уставилась на него в недоумении. Как он оказался возле неё так быстро? Но оказался и, подхватив её, как ребенка, подмышки без труда вытащил из воды. — Вот ты бедовая у нас!

Митар выхватил из её рук плащ и отложил в сторону. Милена поняла, что его вещи, аккуратно сложенные, лежат совсем недалеко от того места, где она спустилась к воде. Она захлопала глазами, пытаясь прийти в себя, но тут Роар очень быстро стал её... раздевать.

— Что? — невнятно промямлила она и устоялась на мужчину, как на инопланетянина.

— Ты только от горячки отошла, ты замерзнешь до того, как мы доберемся до дома, — он говорил это продолжая её раздевать. Говорил правда словно на другом языке.

Милена нахмурилась и тут до неё, дурёхи, дошло, что с ней случилось.

Нет, она как бы была в курсе — упала в ледяную реку, точнее попой в неё уселась, но вот только сейчас начало трясти от холода, зубы стучали, руки стали красными, да и ноги наверняка тоже. Сейчас она это узнает.

Надо ли смущаться, что её раздевает голый мужчина? Да? Нет?

Она старалась смотреть только ему в лицо. Старалась. Приз за старание в студию!

"Господи, остановите это кино, я больше не могу!" — снова простонало в ней, и наверное приз на идиотское лицо тоже за ней.

Так быстро её никто не раздевал. Да и никто её до этого момента не раздевал. Родители в детстве не в счёт. С ботаником и тусовщиком раздевалась она всегда сама... И стало так обидно, что ли.

Роар всё делал быстро и чётко. "Профессионально", — мелькнуло у неё в голове. Она и сама бы с себя это платье с сотней шнурков не сняла бы так скоро, тем более мокрое.

Оставшись в одной нижней сорочке, она ощутила, что на улице на самом деле холодно — теперь холодно было не только ногам и заднице.

— Так, держи, — он накрыл её этим дурацким плащом, который она весь день пытается ему отдать и под ним снял с неё нижнюю сорочку, которая промокла, как и платье лишь наполовину. — Теперь это надевай, — и он протянул ей свою рубаху.

Милена послушно сделала то, что ей было велено. Вообще тон митара не предполагал никаких возражений, да и ситуация кажется не располагала к протестам, стеснению или чего там ещё можно было учудить?

— Так, теперь ноги, — пока она надевала его рубаху, он успел надеть на себя штаны и куртку прямо на голое тело, шикарное голое тело...

"О чём ты вообще думаешь, извращенка?" — ухмыльнулся в голове голос Хэлы, и Милене захотелось осмотреться, чтобы убедиться, что женщины рядом не было.

Митар усадил её к себе на колени, завернув в плащ и крепко прижав к себе, чтобы быстрее согреть... "Ведь для этого? Да? Точно?" — возникла у Милена очередная идиотская мысль.

И Роар стал растирать её заледеневшие ноги.

Это было похоже на пытку. Всё это. Может теперь она наконец-то проснётся? Может сейчас её перетащит обратно домой? Потому что это невыносимо. Ну, действительно!

По ногам разлилось тепло и Роар ноги тоже укутал в плащ.

— Согрелась? — наконец спросил он у неё.

Она лишь совершенно по-идиотски кивнула и уставилась в его глаза. Какие же у него были красивые глаза. Такие тёплые — она никогда ни у кого не видела такого цвета глаз. Будто медовые, солнечные. Захотелось прикоснуться к его щеке.

"Господи, — пронеслось в голове, — спасибо, что митар сотворил из неё гусеницу. А то ведь сейчас её ручонки потянуться к..."

И Роар наклонился к ней и поцеловал.

Это было действительно слишком для одного дня, и нет, даже не дня... а часа? Или нет... меньше, чем часа?

Но, в отличии от злого поцелуя Элгора, поцелуй Роара был такой мягкий и невероятно

нежный, словно она и не человек, словно она вообще что-то... как там сказала Хэла — сокровище, дар, драгоценность?

“Боже, только не останавливайся, ну, пожалуйста!” — внутри всё бахнуло, да-да...

Осталось только хватать и тащить? Куда только тащить? Да и сдюжит ли она такого вот утащить?

Волна тепла накрыла Милену с головой, она замерла, боясь, вот сейчас реально боясь, что всё кончится. Ей хотелось этого, она очень этого хотела. Не так и не здесь, но какая разница?

Её обнимали такие сильные, но невероятно нежные руки, она была такой беспомощной, но никогда, никогда в своей жизни она не чувствовала себя такой защищенной...

Роар отстранился и Милена открыла глаза, словно просыпаясь от самого прекрасного сна в своей жизни.

— Прости... не смог удержаться, — он прижал её к себе и тяжело вздохнул.

Она мотнула головой и сказала:

— Ничего, — прошептала она, на деле не имея никакого голоса.

“Что? Дура, Милка! Что ты только что сказала? Серьёзно? “Ничего”? Твою мать!” — и это снова был голос Хэлы и Милена была с ней абсолютно согласна.

Дальше Роар просто нёс её через эту дурацкую равнину и это грёбанное поле никогда не казалось ей таким маленьким, эта дорога никогда не была такой, короткой, и ни разу ей не хотелось побыть с кем-то подольше, и не находила тоска от того, что вот сейчас будет тепло уютно и не будет его.

— Рващ, — с досадой он произнёс странное слово и остановился. — Я платье твоё там забыл.

— Вернёмся? — и кажется никогда не было в её голосе столько надежды.

— Тебя надо согреть, — возразил он. — Я же не прошу себе, если ты снова заболеешь.

— Мне не холодно и это я виновата, что туда плюхнулась, — ответила Мила.

— Виновата или нет, убережь от горячки это не сможет, — заметил митар и продолжил путь. — Что ты вообще там делала?

— Я хотела тебе плащ отдать, — ответила девушка, а Роар снова остановился.

— Что? — нахмурился он.

Милена пожала плечами и это был очень нелепый жест, самый нелепый за всю её жизнь. Хотя сегодня она королева невезения и нелепости.

— Зато не намочила его, умница же, да? — спросила она.

— Умница? — Роар повёл головой, нахмурился на мгновение, а потом рассмеялся. — Больше не надо так делать.

— Хорошо. Не буду, — Милена покраснела, сжалась от смущения. — Тебе правда не тяжело? Я же и сама могу идти, — решила перевести тему разговора.

— Тяжело? — он глянул на неё в недоумении. — Да ты ничего не вешишь. Тем более ты босиком. Туфли мы тоже оставили там, да и толку с них, ледяных. И вообще почему ты была в туфлях, а не в сапогах?

— Ну...

“Меня поцеловал твой брат и я его укусила и сбежала от него, и было как-то не до обуви...” — проговорила она у себя в голове. И перед глазами почему-то всплыла кровавая расправа одного брата над другим.

— Не знаю, — пожала она плечами, насколько это было возможно сделать в её

состоянии гусеницы в руках у этого великана.

И рассмеялась.

“Сказка “Гусеница и великан””, — очередная идиотская мысль очень её развеселила.

— Что? — спросил у неё Роар. — Тебе смешно, что не знаешь как умудрилась выйти в холод на улицу без сапог?

— Нет, — Милена всё ещё смеялась и наверное это была простая истерика. — Просте я... просто я... ой...

Она правда хотела ответить, но тут икнула, чем вызвала очень неоднозначное выражение на лице у мужчины.

— Так. Милена! — а митару было не до смеха. — Уже горячка началась?

— Нет, прости, всё хорошо, — поспешила успокоить его беспокойство девушка. — Я просто гусеница, а ты великан и я не знаю почему это так смешно.

— Гусеница? — он нахмурил лоб, потом повёл бровью и явно это слово было ему неизвестно.

— Ну это... — она задумалась. С одной стороны это было так просто, но с другой оказывается ужасно сложно. — Боже, я не знаю как объяснить... это такая... такая... ну вот как я сейчас. Только ма-а-а-ленькая!

Теперь уже рассмеялся Роар. Такой у него был тёплый смех, как и взгляд.

Они дошли до ворот Трита и к невероятному счастью Милены там никого не было, потому что весь люд пошёл обедать.

Митар с белой ведьмой на руках совершенно никем незамеченные прошли через двор и на пороге Мила вдруг осознала, что сейчас им нужно будет встретиться с Хэлой.

— Ох, и влетит нам от Хэлы, — покачал головой Роар, словно читая её мысли и стараясь говорить как можно тише.

— Стой! — он как раз сделал шаг внутрь и сбоку оказалась та самая лестница на которой совсем недавно "обжимались" Шера и Элгор.

— А? — он застыл в недоумении.

— Поставь меня, я одна пойду к Хэле. Влетит только мне, — объяснила Мила. — Ведь это я сама виновата.

— Я не боюсь Хэлу, — ответил на это митар. Кажется даже с какой-то обидой.

— Все боятся Хэлу, — улыбнулась Мила и Роар, ухмыляясь, согласно кивнул ей в ответ.

Кажется с невероятным нежеланием, а может это ей очень хотелось, чтобы с нежеланием, он поставил её на пол в сумерках лестницы.

— Может мне отдать тебе плащ здесь? — предложила девушка.

— И пойти по коридору в одной моей рубахе? — спросил митар. — Ну, уж нет.

— Тогда я потом его отдам, — прошептала она, стоя на ступеньках так, что была с ним вровень. — И рубаху.

— Так. Тоже нет, — мотнул он головой, озорно улыбаясь. — Сегодня я буду до вечера перебирать бумажки в рабочей комнате ферана, так что просто принеси туда. А то вдруг в следующий раз ты соберёшься отдать мне вещи с ещё большей опасностью для своей жизни. Я уж думаю может и не забирать у тебя их вовсе.

— Я принесу сегодня, — твёрдо произнесла она, убеждённая в его правоте.

Они какое-то время просто стояли и, господи-боже, если бы Милена была посмелее, она бы наверное поцеловала его сама, ей очень этого хотелось. Отчаянно, до боли хотелось. Но она такая трусиха, глупая-глупая трусиха.

— Увидимся, — выдавила белая ведьма из себя самую трусливую в своей жизни фразу. — Если выживу.

— Помнишь? Я в тебя верю, — прошептал Роар. И... Милена ушла.

"Ты самая тупая девица, Мил... мама была права, когда говорила, что тебе ничего не светит в этом мире. Как оказалось и в другом мире не светит..." — ругала она себя, пока шла по коридору.

Войдя в комнату серых, девушка внимательно изучила обстановку и с радостью заметила, что Хэлы нет, наверное она, как и все, была на обеде. Милена пробежала к своей кровати и сняла плащ.

— Что с тобой случилось? — голос Хэлы за спиной заставил подпрыгнуть и взвизгнуть.

Девушка развернулась и поняла какой у неё сейчас невероятно неоднозначный вид — в руках чёртов синий плащ, на ней рубаха синего цвета, и понятно, чья она, благо прикрывает голую задницу, наверняка сама Милена растрёпанная и нелепая.

— Это не то, что ты думаешь, — выпалила белая ведьма.

— Интересно, что я должна думать, — приподняла бровь Хэла. — Просветишь?

А что тут можно подумать? Но как бы Мила хотела, чтобы эти неприличные мысли были реальностью. Вот. Она это подумала.

— Ну... — девушка замялась, — я просто упала в реку и митар меня спас.

— Начало весьма многообещающее, — оценивающе повела головой женщина. — Такое я не могла бы подумать. Да. Дальше.

— И ничего дальше.

— Хм, — чёрная ведьма прищурилась, — ну как скажешь...

— Хэла, — девушке отчаянно хотелось рассказать.

Но Милена вообще никогда ни с кем ничем не делилась.

Да и с кем было делиться? Маме она была не интересна, сестра была просто вредина, у Милы и подруг-то не было совсем, разве что только бабушка. Поделилась бы она с бабушкой? А внутри было столько эмоций:

— Я... ну... — и невозможно было всё сказать из-за этого эмоционального отупения.

— Так, детка, успокойся, ладно? — перебила её Хэла, поведя руками в воздухе. — Я не настаиваю на рассказе. Где твои вещи?

— На реке остались, — теперь к глазам подступили слёзы.

— Понятно, — голос чёрной ведьмы был мягким. — Так. Я принесу другие вещи. А ты иди, там есть тёплая вода, поддержи в ней ноги, чтобы согрелись. Переоденься и отнеси митару его одежду до того, как вернуться серые кумушки-голубушки, а то будешь им объяснять откуда у тебя не только его плащ, но и, вот это новость, рубаха нательная. Тут такой гвалт начнётся, что мало никому не покажется.

И Хэла вышла из комнаты, а Миле показалось, что женщина обиделась.

— Кажется, Милена Сергеевна, на сегодня ты перевыполнила план на пару недель вперёд, — грустно сказала она себе и сев на кровать зарыдала.

Глава 17

Роар стоял в комнате и сам не понимал, что такое с ним случилось, что натворил таких дел. Он знал, что должен был сдержаться, ведь это была не первая девушка в его жизни, но было в ней что-то, что заставляло его чувствовать себя мальчишкой.

Он натянул на себя чистую рубаху и с силой втянул в себя воздух, выпустил, попытался успокоится. На лестнице, пока стоял и смотрел в её глаза, почти перестал себя

контролировать — был в шаге от того, чтобы натворить непоправимое.

Но вспоминая ощущение от мягкой, нежной кожи под своими пальцами всё не отпускали и Роара уносило. Ему кажется невозможно было устоять перед этими огромными распахнутыми глазами, полными удивления, перед почти детской беззащитностью и открытостью.

Митар думал о девушке с самых костров — когда стоял и хотел попробовать на вкус. А сейчас взял в руки и потерялся. И как он так?

Губы эти, тёплые, мягкие... он повёл головой, словно пытаюсь убрать эти мысли из головы, потому что снова начинало тянуть беспощадно. А было нельзя, надо было держать себя.

Прогнав наваждение, митар отправился заниматься самой по его мнению скучной частью работы ферана. По пути в рабочую комнату от встретил Элгора — тот был как всегда угрюмым, нервным, и у него была распухшей губа.

— Что с тобой случилось? — поинтересовался Роар, слегка нахмурившись.

— А с тобой что? — огрызнулся в ответ младший брат.

— Со мной всё хорошо, — на Роара рыки Элгора не действовали, поэтому он улыбнулся и повёл плечами.

— Так и со мной тоже, — буркнул бронар и ушёл из коридора прочь.

Митар фыркнув, глянул ему вслед, потом поздоровался со стражем рабочей комнаты ферана и толкнул дверь внутрь.

Эта комната не менялась никогда. Никому не было до неё дела — самая простая из хозяйских комнат в Трите. Стол, три кресла, шкаф во всю стену, заполненный книгами и бумагами, кушетка, два окна, три двери — две в коридор, одна в комнаты ферана. Ничего лишнего, даже карты на стене не было. Только с десятков светящихся слихов, появившихся при Рэтаре, потому что тан часто не спал ночами, а когда не спал работал или читал.

И комната эта разительно отличалась от личных спальных комнат ферана, открыть дверь и попадёшь словно в другой мир — две комнаты были обставлены без ограничений в средствах, со вкусом и роскошью, были достойны самого правителя элата.

Правда Рэтар почти не пользовался ими — ему было достаточно рабочей комнаты. Излишества и удобства его словно стесняли, поэтому в Трите он спал там же где работал, или, если в спальне, то не на кровати, а на одном из диванов. Хотя кровать была потрясающая, сделанная на заказ для отца Рэтара, которому правда она нужна была совсем не для сна.

Роар невесело ухмыльнулся, вспомнив своего танара.

Эрган Горан был властным, жёстким, беспощадным и властным. Его уважали и остерегались все, кто имел с ним дело: другие фераны, и великие эла, как предыдущий, так и нынешний — отец Рэтара был первым советником при обоих правителях.

В дверь постучали, вытащив Роара из задумчивости. Он отозвался и стражник, открыв дверь, указал на стоящую в коридоре Милену. Митар дал разрешение войти и девушка зашла, а если быть точным просочилась в комнату так, чтобы быть как можно дальше от стражника, которым сегодня был Хорт, здоровенный детина, страшный как кварон.

Роар вздохнул — его озадачивала эта её вечная какая-то словно извиняющаяся манера поведения, словно она всем мешала и ей было за это безумно стыдно. К себе девушка прижимала аккуратно сложенные плащ и рубаху. Лицо было немного припухшим, глаза красными — видимо она всё-таки плакала.

— Куда положить, чтобы без приключений? — тихо спросила Мила и Роар улыбнулся, испытав невероятное облегчение, от того, что она пошутила.

— Куда тебе хочется, — махнул он на кушетку и на два кресла перед столом, решив не спрашивать про слёзы.

Мила выбрала ближайшее к ней кресло.

— Здесь так, — она осмотрелась и хмыкнула.

— Как? — поинтересовался Роар, ухватившись за возможность разговора с ней.

— Не знаю, — девушка пожалала плечами. — Никак? Комнаты обычно так много говорят о владельцах, а тут... Впрочем, наверное достопочтенный феран именно такой — ничего лишнего?

Роар отрицательно повёл головой.

— Лишнего ничего, да, — ответил он. — Но она не может ничего сказать о Рэтаре, разве что только то, что ему нет дела до окружающей обстановки. А комнату обставил наш данэ. И она после него не менялась.

— Данэ? — нахмурилась она слову.

— Отец моего отца, — пояснил Роар, невероятно радуясь, что она не убежала сразу как оставила вещи.

Милена продолжила хмурится, но кивнула.

— Да и я тоже её не жалую, — добавил митар.

— Почему? — спросила девушка. — Вы ведь проводите в ней столько времени, можно же изменить, если не нравится?

— На деле немного, — ответил Роар. — Больше времени мы проводим в Зарне, там всё по-другому.

— Мне говорили о Зарне, — закивала девушка. — Она далеко?

— Две мирты пути в сторону гор. Это главное поселение Изарии, — пояснил митар. — У нас говорят: “Изарию не сломить, пока Зарна стоит”.

— А Трит?

— Трит, — он развёл руками, — это что-то вроде места, в котором мы всегда проводили время тепла, сезон плодородия. А вот холода всегда были в Зарне. Там проще, особенно в холодное время. И безопаснее.

Она снова нахмурилась, не понимая, а потом обратила внимание на окно. Взгляд её преобразился, потому что из окон с этой стороны дома открывался невообразимо красивый вид — очертания гор на горизонте, бесконечные поля, перемешиваются с садами, река делала здесь изгиб и появлялась из-за небольшого полесья, уходя вдаль, разрезая дол пополам.

— Какая красота, — Мила осторожно, очень аккуратно подошла к окну. — Горы отсюда так хорошо видно.

— Трит построен в одном их самых красивых мест Изарии, — и Роар залюбовался её лицом. — В пору цветения и плодородия особенно. И мы здесь потому что хотелось, чтобы ты увидела эту красоту.

— Точнее, — прошептала Милена, став грустной, — сделала так, чтобы эта красота появилась.

— Не переживай, всё случится, поверь мне, — ему так хотелось утешить её. — Никто не ждёт, что завтра тут птицы запоют и всё покроется цветами.

— Мне кажется все ждут, — возразила Милена. — Я вижу это в каждом взгляде, по моему даже Хэла смотрит на меня в ожидании, — девушка прикусила губу, а Роара снова дёрнуло воспоминанием о поцелуе. — Хотя все-все говорят мне “подожди, всё будет”, но, боже, как мне стыдно... Что я не только не могу что-то сделать, я даже понятия не имею как. И все эти люди... за мой призыв правда платили простые люди?

— Да, — ответил митар. — Но они знали на что идут, — тут же поспешил добавить он, потому что расстраивать не хотел, хотел поддержать и успокоить. — Феран их предупреждал, что с белым призывом не так всё просто, и он не видел нужды в призыве белой ведьмы. На два тира у нас хватало бы собственных запасов с лихвой, и мы ещё не тратим их — провиант поступает из других фернатов. Так что, кстати, если что, у тебя определенно есть время.

— О, как прекрасно, но только странных взглядов в мою сторону это не изменит, — покачала головой Милена. — А если я вообще не смогу ничего сделать?

— Пора цветения может прийти и сама, так что сделаешь или нет, уж простой люд точно ничего не поймёт. А нам, — он вздохнул, — просто очень жаль, что мы тебя вытащили, действительно жаль.

Она слегка склонила голову, потом потупила взор.

— Рэтар вообще не любит призыв, — решил зачем-то добавить Роар, словно ей от этого легче стать могло бы. — Он бы никого не призывал, если бы мог.

— А можно вопрос? — она слегка нахмурила лоб.

— Спрашивай о чём хочешь, — ответил митар, и ему действительно было приятно говорить с ней, смотреть на неё.

— Я не понимаю, — девушка сложила руки на подоконнике, который был на уровне её груди, говорила и смотрела в окно, — зачем вообще нужны серые? Я хотела спросить у Хэлы, но как-то так и не решилась. Они же делают обычную работу, как прислуга. Но и прислуга тоже есть. Тогда зачем?

— Я, — потёр лоб тыльной стороной ладони, пытаюсь найти слова объяснения. — Знаешь, маги утверждают, что без призыва обойтись нельзя. Может они найдут способ, но пока призыв то, что держит всё на своих местах, чтобы всё не развалилось.

Милена посмотрела на него полными непонимания глазами.

— Так, — выставил он руку вперёд. — Когда-то давно в нашем мире жили боги и магической силы было в достатке, даже больше.

Девушка осторожно кивнула.

— И её использовали. Все и много, — продолжил Роар. — С помощью магии делали всё — вещи, оружие, строили дома, ухаживали за скотом, растили урожай, — он сделал паузу, взглядываясь в девушку, чтобы понять её реакцию. Она снова кивнула. — А потом боги стали уходить и вместе с ними стала пропадать магия. Магам стало сложнее делать даже самые простые вещи и их самих стало меньше.

— Ага... — и снова она кивнула, а он ухмыльнулся.

— То есть, если раньше в магии могли пойти многие, то постепенно это стало делом только избранных. С ослаблением магии стали слабеть и вещи, — продолжил Роар и почувствовал себя нелепо, словно учитель. — Некоторые дома, например, рассыпались на глазах людей — от полноценного дома до руин времени проходило всего несколько луней.

Митар прищурился.

— Я не знаю тонкостей, но так получилось, что призыв решил эту проблему. Это тебе

кажется, что серые просто делают простую работу по дому, но это не так, — Роар развёл руками. — Все серые обладают магией и они своими действиями поддерживают ту, благодаря которой стоит этот дом.

Милена открыла было рот, потом снова кивнула и решила промолчать.

— Они стирают, — продолжил митар, слегка улыбаясь, — и вещи от этого дольше служат. Благодаря серым в доме тепло, когда на улице холод, и прохладно, когда на улице жара, потому что это тоже магия, а они ухаживая за домом, сохраняют её. Серым нельзя только готовить, возделывать землю и ухаживать за животными, потому что могут спровоцировать “невольный заговор”, как его называют маги. Если бы можно жить без призыва, то поверь, уж в Изарии точно бы не было серых.

Роар замолчал, ожидая реакции, но Милена снова кивнула. Он вздохнул:

— Когда только начался этот холод, все серые Зарны, а потом и Трита слегли с горячкой. Их у нас, у Горанов, раньше было около тридцати — часть была здесь, другая в Зарне. И когда все они захворали, то мы не смогли им ничем помочь. Но самое странное, что горячка забрала всех, одну за другой...

— А лечить серых запрещено, — печально проговорила белая ведьма.

— Нет, дело не в запрете, Милена, — поспешил ответить Роар. — Если бы дело было только в нём, уж поверь, Рэтар на него наплевал бы и заставил лекарей лечить серых.

— Почему тогда?..

— Просто серые все из разных миров и способы лечения, которые есть у нас в мире, им чаще всего не подходят. Делают только хуже, — ответил митар. — Помочь могут маги, но тут возникает другая проблема. Ты видела Хэлу после того, как она тебя заговаривала от горячки?

— Да, — прошептала Милена. — Это было ужасно.

— А Хэла, признаюсь, не обычная чёрная ведьма, — и он повёл головой. — Не знак точно как у неё это получается, но маги делают так же. И им тоже нужно время на восстановление сил, понимаешь? То есть один маг, который за лечение затребует очень большую плату, сможет помочь только одному человеку, то есть одной серой. А если болеют тридцать? Это тридцать магов.

— И плата в тридцать раз выше, — заключила девушка.

— Дело не в плате, — Роару показалось, что проще в одиночку крепость захватить, чем объяснить ей что к чему. А ему очень хотелось, в надежде, что она не будет сильно ненавидеть их, хотя конечно так себе надежда. — Дело в том, что тридцать магов это почти половина всех магов Кармии. И просто так их вызвать к себе нельзя. Нужно идти к первому магу и великому эла, просить разрешения и, поверь мне, они его не дадут, даже, если бы тут война была, или мор повсеместный, а в помощь серым тем более. Потому что это будет означать, что элат лишится тридцати магов на пару-тройку мирт, в среднем.

— И они все умерли, — скорбно заключила Милена.

— Да. Мы не узнали, что это было. Последней умерла чёрная ведьма, — к своей неохоте подтвердил митар. — Если ты заметила, все серые вокруг тебя молоды и находятся здесь недавно. Мы призывали по одной, смотрели на... состояние дома прежде всего.

Роар вздохнул.

— Стало приемлемо только после призыва десятой, — сам уже был не рад этому разговору, но надо было объяснить. — Тогда маг сказал, что этого будет достаточно для поддержания магии дома и вещей в нём. Феран остановился на этом, а сюда не стали

призывать вовсе. Мы тут не бываем, а сохранение дома, в условиях затянувшихся холодов, для Рэтара точно не первостепенно.

Девушка слегка повела головой.

— У наших книтов, других знатных домом Изарии, осталось какое-то количество серых, но новых мы пока призывать запретили. И сейчас у нас из всех фернатов Кармии самое малое количество серых, — она снова нахмурила лоб. — Это не оправдание, не думай, — поспешил добавить Роар. — Просто... вот, например, в граничащем с нами Юрге, который в четыре раза меньше Изарии, и там никогда не бывает таких лютых холодов, как у нас, вот о таком главном доме заботятся около тридцати серых. А в столице у великого эла в главном доме их больше сотни.

— Сотня? Боже...

Милена прошла к столу и села в кресло перед ним.

— Здесь тоже когда-то было много. Не важно как мы к этому относимся — это показатель статуса и достатка ферната, — пояснил митар. — Эарган Горан укрепил статус Изарии, как самого сильного и богатого ферната Кармии. У него был огромный харн и больше сотни серых во всей Изарии.

— Эарган Горан — это отец достопочтенного ферана? — и Роар кивнул подтверждая её слова. — Я слышала, что он был жестоким человеком.

— Не просто жестоким, — повёл головой митар. — Он был непримиримым, требовал беспрекословного подчинения, не принимал оправданий, не знал жалости. Мой танар был намного хуже, чем жестоким.

— Танар — это дядя? — спросила Милена.

— Дядя? — Роар нахмурился странному слову.

— В моём мире это называется так — дядя. Брат моего папы, — пояснила она. — У меня было двое, но я их не знала.

— Почему?

— Они погибли ещё до моего рождения. В семье папы все были военные, даже бабушка моя служила в армии, — и Роар нахмурился ещё одному странному слову. Милена улыбнулась. — Мама моего папы.

И он понимающе кивнул.

— А прабабушка, — и она повела головой, — воевала. Мой прадед, дед, его брат — были моряками. Один мой дядя был лётчиком, а второй пошёл в морскую пехоту. Оба они погибли на разных войнах.

И Роар потерялся в названиях, они все были одинаковыми на слух, но он старался не слишком сильно хмурится, давая понять, что запутался в странных словах. Вспомнил, как она ему пыталась объяснить про какую-то там, он напрочь забыл слово — но видимо если спросить будет так же. Да и в целом было не важно — она говорила, спокойно и без страха. Он был счастлив.

— А мой папа не стал военным. Его отец с ним даже не разговаривал много лет из-за этого, — она пожала плечами. — Папа был учёным и ненавидел всё, что связано с войной. И я в военном деле ничего не понимаю, для меня это как китайская грамота, в смысле очень тяжело понять, что к чему.

— У нас не особо есть выбор, — проговорил Роар. — Изарийцы и война неотделимы друг от друга. Я воюю большую часть своей жизни. И сейчас, когда вокруг хворый, невнятный мир, мне сложно понять, что я чувствую. Но для меня во время войны всё

намного проще.

— А сколько тебе лет? В смысле тиров? — спросила она.

— Э, — митар пожал плечами. — Не знаю... около тридцати кажется.

— Подожди, — Милена оживилась и в недоумении уставилась на него, — как так "кажется"?

— А разве надо считать? — пожал плечами Роар. — Это важно? Если важно, Рэтар наверное знает.

— Рэтар... феран? — он прикрыл глаза, соглашаясь. И улыбнулся, утопая в её меняющемся лице, таком удивлённом, невероятно милым. — А день рождения? И разве тут нет летоисчисления, в смысле, вы не знаете какой сейчас по счёту год, в смысле тир? Ведь есть же цикл, ну, в смысле...

И Милена растерялась в попытке объяснить, зажмурилась.

— Хэла сказала, что один тир это тринадцать луней и ведь есть начало тира и его конец, нет? — и Роар кивнул. — Вы не считаете какой он по счёту? В мире... — она девушка смешно развела руками, уставилась на него в ожидании ответа.

— Какой по счёту тир? — уточнил митар и нахмурился припоминая. — Пять тысяч восемьсот двадцать шестой от сотворения Гор-Эят.

— Оу, — Милена смешно сложила губы, удивляясь услышанному, а Роар был готов встать, схватить её и притянуть к себе, такая она была очаровательная сейчас. Он рассмеялся.

— Сложно? У тебя проще?

И Милена нахмурилась:

— Да, на самом деле, у нас говорят "от рождества Христова", — ответила она. — А Гор-Эят?

— Это остров, у его основания огромный магический слих, — начал он объяснять.

— Слих? — переспросила Милена.

— Эм, — Роар не знал, как объяснить, потом указал на магический свет, стоящий на столе, — вот такой.

— Шар, — улыбнулась она.

— Наверное, — кивнул он, тоже улыбаясь — Что-то такое. Благодаря ему можно точно определить сколько тиров нашему миру — так говорят маги. Но мы от острова далеко, правда раз в определённый срок они сообщают нам о точном времяисчислении, но сами мы считаем начало и конец тира приблизительно основываясь на положении небесных светил. Этим занимаются маги и эйолы. А день рождения... мой день рождения указан в книге, которая лежит в Зарне. Как и дни рождения всех Горанов.

— А отмечать этот день? У меня в мире каждый год мы отмечаем день рождения, — заметила она. — Это как бы праздник.

— А зачем?

— Зачем? — девушка явно была очень удивлена.

— Да. Зачем считать свои тирь?

— Ну, эээ... чтобы знать? — потерялась она.

— Это какое-то важное знание? — и ему было странно. Надо будет у Хэлы спросить про это поподробнее, если конечно Милена объяснить не сможет.

Белая ведьма нахмурилась, снова прикусила губу:

— Ммм... в моём мире нельзя, например, получить права, купить алкоголь, если тебе

нет восемнадцати лет, и много чего нельзя ещё, — она попыталась рассказать. — С восемнадцати лет, например, забирают на службу в армию, а до того нельзя. В общем, у меня в мире много чего привязано к возрасту. Даже не знаю... это важно. Не может быть, чтобы у вас вот родился человек и дальше не важно сколько он на этом свете живёт... это же странно.

— Нет, не странно. Для меня странно, что вы считаете свои тиры... каждый тир отмечать? — и Роар приподнял бровь. — Вот это странно. Ведь тебе это ничего не даёт, никак тебя не меняет. Что такого в этой дате?

Милена пожала плечами.

— Но у нас есть важные даты, — добавил митар. — Когда ребенку исполняется пять тиров, он проходит обряд имянаречения. Эойл возлагает на него руки и представляет его верховному богу. Тогда ребенок обретает, не только имя, он определяется как мальчик или девочка, до того дети равны, перестает быть частью своей матери, может выбрать, кем хочет стать, но окончательно он принимает решение ещё через пять или бывает восемь тиров.

— Ага...

— Девочки же, после тринадцати тиров, должны пройти обряд богини плодородия, то есть стать женщиной, но есть те, кто проходит его рано, а есть те, кто намного позднее. Вот и всё, — и митар пожал плечами. — Остальное не важно. Какое кому дело, когда я пошёл воевать — есть понятие готов или не готов, и некоторые не готовы даже к старости, а кто-то воюет всю жизнь, ну или пашет, или растит скот, или охотится, рыбачит...

В дверь постучали и в рабочую комнату ввалился Хорт:

— Сообщение, доставленный митар, — с этими словами стражник протянул Роару свёрнутый листок бумаги.

Митар кивнул, взял листок, после чего стражник вышел.

— Прости, — Милена заёрзала в кресле. — Я мешаю тебе своими разговорами.

— Не мешаешь, — стало досадно и он мысленно выругался и на стражника и на сообщение, которые появились так не вовремя. — Вообще меня раздражает эта часть обязанностей ферана. Бумажки не для меня. Обязанность митара исключительно охранная, военная, и мне это нравится. А вот это, — он потряс в воздухе сообщением, — меня просто выводят из себя, особенно здесь.

— В этой комнате? — уточнила она, а Роар согласно кивнул. — Почему? Потому что она никакая?

— Нет, плохие воспоминания, — митар улыбнулся. — Меня маленького в этой комнате только ругали. А однажды, я был маленький я спрятался здесь, когда мы играли в прятки. И получил за это.

Милена нахмурилась.

— В эту комнату нельзя было заходить без разрешения. Ни в эту, ни в другие комнаты ферана, — и митар указал рукой в сторону двери, за которой были покои ферана. — Танар, как я тебе уже сказал, был строг и непреклонен. Если нарушились установленные им правила, оправдываться было бесполезно. Но я тогда конкретно сглупил. Танара не было дома и я думал, что я очень умный — спрячусь тут и меня никто не найдёт.

— Но тебя нашли?

— Танар меня нашёл, — и он сощурил глаз на мгновение, вспоминая этот случай. — За меня вступился Рэтар, но наказали в итоге и меня, и его... правда ему досталось больше.

— Сколько тебе было? — спросила Милена, потом нахмурилась. — Или, ой, ты...

— Не знаю точно? — Роар усмехнулся. — Я был достаточно маленьким, чтобы испугаться того, что меня оставили одного в башенной комнате, без света на всю ночь, и достаточно взрослым, чтобы испытать невообразимое чувство стыда за то, что физическое наказание за меня получил Рэтар.

— Какое?

— Десять плетей.

— Боже, — в глазах белой ведьмы блеснули слёзы и Роар с трудом поборол в себе желание обнять её, чтобы успокоить.

— Как я и сказал — Эрган был жёстким и непреклонным.

— Но так наказывать детей за такую мелочь...

— Рэтар уже не был ребенком, а что до меня — урок я запомнил на всю жизнь.

— Всё равно это так несправедливо, — заметила она обиженно.

Роар хотел ответить, но в двери снова появился Хорт:

— В портале посланник из Наты, достопочтенный митар.

— Ого, — Роар тяжело вздохнул и посмотрел на девушку. — Прости, на этот раз придётся всё-таки взяться за дело.

Милена улыбнулась, кивая, соскочила с кресла и попрощалась.

— И я тебя очень прошу — не лезь больше в реку, — сказал он ей в спину, она глянула на него из-за плеча и он мог поклясться, что она покраснела и пробормотав что-то невнятное скрылась в коридоре.

В Роаре же разлилось удивительное, непонятное чувство какого-то облегчения — он ничего не испортил своим поцелуем, не оттолкнул её, не напугал. Но и, боги, всё равно внутри было невыносимое понимание, что желание никуда не денется и доведёт его до греха.

Глава 18

Настроение вот уже несколько дней оставляло желать лучшего.

Сначала феран... Хэла смотрела в его спину, когда он покидал Трит, и отчего-то внутри росло ощущение, что она больше его не увидит. Это было знакомое ей чувство из той прошлой жизни, далёкой и оставшейся за чертой, проведённой призывом и её безумным поступком. Далёкое скромное и тихое “увидимся”, а дальше весть, что нет, не увидите, потому что вернуться больше некому.

Но сейчас, глядя в его спину, Хэла отчаянно хотела, чтобы, если есть возможность, пусть она будет той, кому не скажут “привет”.

Внутри женщины была уверенность в том, что Рэтар Горан тот, кому нельзя не возвращаться. Это понимание было непоколебимым, может даже связанным с её силой ведьмы. Таким же точным как то, что платье менять не надо, пусть останется это, потому что... и она хмурилась глядя в себя — потому что ненадолго. А что “ненадолго” понять никак не могла. Оно тревожило её, изводило. Но быть уверенной Хэла не могла, вообще в чём можно быть уверенной, когда ты сама непонятно что такое.

Плащ ферана она заговорила уже дважды — ни холод, ни вода, ни чужая злая воля... ни тяжёлые мысли, ни плохие сны, а главное головные боли не побеспокоят, обойдут стороной, лишь бы спал под плащом всю дорогу, под открытым небом или под крышей над головой.

Потом была Милена... Что было делать с девочкой в голове не укладывалось — нельзя вытащить из себя силу, будучи настолько потерянной, неуверенной в себе, зашуганной, недолюбленной и истощённой.

Не важно, что Милена была выносливой физически, потому что гробила себя в попытке стать идеальной внешне. Внутри всё было плохо. И это плохо не приносило ничего хорошего там, в их мире, и не принесёт ничего хорошего здесь, когда Милена теперь ещё и ведьма.

Но склад характера девочки был таким, что сама она не найдётся, ей нужен кто-то, кто хотя бы попробует ей доказать, что она красивая, очаровательная, хрупкая, сказочная принцесса.

Хэла смотрела на это личико, волосы, фигурку и прям только кринолина не хватает и короны на голове. Но “прынцы” были печаль печальная...

Роар понятно — шикарный, сильный мужик, умелый, не дурак, всё мог сделать, как надо, и было бы просто отлично. Но он был правильным. Это то качество, которое стопорило всё страшным делом.

Хэла так порой бесилась с него. До усрачки честный, прямой, с моральной стенкой идеальных кирпичиков в голове. Её прям подрывало порой пробить в этом брешь и навести там шороху в сознании этого светлого, чертовски красивого мужика.

И чёрная ведьма точно знала, что несмотря на то, что видела влечение, которое было у Роара к Милке, но он уже построил вокруг девочки заборчик, который не станет штурмовать, если она сама ему не проорёт, что ей очень надо. А она не проорёт, потому что... короче, замкнутый круг.

Был бы Элгор помягче, понежнее, да что там — поумнее... было бы то, что нужно.

Но нет, мальчишка был дрянным, грубым и дерзким. А последнее время он вообще был ужасен. Конечно, с Хэлой он всегда был одинаковым, хотя она и не собиралась обращать внимания на это. Плавала в подобном уже и точно знала, что обращать внимание, себе дороже. Однако сейчас он стал таким со всеми, так основательно, что она бы сказала, что у него “пмс”. Чёрная ведьма даже просмотрела его на всякие болячки, потому что может и вправду болеет и оттого такой невыносимый. Но Элгор был здоров, как бык... и Аполлон, хотя нет, это к Роару, а Элгор — демон, как в книжках пишут. Шикарный, но шандарахнуть его со всей дури по красивой роже хотелось очень даже основательно.

Что до этих приключений принцессы, то Милка, после двух поцелуев от разных братьев, тряслась, как осинка, несколько дней. И хотела признаться в том, что случилось, и не хотела одновременно.

Девочку прям распирало поговорить, и чёрной ведьме было не понятно — то ли хотела повиниться, то ли рассказать как всё от этого хорошо, а может плохо?

Элгор после этого поцелуя ходил с распухшей губой и злой, как чёрт. Роару же повезло намного больше. Но Хэлу такой расклад не удивлял. Удивило, что митар с белой ведьмой умудрились поговорить после этого. Вот была сказочка — Милка тряслась, но как села с ним лясы точить, так отпустило.

Роар тоже сам по себе страшно напрягал.

Работёнка фэрана была ему не в новинку, но он был к ней сейчас словно не готов, особенно в условиях полной бесполезности Элгора, который будто всем забастовку объявил.

С Хэлой всё понятно — зыркал на неё с ненавистью из-за девицы этой своей, которая, наконец, получила ленты цвета бронара на платье и смотрела на своего божественного господина так, что готова ему пять детей родить.

Но остальные-то что Элгору сделали? Тем более, что Роар был каким-то растерянным, тугим, будто соображалка была не в голове, а в одном месте. Хэла не лезла в него, но подозрение, что это из-за Милки было весьма весомым. А главное, джентльмен хренов,

нахрапом не возьмёт, а если возьмёт, будет, кажись, ещё больше страдать.

Чёрная ведьма фыркнула. Последним гвоздём было скорое возвращение отряда ферана. С одной стороны там был Тёрк, который вставит Роару мозг на место, ну или возьмёт обязанности ферана на себя, но с другой стороны... лучше бы феран всё-таки в возвращение отряда был здесь.

— Хэла, — она вздрогнула, вылезая из мыслей, и уставилась на взвинченную Милену, вбежавшую в комнату серых.

“Надо набухаться, — возникло в голове. — Срочно!”

— Что случилось? — чёрная ведьма вздохнула. — Убила кого-то или весну натворила-таки?

— Да ну тебя, — надулась Милка. — Там просто странный человек, он говорит с Роаром... точнее с достопочтенным митаром, но он спрашивал о тебе, я слышала.

— Что за человек? — приподняла бровь Хэла.

— Мужчина, на нём такие тёмные одежды, — девушка нахмурилась. — Даже не знаю, не чёрные, но около того. Мокрый асфальт.

— Как на магах? — уточнила чёрная ведьма.

— Я не знаю какие на магах, — стушевалась Милена. — Я магов не видела ни одного.

— А, да, — Хэла махнула рукой, вспоминая, что белую притащили сюда раньше положенного времени и без сознания. — Ладно, пошли глянем.

Во дворе возле загона с тоорами стоял Роар, как всегда невыносимо прекрасный, а рядом с ним ещё один божественный мальчик из этого изарийского каталога совершенных мужиков, от которого у Хэлы бегали мурашки по спине... не добрые мурашки.

— Угу, — кивнула Хэла. — Все маги носят одежду такого цвета. И это Зеур, типа местный маг.

— Почему типа? — шёпотом спросила Милена.

Чёрная ведьма повела плечом:

— Все маги принадлежат корте магов, в смысле гильдии, чтобы понятнее, профсоюзу, если хочешь, — она улыбнулась. — Маги Кармии служат башне Хангыри, ими управляет уважаемый первый маг.

Потом повела плечом.

— Вроде как некоторое время они служат “безвозмездно”, — Хэла произнесла это слово с интонацией Совы из советского мультфильма про Винни Пуха, — чтобы отплатить за своё обучение. А потом не очень точно знаю, но некоторые могут уйти на вольные хлеба. Когда становятся магами они отрекаются от семьи, ещё им запрещено вступать в брак, иметь детей.

Милена посмотрела с сочувствием. Хэла, закатила глаза и кивнула на Зеура.

— Этот изариец, как видишь. Он пока в корте, но его сюда приписали магом, потому что тут никто не хочет служить — сурово слишком. А последние почти три тира, так ещё и замёрзнуть можно нахрен. А Зеур ещё и всех тут знает с детства.

— Если есть маг, то ведьмы зачем? — резонно заметила девушка.

Но этот вопрос был и у Хэлы.

— Для начала они лекари ферната. Прежде всего правящей семьи. Ещё воюют на их стороне, — она пожала плечами. — Не знаю, если честно, детка. Но сила колдовская у нас с ними разного свойства, вида. И их не призывают, они тут рождаются.

Зеур, как и все изарийцы, был высоким и крепким. До Роара немного не дотягивал ростом и размахом плечей, но магам оно и было не нужно — мечами они не махали. Им нужны были другие качества, хотя в перечне Хэла не разбиралась, только чувствовала, что уровень у Зеура чуть выше среднего — не супер-силён, но и вовсе не слабак. У него был достаточно привлекателен — шатен, волосы в хвосте, правильные черты гладко выбритого лица, достаточно открытая улыбка.

— Смысл своего мага на деле только в том, что он не может отказать ферану, если тот прикажет — будет делать, даже через силу, — пояснила Хэла Милене. — Правда бывает, конечно, что свой маг помочь не может и тогда идут к свободным.

Девочка кивнула, а чёрная ведьма поморщилась, потому что рядом с Зеуром внутри неё всегда росла какая-то тревога. И вот этого она не понимала, но списывала на то, что маги и ведьмы народ несовместимый.

Зеур рассмеялся видимо шутке Роара и, повернув голову, заметил их с Миленой.

— Чёрная, — воскликнул он.

— Малохольный, — отозвалась она и постаралась улыбнуться, как можно более сладко и одновременно ядовито.

“Нет, ей определённо нужно выпить прямо сейчас”, — горестно подумала она. Несмотря на то, что обещала ферану вести себя хорошо, но всё это уже порядком её достало.

Зеур прошёл через двор, за ним прошёл и митар.

— На джедаев похожи, — хмыкнула Милена тихо.

Хэла с удивлением покосилась на девочку, но не согласиться было сложно — крой одежды действительно внезапно напоминал воинов ордена из звёздной саги.

— Пришёл проверить не перемочила ли я тут весь народ ненароком? — обратилась Хэла к магу. — А то мало ли — мор какой напустила.

— Думаю, что хоть ты и любишь шум наводить, но ума у тебя поболее, чем у многих, — ответил Зеур. — Так что не сомневался в твоей благоразумности ни мгновения.

— А что с горячим нравом, — Хэла склонила голову набок.

Зеур склонился к ней почти вплотную — глаза у него были орехового цвета, как и большинства изарийцев.

— Про это я думал, — прошептал он мягким, таким отвратительно привлекательным для слуха голосом, — но за столько времени тебя никто пока не вывел из себя, чтобы жизнью поплатиться. Значит с самообладанием у тебя тоже всё в порядке. Меня скорее заботит самообладание окружающих.

“Вот бы придушить засранца!” — улыбаясь подумала Хэла и очень бы хотела, чтобы маг влез в её голову и мысли эти прочитал.

— Кажется с этим тоже всё неплохо, — произнесла она вслух.

Зеур улыбнулся, выпрямился и уставился на Милу.

— Вообще я надеялся поговорить с фераном, ну и ещё проверить как тут белая ведьма.

— И как? — поинтересовалась чёрная.

— Да пока, как я вижу, никак, но хотя бы жива-здоровая, — он издал какой-то странный звук, напоминающий смешок. — Это даёт кое-какие гарантии на будущее.

“Всё, мне плевать — бухаем!” — внутри с невыносимым шумом плюхнулась последняя капля терпения.

— Рады вам угодить, дорогой уважаемый маг, — проговорила Хэла, почувствовав приближающуюся истерику Милены и недовольство Роара. — Достопочтенный митар,

сегодня я собираюсь всех серых напоить, если хотите можете присоединиться или будьте любезны держаться подальше.

— А магам наливают? — поинтересовался Зеур, до того, как митар что-то ответил.

— Тебе, малохольный, налью так что мало не покажется, но завтра на головку не жалуйся мне, лечить похмелье себе сам будешь, — ответила ему чёрная ведьма.

Он рассмеялся, а Хэла развернулась и, не дожидаясь ответа Роара или какой реакции от него, ушла со двора, утащив за собой Милену.

— Хэла, ты правда собираешься пить? — спросила у неё белая ведьма.

— И ты собираешься, — отозвалась женщина. — И как слышала маг тоже собирается — я ему устрою опухоль мозга.

— Это коктейль такой? — блеснула знанием коктейльной карты Милена.

— А то, только в моём исполнении, — криво ухмыльнулась Хэла.

— Он такой... странный... не знаю... — девушка села на кровать в комнате серых.

— Засранец он, как все маги, — и чёрная ведьма внимательно посмотрела на белую. — Вот что я тебе скажу, детка, не доверяй магам никогда! Все они фальшивые насквозь. Мерзкий народец.

— А в честь чего мы пьём? — спросила Мила, после того, как кивнула.

— А в честь того, что я устала и вы все меня порядком достали, — ответила она.

Хэла всегда пила гладко и ровно, за всю её жизнь питьё пошло не так, как надо, всего два или три раза. Но обычно — она пьянела, потом быстро трезвела и можно было начинать по новой. И из-за этого она всегда была из тех в компании, кто всегда был в адеквате, что ли... и вот мир поменялся — Хэла нет.

Спустя столько луней пребывания здесь и общения со всеми окружающими её людьми, она уже точно знала как, что и кому можно наливать.

Хэла знала, что ферана не проберёшь даже видимо самым лютым самогоном, ну, а если и проберёшь, то видно нужно влить ведро, не меньше. Роар пил всегда аккуратно и тоже плохо пьянел, но, когда пьянел, становился совсем мягким, податливым и таким невыносимо милым мальчиком, что у неё млело сердце. Элгор становился веселым и словно отпускало тормоза,

Мита становилась сентиментальной и плаксивой.

Что до молодцов из отряда митара, то Брим оказывался душой компании, хотя обычно был нелюдим и держался особняком, Тарп и Хорт были здоровенными детинами, которые пили много и долго не пьянели, но потом их обоих выключало и они обычно засыпали уткнувшись друг в друга или в любую вертикальную поверхность, которая была рядом.

И так она могла рассказать почти про всех воинов из отрядов ферана и митара, то есть тех, кто охраняли дом.

Что до серых... Карлина переставала быть такой прямой, Грета начинала смеяться по любому поводу, Сола и Куна становились тихими и сонными, Аня, Маржи, Донна и Лорана пели, плясали и вообще на них обычно и держалось всё веселье, Оань становилась приставучей и частенько слезливой, а Йорнария обычно не хотела пить вовсе, но если и позволяла себе налить, то всё равно забивалась в уголок и ни с кем не общалась, и Хэла подозревала, что если её в этот момент разговорить, то она будет много плакать и много говорить. Милена, как выяснилось, становилась разговорчивой, но быстро хмелела и засыпала.

И Хэла обожала эту свою способность “запустить волну”.

Зеура пьяным Хэла тоже однажды уже видела — он становился таким мальчишкой и было видно, что он не намного старше Элгора, скорее всего чуть младше Роара, и эти трое росли вместе, были когда-то очень дружны и могли много рассказать и им было, что вспомнить.

А сейчас Зеур был пьян, но задумчив и ушёл в себя, он что-то односложно отвечал ещё паре стражников один из которых был, как видела Хэла, его братом, а другой другом детства, но особо общаться маг не хотел.

Что до неё самой — легче не становилось. Внутри всё никак не могло успокоиться что-то злое, что-то что было страшным и неотвратимым.

“Только панической атаки не хватало,” — недовольно подумала Хэла и, когда девочки начали петь песни, аккуратно выскользнула в коридор и вышла во внутренний двор замка.

Она вдохнула свежий воздух, улыбнулась стражнику на входе и пошла к харагам.

Фобос был очень чувствительным к переменам её настроения и оттого пристроился рядом, сунув морду под её руку, словно поддерживая, успокаивая... и как тут не скажешь, что хараги не похожи на собак? Деймос внимательно посмотрел на неё и пристроился в ногах, отчего стало тепло и уютно... только пледа не хватает и чашки какао, или кофейку бы с виски.

На плечи лёг плащ. Она обернулась и увидела стоящего над ней Роара.

— Благодарствую, достопочтенный митар, — отозвалась Хэла, улыбаясь.

— Легче не стало? — спросил он, присаживаясь с другой стороны ограды небольшого загона, в котором спали хараги.

— Неа. Как и тебе.

Роар согласно кивнул и они затихли в тишине. Хэла вздохнула и запела:

“Прилетела птица ясная — приютила я её.

Я просила солнце красное сердце не губить моё.

Не ломай ты птицам крылья — не прибавишь ни гроша.

Ты не видишь, как из тела ускользает их душа...” [1]

Она допела песню до конца и замолчала, на глаза навернулись предательские слёзы — и почему в голову влезла именно эта песня?

— Хэла, — хрипло прошептал Роар, — я...

Женщина уже хотела прервать митара, потому что почему-то внутри родился страх от того, что он сейчас хочет сказать, хотя она понятия не имела, что именно, а смотреть не хотелось.

— Достопочтенный митар, — спасительный взволнованный возглас одного из стражников при воротах спас её. — Достопочтенный митар.

Воин был здоровенным, громким и очень взволнованным, он подлетел к митару и тяжело отдышался.

— Говори, — отозвался Роар, который видно хотел, но не мог подскочить, потому как опьянение было еще достаточно сильным.

— Там на горизонте, — стражник втягивал воздух. — Там, стяги верховного эйола.

Роар и Хэла не сговариваясь переглянулись. Замешательство, как ей показалось, длилось всего секунду.

— Я пойду всё приведу в порядок в комнате серых, — отчеканила ведьма.

— Хэла... — мотнул головой митар, соображая. — Элгора спать, Зеура в портал, я распоряжусь, чтобы всё сделали, и отправлю с ним сопровождающего.

— Хорошо, — она встала и быстро отправилась в сторону двери, ведущей внутрь, потом остановилась и посмотрела на своих хараг. — Роар, а хараги?

— Хм...

— Хочешь, я могу забрать их к серым в комнату, — предложила она.

— Нет, не надо, — придумал что делать Роар. — Я скажу, что они ферана и вопросов не будет.

— А. Хорошо, — она благодарно кивнула и развернулась уйти.

— Хэла, — митар был таким рассеянным и потерянным что ли. — Я хотел попросить, точнее...

— Роар, — ведьма прошла по внутренней стене и подошла к мужчине, положив ему руку на предплечье. — Я знаю, что нам надо вести себя тихо и смирно, не переживай, ты даже не заметишь, что в доме есть серые, обещаю. Будем, как мышки.

— Мышки? — он рассеянно переспросил незнакомое слово, удивляясь, взгляд его был полон тепла и такой тоски, что Хэле отчаянно захотелось его поцеловать.

“Какой кошмар!” — она мысленно надавала себе тумаков.

— Это такие зверьки моего мира, серенькие и... в общем будем тихими и неприметными.

Он рассеянно улыбнулся.

— Я не про это, — упрямо повёл головой. — Я хотел сказать, что если бы здесь был феран, то было бы больше толку. Рэтар в праве делать то, чего я делать не могу, понимаешь? Мне придется держать ответ за дом Горан и я не могу подвести и даже зная, что Рэтар бы меня одобрил в моих решениях, но я не могу их принять. Он может, а я нет. Рваш... я запугался.

И он прикрыл глаза и да, ей безумно хотелось его поцеловать, ну или хотя бы обнять.

— Всё будет хорошо, — тихо проговорила Хэла, заговаривая его.

Митар кивнул и она отправилась разгребать то, что творилось в комнате серых.

— Хэла? — снова окликнул её Роар.

— Да, — обернулась она.

— А можно сделать так, чтобы перестал быть пьяным?

— А ты разве пьян? — она лукаво ему подмигнула и оставив его в недоумении скрылась в дверях коридора.

Дальше, конечно, началась суэта: мага с братом, чтобы присмотрел, к порталу; Элгора к наложницам, чтоб побузил с девками и лёг спать; стражников каких протрезвить, а каких отправить проспаться; серых угомонить и разложить по кроватям, хотя конечно они долго ещё не могли уснуть и всё болтали, болтали, болтали, но это было не так страшно.

На деле же все девочки были счастливы, что следующий день можно не работать и поэтому поспать подольше, особенно раз у некоторых случилось похмелье.

— Почему нам нельзя выходить? — Хэла проснулась рано, умывшись и вернувшись к своей постели, заметила проснувшуюся Милену.

— Верховный эйол это как... хм... патриарх или папа Римский, — отозвалась женщина и её так утомили эти объяснения, ужас. Но без них никак. — Он обычно сидит в главном храме в Йероте и оттуда носа не кажет, но у него есть типа помощники, они могут путешествовать по миру, или в данном случае по Кармии, и нести слово высшего бога, понимаешь? — повела головой чёрная ведьма. — Их нельзя отделить друг от друга и эти помощники тоже называются верховными эйолами и обращаться с ними тоже надо с

полным почтением и всё такое.

Милена повела головой, нахмурилась и осторожно кивнула.

— А серые, помнишь, это как мусор в их глазах. Типа, когда на нас тут всё держаться — это норм, но вот то, что мы существуем и вообще ничем не отличаемся от них самих, они принять не могут... им высшее божество не велит, — Хэла недовольно закатила глаза.

Её безумно это бесило. Наверное это было тем, что раздражало больше всего во всём этом мире. Нет, в Изарии такое отношение было не повсеместным, поэтому можно было легко о нём забыть, но когда в эту стройную и привычную картину врывалось что-то типа вот этого верховного эйола и это было, как колокол, оглушающий и, чего уж там, отрезвляющий. Картинка с призрачным принятием рассыпалась и приходило мерзкое осознание, что утопия невозможна нигде и никогда.

— И пока он здесь мы отсюда не можем выходить? — спросила Мила.

— Можем, но не стоит. Надеюсь, он не пробудет здесь долго — от невозможности побегать хараги становятся нервными и агрессивными, — пробурчала женщина.

— Тебя хараги волнуют? — нахмурилась белая ведьма.

— Конечно, — отозвалась Хэла, поведя плечами. — А вдруг они от злости сожрут этого их верховного эйола?

Милена хмыкнула, зевнула и закутавшись в одеяло снова провалилась в сладкий сон.

“Везёт же! Молодость, блин”, — удручённо подумала Хэла, которая не могла уже уснуть, и устроившись поудобнее на кровати воткнула в уши наушники, чтобы хоть как-то скоротать время, которого внезапно случилось просто тьма, как много.

День прошёл тихо, кто-то из серых просто решил отоспаться, погода была холодной и ветренной, мерзкой, когда вот прям и не хочется вылезать из-под одеяла, так что особой тоски от того, что запрещено выходить, никто не испытывал.

Но к вечеру началась какая-то странная движуха и, в конечном итоге, пришёл стражник и заявил, что белую ведьму просят пройти за ним в главный зал, тот где обедали и принимал гостей хозяева дома. Девчухи настороженно переглянулись, а Милена начала дрожать, как листик на ветру, но накинув капюшон платья, пошла за стражником.

Её не было, как показалось Хэле, совсем недолго, но, когда она вернулась, на ней не было лица, глаза были на мокром месте и, обведя всех присутствующих обиженным взглядом, рухнув на кровать, она отчаянно зарыдала и так никому ничего не смогла объяснить.

“Ну, здорово! Вот ещё немного какой-то хрени специально для тебя, Хэла!” — раздражённо подумала чёрная ведьма.

Под истерикой Милены Хэла видела только невообразимую обиду, унижение и какое-то необъяснимое чувство, словно так и надо, видимо внутренний недолюбленный человек принимал боль, как само собой разумеющиеся.

Верховный эйол покинул Трит ранним утром следующего дня, что говорило о том, что серые снова должны были идти работать, а Хэла могла выгулять хараг и свой гнев.

Милена после истерики была опустошённой и тихой, она осталась сидеть в одиночестве в комнате серых.

Пока хараги радостно носились на воле, чёрная ведьма устроилась на этом непонятном дереве, растущим в поле, напротив главного входа в Трит. Наверное было бы здорово, если бы на нём были качели, благо ветки позволяли — Хэла не раз удивлялась, почему нет даже намёка на такое простое развлечение? Может опять религия не велит?..

Какой бред!

— Хэла, — Роар подошёл тихо, и наверное, если бы она не была ведьмой и несколько раз мамой, то действительно подпрыгнула от неожиданности, а то и почти умерла со страху.

— Доброго утрачка, достопочтенный митар, — отозвалась она, пытаясь не гневаться на него за белую девчушку.

— Как Милена? — он намеренно стоял сзади, боялся обойти ветку, на которой она сидела, и посмотреть ей в лицо.

— Вчера была истерика, сегодня апатия, — отрапортовала женщина.

— Что? — переспросил он слово “апатия”.

— Сидит ни рыба, ни мясо, в одну точку пялиться, — пояснила Хэла.

— Рващ, — выругался Роар и она физически ощутила его сожаление и даже, было странно, словно боль.

— Что случилось? — гнев на него улетучился.

Митар тяжело вздохнул и прислонился к стволу с другой стороны.

— Я не мог предположить, что всё обернётся таким кошмаром, — тихо проговорил он. — Если бы знал, то сказал бы, что белая ведьма в Зарне, или уехала из Трита с фераном, или... да, что угодно сказал бы, только бы её не звать. Если бы узнали, что я соврал было бы плохо, но лучше бы так, чем...

— Ты нормально можешь объяснить, что случилось? А то одна в истерике, второй сейчас её закатит... — Хэла ненавидела истерики.

— Верховный эйол прибыл не один, — начал Роар, вобрав в себя воздух, чтобы успокоится. — Через портал нас посетила фернита Эйорна.

— Фернита — это жена ферана или дочь? — уточнила ведьма.

— Дочь, — ответил Роар. — Её мать немного не в себе и Нарнея Лайнар является помощницей своего отца, его представителем и на неё распределяются некоторые права ферана, её отца. В общем, она пришла через портал, с разрешения верховного эйола, она была его гостьей, понимаешь?

— Его гостьей в твоём доме? — удивилась Хэла.

— Да, — подтвердил Роар.

— Круто, — фыркнула она.

— А? — и митар снова не понял слова.

— Ничего, — успокоила его Хэла. — Она пришла и дальше?

— Понятно, что нужно было устроить ужин. И, — Роар злился. — В общем, посреди ужина они спрашивают, а правда ли, что Изария получила призванную белую ведьму? Я отвечаю — да, правда. И тут верховный эйол просит её показать, мол он видел белую ведьму ещё, когда был ребенком, а с тех пор никто белых и не призывал в Кармии. Я не мог ему отказать, точнее не увидел, дурак, в этой просьбе ничего такого, понимаешь?

Он снова выругался.

— Мы позвали Милену, она встала посреди комнаты и тут началось. Они относятся к призыву иначе, чем мы, — а тут митар начал оправдываться. Хотя Хэла и так знала, как тут кто к призыву относится. — Для них серые — вещи, инструменты, орудия... даже не рабы, а намного хуже.

И Роар вздохнул:

— Сначала эйол обсудил её внешность, даже Элгора передёрнуло, хотя он тоже горазд на такие разговорчики, но когда это делают такие мужики как мы, между собой, это одно, а

когда это говорит человек говорящий от лица бога, да еще не только в присутствии женщины, которую обсуждает, но и при другой... благородной, — это слово Роар прямо выплюнул, — это по меньшей мере неприемлемо.

И Хэла подавила в себе желание фыркнуть, потому что — дружок, ещё как приемлемо и так банально, до скукоты.

— Если бы был Рэтар, — продолжил митар, — то уже в начале этого разговора верховного эйола выставили бы прочь из дома и отправили, даже несмотря на темень, прочь. Но я не феран, Хэла, я не мог его остановить, не мог ничего сделать. А потом он начал обсуждать послушание ведьм, стал говорить о клеймении и о каких-то ошейниках и браслетах, которые используют в других элатах. И тут Лайнар вообще предложила мне выкупить у нас белую ведьму, когда я отказал, она попросила её на время — они попользуются, а потом отдадут её обратно, разумеется за честную плату. Плату, Хэла! Дайте мне попользоваться вот этой ложкой, тарелкой, стулом, столом, оружием... человеком...

— Роар, — и было странно, что он так взвился, потому что жил в этом мире, привык к такому. Дело было в самой девочке.

— Я даже не знаю, как я сдержался, и, конечно, я надерзил, отправив Милену обратно, но всё равно трусливо прикрывшись фразой о том, что при серых дела не обсуждаются, — ему было отчаянно стыдно. — Мерзко от самого себя.

— Надо было меня им в аренду сдать, я бы там шороху навела легонечко.

Мужчина промолчал и шутки не оценил, даже, что такое “аренда” не уточнил.

— Слушай, Роар, перестань, — проговорила Хэла. — Есть мерзкие люди, что поделаться? Ты же сам говоришь — выставить их не мог, дом опозорить не мог. А Милена поплачет немного и успокоится. Жизнь штука несправедливая и никто не говорил, что будет легко с ней справляться.

— Меня приводит в ярость моё бессилие и словно я оправдываюсь, — ответил митар. — Я вот словно вижу, как тан на меня осуждающе смотрит, что я так трусливо поступил.

— Боги, Роар, перестань себя грызть, — возмутилась Хэла.

— И я не знаю, но мне стыдно перед Миленой, стыдно и... больно, что ли... она вообще не при чём, почему она должна страдать из-за вот такой мерзости? Или из-за того, что я смог её защитить?

— Так, — Хэла прыгнула и обошла дерево, встав перед Роаром. — От того, что ты тут стоишь и стенаешь, легче никому не становится. Повинился мне и ладушки, ясно? Не умер никто — вообще успех! Перестань, что с тобой такое?

Ей прям показалось, что она дитё малое отчитывает. Такой мужчина был расстроенный — а она злюка такая, ух, ведьма настоящая!

— Я, — он нахмурился, отвёл от неё взгляд, но продолжать не стал.

— Да, боже, перестань, а? — фыркнула Хэла. — Да загладь свою вину, раз чувствуешь себя виноватым.

— Не думаю, что она захочет...

— Роар, да что за фигня? Захочет — не захочет, — развела она руками и её понесло. — Ты сам, что ей сделал? Ничего. А она, если не дура, понимает это. А то, что она на мир обижена — уж поверь мне у нас в мире тоже есть на что обижаться. Справедливости не существует вообще-то! Просто скажи ртом, что тебе жаль и... ну, не знаю... Возьми уже выведи её погулять, правда! Задолбалась девка в четырёх стенах сидеть. Пусть пройдёт под твоим контролем, чтобы, если что, было кому попу её снова растереть, коли приключений

на неё найдет.

— Хэла, — Роар нахмурился, но в него уже вернулось озорство.

— Что “Хэла”? Будто тебе нужно рассказывать, как девок обхаживать! — повела она головой недовольно. — А с ней так вообще не надо быть профи, она вообще цветочек в поле, взял в охапку и вот тебе счастье.

— Цветы помятые обычно не живут, — возразил Роар.

И как они вообще перешли на этот разговор?

— Это смотря, как к делу подойти, — ответила Хэла. — Сорвёшь — завянет, а если лопатку взять, с корнем выкопать, аккуратненько в горшочек пересадить, ухаживать — может и хорошо будет?

Он улыбнулся.

— Хочешь сказать, что мне нужно её растить в горшке? — поинтересовался митар.

— Пффф... у тебя все мысли только о ней, — закатила она глаза. — Извёлся весь. Я уже не могу тебя терпеть, и её терпеть не могу. Вы мне оба надоели. Вы вообще все мне здесь надоели.

Роар рассмеялся и сгрёб Хэлу в объятия. Тёплые такие и, что ж такое, тоскливо так стало, хоть вой.

— По Рэтару соскучилась? — просмеялся митар ей в макушку.

— Весьма, — буркнула в него ведьма. — Хоть кто-то дела делал, а не лясы точил.

— Я боюсь всё испортить, — сказал Роар.

— Да, что там испортить можно? — возмутилась женщина. — Ничего не двигается, ничего не меняется. Пойдёшь в селение — возьми её с собой.

— Хорошо, — он поцеловал Хэлу в макушку и, боже, лучше бы он этого не делал. Внутри всё заныло — как же оказывается не хватает вот этих сильных мужских рук...

Она тяжело вздохнула, замерев в моменте, зажмурившись от тепла и уюта — чтоб тебе... вот же!

[1] — Алевтина "Не ломай"

Глава 19

Милена проснулась и на неё снова накатило нервное и истеричное состояние, когда злость, обиду и уколы ненависти уже нельзя контролировать, они лезут наружу, пытаюсь вывернуть наизнанку, и задеть вокруг всё и вся.

Она не могла объяснить, что именно её так расстроило в том, что произошло во время этого мерзкого обеда, или что там это такое было. Не могла. Серые её спрашивали, искренне хотели помочь, утешить, но Мила либо начинала рыдать, либо грубить, обижая тех, кто не виноват был в том, что случилось, да и был в таком же положении, что и она.

Девушка не могла объяснить, как она себя чувствовала, когда стояла перед этим полным разнообразной еды столом, за которым сидели Роар, Элгор, этот отвратительный, холёный мужчина в рыжих одеждах, и тот, которого она уже однажды видела, местный “священник” или как там они тут называются. Ещё там была женщина.

Боже, какая это была женщина... от неё веяло холодом, она выглядела надменной, равными для неё были только братья Горан, сидящие перед ней. И даже Милена не просто видела это, а чувствовала. И эти “священники” не были для неё равными, несмотря на то, что один из них был “верховным” или что-то там ещё.

Женщина не была красивой, но всё в ней было полным такого шика, что ли, что Мила, стоящая перед всеми ними в этом своём сером платье реально почувствовала себя мышью,

на которую взирают все возможные хищники, желающие её сожрать.

Она стояла и её тошнило, была готова провалиться сквозь землю, готова была умереть, лишь бы не чувствовать себя вещью, куском мяса, на котором есть ценник, у которого нет жизни, чувств, души...

Когда тот священник стал говорить о том, как можно контролировать ведьм и, как поняла Мила, серых в том числе, она ощутила себя невыносимо беспомощной и наконец-то пришло осознание, что вот она её реальность теперь — на неё можно надеть цепи, ошейник... заклеить!

А потом та женщина, которая на вид была немногим старше самой Милы, но назвать её девушкой ни за что не получилось бы, стала просить Роара продать ей белую ведьму. Продать...

Этот её шикарный голос, такой властный и такой не живой, безэмоциональный, спокойно произносящий слова о том, что её фернат не постоит за ценой или, если Горанам так сильно не хочется продавать, может они дадут её на время... на время?

В аренду? Лизинг? Попользоваться и потом вернуть?

Роар оборвал речь гостьи и отправил Милу прочь и ведьма даже не знала, как у неё получилось дойти до комнаты серых, где её наконец-то прорвало на истеричные слёзы и стенания.

А потом пришла апатия.

Наверное это был вполне логичный финал всего этого её состояния. Она грызла себя размышляя о том, а что на самом деле чувствуют к ней феран, Элгор и... Роар.

Милена вспоминала поцелуй Элгора и ей было понятно, что он, конечно, считает её такой же вещью, как и вот та женщина, или тот “главный священник”.

Феран наверное видел в ней просто бесполезное приобретение. Он ведь, если подумать, никогда на неё и не смотрел, Мила даже не могла вспомнить какого у него цвета глаза — в целом, да какая разница?

А Роар? Что он чувствовал? Он был добр к ней, он целовал её с такой нежностью, что даже просто воспоминание об этом скручивало её в узел. Неужели, когда они потом говорили, мужчина врал? Может он тоже видел всего лишь инструмент? Неработающий прибор, который можно было починить лаской и вниманием?

И подступала тошнота, слёзы жгли глаза, а в легких не хватало воздуха. Что за мерзость?

Внутри рождалось бесконечное чувство жалости к себе, как тогда, когда мама говорила, что ничего дельного из Милы не выйдет, что она слишком угловатая, слишком несуразная, такая невнятная, кто на такое позарится? Что надо быть умнее, надо работать над собой, но и голова у неё не очень соображает, а значит что на ум рассчитывать? Сплошные нюни.

Да, Милена, кажется всегда была плаксой... “такая ты неженка, что прям хочется тебя прибить, чтобы не мучилась, прости господи,” — и мама закатывала глаза и было понятно, что большего Милена может не ждать. Воспоминание было таким ярким и удушающим, что хотелось пойти и утопиться. И ведь Хэла предлагала... так может так и надо?

— Детка, хватит! — Хэла вернулась с прогулки и Милена даже не заметила, как она подошла к ней и, положив руку на спину, присела рядом на кровати.

Сил отвечать не было, а если и нашлись бы, то кажется девушка сейчас была способна лишь грубостью отвечать на любое проявление к ней добра.

— Знаешь, — вздохнула женщина. — Я иногда так злюсь на то, что тут происходит, а потом понимаю — ну, а на что я злюсь? У нас в мире разве не так? Даже, когда ты

работаешь на нормальной работе, тебе платят зарплату, ты в отпусках там разные ходишь, но разве те, кто тобой руководят не относятся к тебе с тем же пренебрежением, с той же надменностью?

Милена всхлипнула.

— Смотрят на тебя, мол ты всего лишь букашка, а я... я твой господин, я могу сделать так, что тебя уже через секунду здесь не будет. И такое повсеместно. Нет, бывает, конечно, что нормально к людям относятся, но чаще всего это исключения подтверждающие правила, — покачала головой Хэла. — Или вот работала я в ресторане менеджером и думаешь во мне человека видели? Гости... официант это вообще какая-то раздражающая опция, без которой не появится на столе еда, а если он накосячил — вот оно, администратор, менеджер, давайте его или её сюда, и мы будем сотрясать воздух, кидаться яростью и тыкать пальцами, брызгать ядовитой слюной, чтобы всем вам неповадно было.

И чёрная ведьма грустно ухмыльнулась:

— Знаешь, как я их всех ненавидела порой? Потому что единицы относятся нормально, но эти единицы, как ложка мёда в бочке дёгтя, а именно вообще порой вот ничего не могут изменить, — вздохнула она. — Или в офисе — стало легче? Да хрен те плавал! Солнышко, везде так. Просто там у нас тебе можно встать и при определённых условиях выйти и громко хлопнуть дверью, посудиться с кем-нибудь, а тут выхода нет, ну или есть, но он удручающий. Не стоит расстраиваться из-за того, что там произошло. Это лишь момент, а момент быстротечен — был и нет его. Знаешь, как в песне поётся “всё пыль на ветру, и мы тоже”

Хэла встала и, поцеловав Милу в висок, пошла в заднюю комнату.

И девушка понимала, что чёрная ведьма права, но от понимания становилось совсем не по себе, понимание не помогало. Милена словно тонула.

— Эй, Милена? — Роар заглянул в комнату и, почесав бороду, сощурился.

— Привет, — машинально отозвалась она обыденным для неё, но таким странным для него словом.

С утра снова навалилась вся брэнность бытия. Милена так радовалась, что в комнате, к тому моменту, как она просыпалась, никого уже не было, потому что наверное и не обязательно было сильно стараться привести себя в порядок и можно было также уныло смотреть в стену и ничего не делать.

Он нахмурился приветствию, но ничего не сказал про это.

— Хочешь прогуляться в селение? — спросил митар.

Милена была озадачена и смущена. Внутри было как-то невообразимо странно — для начала эта радость, похожая на цунами, потом обида за то, что случилось, дальше включалась апатия и нежелание шевелиться... но радость-то вот она!

— В общем, — он не дождался от неё ответа, — я пойду в селение и могу взять тебя с собой. Если хочешь, конечно, посмотреть. И пройтись. И... если надумаешь, то я сейчас иду в сторожевые башни, а потом уже в Трит. Как раз будет у тебя время собраться и главное оденься теплее, а то там холодно.

Он как-то странно кивнул, смущённо улыбнулся и исчез за дверью.

Наверное несколько секунд Милена пыталась понять, что же это такое было. Потом на неё навалилось осознание того, как она выглядит.

Боже... боже! Господи! Блииин, она же сейчас чудовище вообще! Сколько времени она не причёсывалась? На голове птичье гнездо? Она не умывалась, была всё ещё под одеялом в

нижней рубаше уже вообще ни разу не свежей на вид и на запах.

Внутри всё завопило от паники.

— Да иди уже, божечки мои, — Хэла ухмыляясь стояла у двери в заднюю комнату.

— Я... я... — девушка с навалившимся на неё ужасом уставилась на женщину. — Ты слышала?

— Достопочтенный митар идёт в селение и позвал тебя с собой, — ответила Хэла. — Иди уже гулять, ты скоро своими тёмными кругами под глазами призовёшь князя тьмы, а твоя аристократическая бледность вот-вот покроется плесенью и перестанет привлекать даже Дракулу.

— Я ужасно выгляжу? — заключила Милена.

— По шкале от одного до десяти? — вздохнула чёрная ведьма. — Ужасно. Но умыть и причесать, одеть уже, наконец, и будет вполне так себе на шестёрочку.

— А восьмёрочка не светит? — промямлила девушка.

— Ого. Это была шутка? Это однозначный прогресс! — усмехнулась женщина. — Иди сюда, а то он уйдёт без тебя, глупая девчонка! Помоем тебя, я тебе косу заплету и помогу одеться.

Милена закивала и встала.

Вообще она не умела быстро собираться. Она всегда всех задерживала, всегда была копушей. Поэтому, если бы не Хэла, то думается собралась бы Мила, как раз к тому моменту, когда Роар вернулся бы из Трита обратно. Но с чёрной ведьмой такое не проходило.

Хэла сама очень быстро собиралась. Утром от момента, когда она вставала и приводила себя в порядок, до того момента, когда она уже выходила из комнаты, проходило так мало времени, что некоторые серые даже вставать с кроватей не успевали.

Сейчас Хэла приложила максимум своих усилий, чтобы Милена собралась быстро и выглядела, ну, пусть на шестёрку, но не на что-то равное нулю, которым она на самом деле себя ощущала.

Чёрная ведьма даже голову ей успела помыть, просушить, используя своё волшебство, заплести непослушные волосы Милы в две косы по бокам и соединить их между собой. И всё это она сделала действительно быстро, потому как, когда девушка вышла через главный вход замка, Роар только спустился с левой сторожевой башни, то есть он не ждал её вот ни секундошки.

Уж не понятно насколько это было хорошо, что она оказалась пунктуальной в этот раз, но было приятно увидеть на его лице действительно радостную улыбку. Правда ведь радостную? Он не может так очаровательно и открыто улыбаться притворяясь... или может?

— Это хорошо, что ты согласилась, — отозвался он, когда они шли по вымощенной камнем дороге в сторону ближайшего селения.

— Угу, — отозвалась она, стараясь успевать за ним и ругая себя за то, что раньше бы даже не почувствовала быстрого темпа ходьбы, а теперь вот её это напрягает.

— Слушай, — Роар остановился и развернулся к ней, — мне очень жаль. Я искренне расстроен тем, что произошло и... прости, меня.

Милена опешила — уж что угодно, но не это... он был таким невероятным. В ней взвились очарование и искренняя, почти детская, радость — ему правда было жаль, правда! Это чёртово сомнение, которое точило её после того жуткого вечера, никак не желало отпустить, никак не получалось поверить, что Роар не относится к ней, как все остальные.

— Я... — она была готова прыгать от восторга, стушевалась, повела головой, — ты не виноват...

— Виноват, — отрезал он. — Если бы я знал, что случится, я бы просто не стал тебя звать, несмотря на то, что я не могу сказать “нет” одному из верховных эйолов, но я мог просто что-то придумать, чтобы не подвергать тебя этому унижительному, даже не знаю, как назвать... смотрю...

И он нахмурился, издал недовольный звук, словно рыкнул.

— Прости, — а это уже было сказано невероятно мягко. — Мне очень жаль.

— Хорошо, — Милена видела, что ему тоже тяжело, ну не могла она настолько плохо разбираться в людях, ведь да? — Я не виню тебя, я понимаю, просто мне нужно время, чтобы переварить, в смысле понять, что произошло и успокоиться.

Он понимающе кивнул.

— Слишком быстро иду? — спросил он внезапно.

— А? — она уставилась в его лицо в недоумении. Перемена темы была для неё молниеносной.

— Ты запыхалась, — пояснил Роар.

— Я просто, — кажется вся кровь её организма сейчас сосредоточилась где-то в районе щёк. — Давно не ходила.

— И болела, — заметил он, улыбаясь. — Хорошо, можно и медленнее.

— А ничего, что я иду с тобой в селение? — он пошёл медленнее, напряжение после его извинений немного прошло и она решилась задать вопрос.

— Нет, а что такое? В смысле, что может быть не так? — спросил он и слегка нахмурился.

— Ну, я ведь ведьма, — она стушевалась.

Роар усмехнулся:

— Для начала понятно, только то, что ты из серых, но ведьма или простой призыв не определить, — пояснил митар. — Это могут видеть только маги и эйолы, но не остальные люди. Кстати, нужно будет надеть капюшон, когда подойдем, потому что серым нельзя ходить с непокрытой головой.

— Но на кострах же было не важно?

— Это было у нас в доме, а сейчас мы вне его, и желательно соблюдать это правило, — кивнул он. — На самом деле оно не только для серых, но и для всех женщин. Даже знатные обычно придерживаются его.

— О, понятно, — ответила Милена. — Но я не против, я просто спросила.

Роар одобрительно улыбнулся.

Селение было чем-то похоже на аккуратный уездный городок. Они с Роаром прошли по мощённой камнем основной улице. Все кого они встречали улыбались им, кланялись и здоровались с достоинством митаром.

— Здесь в основном ремесленные мастерские, — пояснял он ей пока они шли. — А с этой стороны дома воинов, которые не имеют семей или тех, кто находится сейчас на службе, но живёт в другом месте. Дома могут разместить несколько отрядов, при необходимости. Будет тесновато, но жаловаться мы не привыкли.

Основная улица шла от замка до середины селения — огромной площади, круглой по форме. На площади было несколько достаточно примечательных зданий.

— Серый дом — это дом веры, — сказал митар, указывая на одноэтажное строение с

чем-то напоминающем цокольный этаж, — Так же в нём живёт эйол. Эти здания принадлежащие кортам — в Трите есть корты земледельцев, скотоводов, кузнецов, пекарей, ткачей и дом корты служения. Туда можно прийти, если хочешь стать воином.

Все дома были разноцветными и это чем-то отдалённо напоминало какой-нибудь европейский городок. Ухоженная главная улица, несмотря на холодную погоду была чистой и опрятной, площадь была большой, посередине был каменный помост. Милена нахмурилась разглядывая его, почему-то подумала про лобное место.

— Побудь здесь, — митар указал на скамью возле дома служения, — мне нужно зайти к эйолу, а потом пройтись по каждому дому корты и собрать у них прошения, выслушать замечания и прочее, к ним тебе будет можно со мной, но к эйолу нельзя. Так что начнём с него.

Мила кивнула и осторожно присела на каменную скамью, одну из тех, которые стояли перед каждым из домов и образовывали круг.

— Не переживай. Воины знают, что серые под защитой ферана, никто не тронет тебя, а я постараюсь побыстрее, тем более, что с ним я уже виделся недавно, как ты знаешь, — и лицо Роара стало хмурым и даже злым.

Она ещё раз кивнула и попыталась улыбнуться, чтобы показать, что всё хорошо. Митар просветлел и отправился в стоящий рядом с домом служения серый дом.

На площади было достаточнолюдно. В основном это были дети и подростки. Они играли, бегали, смеялись — за ними было интересно наблюдать. К ней действительно никто не подошёл. Воины и вправду не обращали на неё внимания, а дети — им кажется она была интересна, но скорее только потому что она была одета в серое.

Мила уже поняла, что цвет некоторых одежд был действительно значимым. Простые свободные люди видимо не надевали на себя серое. Серый был только для призванных, а они сами были чем-то диковинным для простых людей.

Вот и сейчас несколько девочек остановилось неподалёку от неё и внимательно её изучали, шушукаясь между собой, но потом они встрепенулись, поклонились и исчезли.

Это был Роар, который действительно быстро вернулся.

— Привлекла внимание? — улыбнулся он, кивая на детей, и протянул ей руку, чтобы помочь встать.

— Серый цвет у всех ассоциируется с призванными?

— Ас... что? — нахмурился митар.

— Ой, прости... — Милена смутилась, — сейчас... ну... в смысле серый это цвет только для тех, кого призвали и когда люди видят его они сразу думают о призыве?

— А, — понял митар и согласился. — Да.

— А почему тогда дом веры серого цвета? — спросила девушка.

— Потому что, когда их строили, тут не было призыва, — объяснил Роар. — Серый цвет был символом смирения и так как люди верховного бога, то есть эйолы, являются символом смирения оттого и цвет дома веры — серый.

— А одежда? Она вообще ни разу не смиренного цвета, или это потому что серый стал цветом призванных? Типа поменять цвет дома сложно, а одежды легче? — они подошли к дому корты ткачей.

— Вообще нет, — митар улыбнулся её размышлениям. — Эйолы всегда носили одежды цвета трижны, и это не менялось уже много сотен тиров, — он повёл плечами и постучал в массивную дверь, на которой было изображено какое-то устройство. А Милена отметила для

себя очередное странное — оранжевый или рыжий здесь называется цветом трижны. — Это связано с самим богом, которого они почитают, — добавил митар.

— Они? — удивилась Мила. Она-то думала, что все тут почитают.

Но ответить Роар не успел — дверь открылась и оттуда выглянула высокая статная женщина, с покрытой головой и одетая в простое платье одного из оттенков синего.

Милене показалось, что синий был тут основным цветом. Может во всей Кармии, может только в Изарии — ведь она не видела других мест и людей. Хотя женщина, которая была с эйолом — одета была в платье глубокого жёлтого цвета, такого как одуванчик.

Но синий точно был основным для дома Горан — феран, митар, бронар носили всегда определённые оттенки этого цвета. Ещё ей вспомнились ленты на платьях наложниц и объяснения Хэлы.

Что до попадавшихся людей, то они носили тоже одежды синих цветов, но оттенки были другими.

“Как классические джинсы”, — подумалось девушке.

Мила, стоя немного сбоку за спиной Роара, изучила женщину — та была настоящей, как уже по аналогии с другими женщинами могла судить Мила, изарийкой. Рослая, статная, с приятным лицом, со светло-карими глазами, волосы были убраны под головной убор, такие Мила видела на служанках в доме, такие же могли носить и серые, но они предпочитали привычные белой ведьме платки серого цвета.

Женщина и Роар поприветствовали друг друга, он спросил есть ли у корты прошения к ферану и устные просьбы, а женщина отдала ему несколько сложенных листков, потом он пожелал корте процветания, а она пожелала дому силы и верности. На том они и разошлись.

— А что это на дверях? — спросила Милена, когда дверь закрылась.

— Это ткацкие инструменты, — ответил Роар и направился к другому дому.

Так они обошли почти все дома. В предпоследнем доме корты пекарей их угостили хлебом — свежим, ещё горячим и очень вкусным. Хлеб правда здесь был совсем другого вкуса и даже цвета, очень отличался от того, к которому привыкла Мила, белого вот вообще не видела ни разу. Правда на вкус ей действительно нравился.

— А почему ты не ходил к дому военных? — спросила она, когда они сидели на скамейке и грелись на солнышке, точнее в лучах двух светил, которые сейчас были на небе.

— А зачем? Про них мне всё известно, — улыбнулся Роар.

— А много вообще существует корт? — поинтересовалась белая ведьма.

— У нас в Изарии чуть больше десяти, — пожал плечами митар, — но всё зависит от ферната.

— Здесь красиво, я имею ввиду на площади. Дома корт так строили специально?

— Да, — кивнул он. — Трит, замок, строил мой данэ. И селение облагораживали тогда же. Данэ любил порядок во всём, а ещё не любил лишних, эм, как сказать, — митар слегка задумался. — В Зарне, например, дома корт находятся внутри второй крепостной стены, а люди живут в непосредственной близости от замка. Данэ это не нравилось, поэтому здесь замок в одном месте, а селение в другом. Недалеко, но...

И он развёл руками.

— Данэ вёл уединённый образ жизни, а после — нам, когда жили здесь, было плевать, маленькими мы бегали в селение и проводили здесь много времени, играя с местными детьми.

— А от площади расходятся дороги в разные части селения? — проговорила она скорее

сама себе.

— Да, каждая часть принадлежит какой-то из корт. Раньше мы там много играли и больше всего раздражали мастеров кузнечного дела, потому что у них было опасно находится, но нам было всё равно, — Роар улыбнулся своим воспоминаниям. — Хорошее время было.

Милена залюбовалась им.

Тем временем дети на площади пришли в суетливое движение — старшие стали звать младших и спешно уходить с улицы. Митар нахмурился и, встав ногами на скамейку, посмотрел вверх крыш.

— Рващ, — выругался он, спрыгивая. — Так, давай быстро забежим к скотоводам и попробуем успеть до того как ливанёт.

Девушка с непониманием уставилась на него, но без вопросов встала и пошла к двери последнего на их пути дома корты скотоводов. Роар постучал, дверь открыл неприятного вида суровый мужчина, лицо которого немного просветлело, когда он увидел перед собой митара. Роар постарался побыстрее забрать прошения и спросил про просьбы, на что мужчина нахмурился и впал в раздумья, но митар его вернул обратно, сообщив, что ждать не намерен, так как надвигается ледяной дождь. Мужчина из корты скотоводов предложил укрыться у них в доме, но потом увидел за спиной митара девушку в сером и, видимо, пожалел о предложении. Впрочем Роар отказался.

— Ты отказался там оставаться из-за меня? Меня нельзя пускать? — спросила белая ведьма, когда они быстрым шагом отправились в сторону дома, пытаясь уйти от надвигающихся тяжелых туч.

— Не думай об этом, — отозвался Роар и обернулся на невообразимо быстро приближающуюся стихию.

Они прошли полпути от селения до дома, как стало невыносимо холодно — дорога прямо на её глазах покрылась инеем, а потом наледью, словно это было колдовством. Тело продрогло до костей, а потом стали падать капли дождя. Они были огромными, больно били и расплзались по ткани огромными мокрыми пятнами.

— Милена, видишь вон то строение? — Роар указал на стоящее чуть поодаль от дороги здание, похожее на небольшой амбар. — Бежим туда, быстро.

И она поняла, что всё очень серьёзно. Бегала она вообще-то быстро, но тут эти дурацкие юбки платья мешали просто ходить, не то что бежать. Потому подобрав их к себе, Милена рванула вперед со всего своего умения, которое пока не растеряла, несмотря на то, что, находясь в этом мире, практически не занималась спортом, а лишь рефлексировала над своей участью, совершенно кажется забыв о том, что можно в целом и здесь себя держать в тонусе.

Добежав до постройки, она обернулась, но в тот же момент была подхвачена на руки Роаром и они ввалились внутрь, а всего через мгновение снаружи началось такое, что Милена даже забыла как дышать.

— А оно не развалиться? — выдавила она, посмотрев наверх и слыша страшный бой стихии о, как ей показалось, достаточно ветхое строение.

— Выдержит, — Роар отпустил её из своих рук и вернулся к двери, чтобы закрыть её.

— Оно чьё-то? — спросила он, потирая предплечья, чтобы согреться.

— Оно принадлежит фернату, как и сотни других бринт, которые построены так, чтобы путники могли укрыться в них, если ледяной дождь застанет их врасплох в дороге, —

ответил митар. — В этой правда, как видишь, давно хранят часть корма для скота. Потому что укрыться можно в селении или в доме.

Мила обернулась и увидела сквозь сумерки помещения сваленные тюки сена, мешки с чем-то, может зерном?

— Замерзла? — спросил Роар, подойдя к ней и взяв её руки в свои.

По сравнению с его руками её были ледяными, она поняла, что не чувствует пальцы. Мила и вправду замерзла, вся. Тело кажется задеревенело от холода, или это от того, что Роар был так близко и жар его тела причинял физическую боль.

Он растёр ей руки и подышал на них, отчего её словно током ударило. Внутри всё застонало, завывло, ей хотелось ещё больше — чего? Да какая разница чего?

Голова кажется стала похожей на пустой котелок, в котором была только одна мысль, которая шальной мухой билась о стенки и звенела-звенела-звенела... И тут, словно услышав эту мысль, Роар стал целовать её пальцы.

Милене показалось, что умереть было бы проще.

Никогда в своей жизни ей так сильно не хотелось чего бы то ни было, никогда она не думала о себе, как о женщине, думающей только о мужчине и его... да что ж такое?

Но вот сейчас всё, всё в ней хотело только одного. Каждая клеточка её тела желала и пресечь это было бы попыткой сродни остановить мчащийся на полной скорости локомотив. От этого не спасёт ничего — разве что выйти сейчас наружу и может тебя убьёт ледяной глыбой нафиг. Но было сомнение, что и это мало поможет.

Губы Роара были тёплыми, нежными, когда он опустил её руки и прикоснулся пальцами к её щеке уже было понятно, что ничего ни он, ни она не смогут поделать с собой и друг другом, чтобы остановиться.

Его губы слегка коснулись её, и... всё — пелена от одного этого хрупкого, невесомого прикосновения, только невообразимое чувство желания обладания другим человеком, окрыляющее и пьянящее.

Роар поцеловал уголок её губ, потом щеку, потом снова губы. Её руки легли на его шею, пальцы зарылись в волосы, она приподнялась на мысочки.

Но... он зажмурился и отстранился. Взвыл, ругнулся, руки его перестали обнимать её лицо и стало невообразимо холодно и так... так... словно было темно, а потом вдруг кто-то включил свет и такой моргаешь, пытаешься понять, что происходит и привыкнуть к другой обстановке.

Руки Милены стали сиротливыми ветками, кажется она была готова заплакать от обиды... Почему, почему он так поступает? Она чувствовала себя маленькой девочкой, которая потерялась и стоит одна посреди огромного ничего, а рядом никого нет и это страшно, и это обидно, и это... “Ну, пожалуйста, обними меня снова, не бросай меня, прошу тебя!”

В полумраке девушка видела его спину, такую огромную, надёжную и такую сейчас далёкую, хотя вот она — протяни руку и...

“Милка, дура, да протяни же, чёрт, свою руку”, — сознание снова заговорило внутри голосом Хэлы.

Роар тяжело дышал и, даже сквозь этот грохот, девушка слышала это его тяжелое дыхание. Он потёр шею, потом развернулся, когда рука её уже почти решилась сделать движение и дотронуться до него, чтобы не было хотя бы так отчаянно печально и страшно.

— Я не могу, понимаешь? Скажи мне... разреши, иначе я не могу, — шёпот его

обжигал, клеймил раскалённым железом прямо где-то глубоко внутри. — Или запрети и... я...

— Тебе можно всё, — проговорила Милена, так слабо, что сама себя не слышала, у неё не было сил, дыхание перехватило, желание душило и сводило с ума, и она никогда прежде не испытывала ничего подобного, как замороженная, умирая от его взгляда полного отчаяния и мольбы.

Если бы нужно было больше, то она бы не смогла, не смогла бы ничего из себя вытащить. Но больше не понадобилось.

И вот именно сейчас она узнала, что бывает такое, когда тебя трясёт дрожью только от того, что тебя раздевают, целуют каждый обнажающийся кусочек кожи, что ты хватаешься за кого-то, словно тонешь, а главное это так естественно для тебя, что как ты вообще жил раньше? Как можно было вообще жить без вот этого? Без этой нежности, этой ласки, которые одновременно такие невообразимо мягкие и жёсткие, словно пытка.

И разве можно содрогаться, почти кончая, только от того, что кто-то целует твою шею и шепчет тебе слова желания, говорит тебе, какая ты невероятная... ладная... хрупкая... красивая... маленькая... сводящая с ума...

Милена впервые в своей жизни испытала что-то подобное. Что-то там про правильного человека всплыло в её голове, когда Роар вошёл в неё и это было таким диким безумием, потому что — а можно так будет всегда? Можно, чтобы он не останавливался? Можно, чтобы не кончался этот дождь, можно теперь здесь будет её реальность?

Эта невыносимая мука и одновременно сводящая с ума истома, которая заставляет терять связь с окружающим миром. Такое не бывает по-настоящему, такое только в книжках пишут, когда вот он внутри, а ты уже от одного этого где-то на грани... можно? Правда? Или она просто такая ненормальная извращенка, или она чокнутая, может ей к врачу, может она больна... а может умерла?

Роар держал её крепко, жадно прижимая к себя, она чувствовала себя самой-самой, у неё будто крылья были... какая же глупость, до слёз... боже... она рыдает?

Милена пришла в себя, когда взмокшая, словно в горячке, прижималась к Роару, будто он был сейчас всем её миром, но холод был теперь реальным, щипался и возвращал в реальность.

— Ш-ш-ш-ш, — он прижимал её к себе и гладил по голове, целовал в висок, лоб, нос, глаза, полные слёз и губы, и она чувствовала соль на них и мягкость, с которой он с ней обращался её доводила до грани истерики.

В её жизни было всего два мужчины. Роар был третьим. Что она могла бы знать о том, как что происходит на самом деле? Или может бывает по-другому, когда после тебя обнимают, успокаивают, просто... любят...

“Да ты с ума сошла? — начала она отчитывать себя. — Вы просто занялись сексом, никто никого не любит!..”

И Милена приказала себе запретить накручивать себя, запретить сходить с ума, но как можно остаться в рассудке, когда этот мужчина вот такой?

— Знаешь, — он погладил её по бедру, потом поднялся выше к талии и дальше, и по коже пробежала дрожь, — я вижу, что оно крепкое, вижу, но всё равно прикасаюсь и мне кажется, что я могу его сломать, словно оно самое хрупкое, что я в своей жизни держал в руках.

Роар потянулся и подтянув к себе свой плащ, укрыл им Милену. Стало так тепло и

одновременно невыносимо тоскливо.

Всё?

— С тобой я вообще ни в чём не уверен, словно вообще всё в первый раз, — прошептал он, целуя её за ухом. — Никогда не был таким неумелым и криворуким...

“Он пошутил? — взвилось внутри. — А что бывает, когда он умелый и пряморукий? Она бы умерла от удовольствия? Смерть, которой все будут завидовать? Она сама себе будет завидовать”.

Роар поцеловал её в ухо.

— Это обычно я всё порчу, — совершенно не к месту заупрямилась Милена, — и это я неумелая, неуклюжая и криворукая. Сам же видел, как я умею умыться в реках.

Он прижал её к себе и рассмеялся. Кажется в этом мире можно было жить просто потому, что в нём был смех Роара. Милена решила, что наверное всё-таки чокнулась...

Осознание тишины навалилось неминуемо и упрямо говоря, что сказка закончилась.

— Роар, дождь прекратился? — эти слова она прошептала, но показалось, что прокричала.

— Угу, — кивнул он ей в голову. Они так и лежали вжимаясь друг в друга, боясь отпустить, потому что оба оказывается боялись всё испортить.

— Ты не хочешь уходить? — спросила она, и тут же отругала себя за очередную смороженную глупость.

— Нет, — шепнул Роар. Он полежал ещё немного, но потом со стоном сел, оставив её осознавать свершившийся факт того, что всё закончилось и вполне возможно никогда больше не повторится. — Но надо собираться, иначе, если мы не появимся через какое-то время за нами отправят отряд. Тебе помочь одеться?

— Не надо, я сама, — Милена улыбнулась. — Спасибо...

Митар как-то странно повёл головой, стал понурым, и она подумала, что может надо было согласиться на его предложение.

— А что делать, если попадёшь под этот дождь? — спросила девушка, чтобы побороть в себе эти мысли и потому что одеваться молча было невыносимо и тяга к разговору была скорее чем-то нервным. — Не спасёшься?

— Почему? Нормально, — митар натянул рубаху. — Нужно лечь на землю, руками обхватить голову, а ноги подтянуть к груди. Скорее всего отделаешься синяками и горячкой.

— Говоришь, как специалист, — и до того, как он удивился неизвестному слову, пояснила его. — То есть тот, кто знает в этом толк. Или тут всех учат, как быть, с самого детства?

— Учат обязательно, но я, когда был ребенком, действительно попал под ледяной дождь, — ухмыльнулся Роар. — С одного бока был весь в кружочках синяков от ударов льдин и дождя, а потом ещё мирты три-четыре лежал в горячке, но, как видишь, обошлось.

— Как так случилось? — девушке казалось, что ему тоже проще от простого разговора. Милену-то вообще рвала на куски мерзкая болезненная тоска.

— Риван меня подставил, — ответил митар. — Бросил одного и не пустил в бринту, думал, что я успею добежать до дома, а я не успел.

— Риван? — нахмурилась она.

— Младший брат Рэтара, — пояснил Роар.

Милена начала соображать, пытаясь понять, что с этой информацией не так, никто никогда не говорил о брате ферана, так может...

— Никто никогда не говорил, что у достопочтенного ферана есть брат, — Роар уже оделся и ей пришлось поторопиться, но шнурки на платье никак не поддавались.

— Был, — мужчина подошёл и аккуратно помог ей застегнуть платье. — Он утонул в Нраве. Давно.

Милена хотела сказать, что ей жаль, но вспомнила один из самых первых их разговоров — ей не о чем сожалеть, если она не при чём. Роар погладил её по щеке, отряхнул её плащ, на котором они лежали и сначала накинул его, а потом сверху ещё и свой.

— Там сейчас очень холодно и скользко, — пояснил он свои действия. — Пойдём не по дороге, а вдоль неё, хорошо?

— Хорошо, — согласилась Милена. — А ты разве не замёрзнешь?

— Нет, — шепнул он ей в ухо и поцеловал в шею, отчего вся кровь снова собралась на щеках, а мурашки поскакали, как ошалелые по всему телу.

До дома они дошли молча. Милена сосредоточено скакала между ледяными кусками, пытаясь не навернуться на ровном месте и не плюхнуться попой в какую-нибудь ледяную грязную лужу. Роар помогал, поддерживая или протягивая ей руку, помогая не упасть.

Около башен митар махнул стражникам, чтобы они видели, что он благополучно вернулся.

Зайдя в такой уже знакомый и кажется ставший привычным коридор, Мила ощутила пустоту внутри и тоску, но тут Роар, обняв её сзади за талию, утащил в сторону того самого пролёта лестницы, ведущей в подвалы. В прошлый раз в её голове была совершенно бессовестная мысль о том, чтобы он её туда утянул и снова поцеловал, но сейчас мысль уже не была бессовестной, а действие окрыляло и дарило тепло и возбуждение.

Он снял с неё свой плащ, перекинул себе на плечо, а потом, подхватив одной рукой так, что она в прямом смысле слова уселась на неё, поднял перед собой. Вторая рука легла на её шею. Наверное надо было что-то сказать, но она просто поцеловала его, сама, потому что внутри было ощущение, что всё это только на сейчас, что потом ничего не будет, всё уйдёт и не вернётся... она всё испортит... он всё испортит... они всё испортят... да какая разница?

Может это последний раз, когда она может его поцеловать?

— Беги, маленькая — прошептал Роар ей в губы, когда она отстранилась, и вернул обратно в коридор, оставаясь там, на лестнице. Вернул её в реальность. Страшную, одинокую и холодную.

Глава 20

Когда-то давно, когда Хэла была не здесь и вовсе не Хэлой, когда тело было идеальным, но идеальным она конечно же его не считала, когда в голове был страшный винегрет неуверенности и ничего бы не могло этого исправить, даже шоковая терапия, а если и могла помочь, то лоботомия, она верила, что любовь спасёт мир. Ещё верила в чувства на всю жизнь, и свято считала, что всё должно идти своим чередом. Но теперь...

Спустя много-много боли, слёз, отчаяния, предательств, похереных нервов, похороненных надежд и начинаний, потеряв веру в лучшее и возможность стать кем-то, кто намного выше всего того дерьма, в которое вообще может вляпаться человек, находясь в якобы здравом уме и твёрдой памяти — да нет, конечно! И вот Хэла стала, наконец, другой.

Нет, она смотрела на себя со стороны и творила всю эту дичь, потому что могла себе это позволить. Да... в той жизни она тоже была любимицей, ну как говорили её друзья, “публики” и душой компании. Без неё никуда, говорили они, но потом оказывалось, что она одна во всём этом жутко пустом и мёртвом мире, и даже музыка перестала её спасать. А

когда музыка не спасает — это провал. Это конец. Нечего ловить. Не на что надеяться.

И приехало в голову вот, что пока сама в себе не найдёшь сил, никто не сможет помочь тебе, даже если очень будут стараться. И наконец — ну, конечно, не в мужиках счастье.

Но — мудрость мудростью, старческая особенно, однако...

Наверное иногда всё-таки в них тоже можно что-то такое найти. Иногда воеет волком оголодавшим всё внутри и требует того, чем может поделиться с тобой другой человек.

Для Хэлы желательно было, чтобы мужик, желательно с силой и внутренним стержнем, ну и чтобы половой немощью не страдал. Ей было важно, другие как хотят и как нравятся, каждому своё — вешать ярлыки она никогда не любила, даже если и врала себе, то... да и — кому-то и с самим собой хорошо, кому-то объятий достаточно, а ей нужен был обмен жидкостями, как бы может отвратительно это не звучало.

И, если бы здесь была возможность сходить к специалисту вправляющему мозги, то она определённо посоветовала бы Милене терапию. И хотя самой Хэле, там давно, в другой жизни, это мало помогало, потому что она всегда была слишком желчной, слишком язвительной, фонтанировала иронией и доводила специалистов до белого каления, хотя умела быть хорошей девочкой (потому что ну а что люди скажут?), но то она, а Милена дело другое.

У девочки прям на лицо был целый букет всякого дерьма психологического, в котором бедняжка тонула, причём не пытаюсь выплыть, а ещё больше себя погружая внутрь. И психотерапия бы помогла, вставила бы на место, вскрыла то, что надо, заштопала то, что необходимо, потому что Милка была ведомой, открытой, светлой, чёрт!

Но специалиста, понятно, не было, сама Хэла предпочитала всё же давать порой советы, да и просто — или ты друг, или психотерапевт, так что осталось пройти тот самый последний и всегда действующий волшебный трах.

Нет, Хэла ненавидела всех этих “экспертов” лавок, говорящих всем подряд “мужика тебе надо хорошего, тогда и встанет всё на свои места”! Ага, как же... встало, село, легло и нах пошло! Тьфу! Но всё же порой нельзя было игнорировать тот факт, что феерический секс с правильным человеком и в правильный момент жизни, вполне так себе мог поставить всё на свои места. Хотя, конечно, нюансы тоже были, но была ли возможность выбирать?

— Хэла, там начался ледяной дождь, — в комнату серых влетели Лорана, а за ней Карлина. Обе серые выглядели обеспокоенными.

Две эти девчушки были наверное ближе всего самой Хэле.

Карлина была хоть и молоденькой, девчонке было годикой двадцать два-двадцать три, но в своём мире была учёной, и была хладнокровной, рассудительной. С ней можно было поговорить о всяких умных вещах, чтобы мозги в кисель не превращались. Ещё Карлине не нужно было объяснять простые и естественные вещи, которые многие серые или здешние девушки не понимали и не знали, а порой и вообще не считали нужным узнавать.

Лорана была из всех серых самой взрослой, ну относительно — примерно лет на двадцать пять. Но в своём мире она была одинокой “старой девой”, которую никто не хотел брать замуж из-за того, что она была... светловолосой. Это считалось каким-то там жутким пороком или ещё какой-то диковатой условностью. В детстве родители красили её волосы в темный цвет, чтобы она не выделялась, а потом когда они умерли, ей это надоело и она перестала делать вид, что она такая же как другие, но с этим друзья и женихи испарились, как вода из кипящей кастрюли.

В конечном итоге случился в один распрекрасный день призыв и её вытащили сюда в

качестве серой, и у неё, кстати, очень даже получалось делать неплохие простенькие лечебные заговоры. Как и у Карлины, которая в этом случае вообще сильно возмущалась, потому что считала себя человеком науки, а вот это вот всё, в переводе на язык Хэлы, мракобесие!

Втроём они часто сплетничали и никогда не стеснялись говорить друг с другом на горячие или неудобные темы. В общем был в Лоране и Карлине дух, который был близок и Хэле и, если бы у ведьмы спросили, кому из серых она больше всего доверяет, то она не раздумывая сказала бы, что вот этим двоим.

— И? — Хэла приподняла вопросительно бровь, зная конечно причину их волнения.

— Милены нет, — сомневаясь покачала головой Карлина. — Влетит снова.

— Она с достопочтенным митаром ушла с восходом Тэраф и с тех пор не вернулась, — Лорана и вправду выглядела озабоченной. — А там дождь сильнющий зарядил.

Хэла зевнула.

— Ты думаешь, что достопочтенный митар не знает, как поступать во время ледяного дождя? — спросила Хэла.

— Знает, конечно, — отозвалась та, — но всё равно...

— Так, ты знала, что они ушли, — догадалась Карлина. — Куда?

— Достопочтенный митар вывел нашу истеричную девочку прогуляться, — ответила женщина. — Они пошли в селение и я не думаю, что дождь их застал врасплох. Или они нашли приют в селении, или в бринте.

— Нашли приют в селении? Да кто ж его пустит в дом, с серой-то? — Лорана частельно включала скептика и нервную мамку.

— Не думаю, что митару скажут нет. Тем более там есть казармы, — ответила чёрная ведьма. — Думаешь, тут стражники с нами в одних помещениях находятся — это нормально, а там, где они живут, когда не здесь, они типа скажут “нет, достопочтенный митар, как хочешь, но серую, и уж тем более белую ведьму внутрь не пустим, не положено”? Я уже не говорю о том, что митар их самый главный командир.

— Ты, как мне кажется, уж слишком спокойна, Хэла, — подозрительно прищурилась Карлина и села на кровать. — А что, если с ней, что плохое случится?

— Плохое? Это что? Прибьёт дождём? А если ты ещё на что намекаешь — от кого? От митара? — она приподняла бровь и ухмыльнулась. — Да тут нет сейчас надёжнее мужика.

— Хэла, у них искрит, — с сомнением шепнула Лорана.

— Вечно у вас у всех искрит, куропатки, — повела она головой. — Электрики, блин. У меня и ферана тоже, нет?

Девочки переглянулись и потупили взоры.

— А у этих уж хоть бы загорелось, ей богу, — фыркнула ведьма. — Её истерики меня до ручки уже довели. У меня в мире вообще было мнение, что бабьи истерики нужно сексом лечить, точнее не сексом, а оргазмом...

— Чем? — светловолосая девушка посмотрела с непониманием.

— Ты про “керминар” говоришь? — спросила Карлина. — У меня в мире это переводится как “предел”, женский.

— А мужской по-другому называется? Пфф... Оргазм — это маленькая смерть, — улыбнулась Хэла, вздыхая.

— Ааа, — просияла Лорана. — Я поняла про что вы. У меня в мире это называется

“пиком”. Но, если честно, я никогда ничего подобного не испытывала... с мужчиной, в смысле. Сама да, — она залилась краской, — а вот от соединения с мужчиной нет.

— У меня в мире вообще это никому не интересно в процессе соития двух людей, “пределы” это всегда процесс для одного, — важно заметила Карлина.

— Скушно же, наверное? — ухмыльнулась ведьма. — Но вообще, конечно, не гарантировано, что вот прям всё этим и закончится, или в процессе случится.

— А он не может сделать ей ещё хуже?

— Карлина, я тебя умоляю! Кто? Роар? — закатила глаза Хэла. — Да, если она скажет “нет”, он её и пальцем не тронет. А если “да”, на что я бы очень хотела надеяться, то там выпулит, только потому что у них у обоих напряжение такое, что всем уже не по себе, так что наша девочка от одного понимания, что сейчас произойдёт, взорвётся и будет на седьмых небесах... Ну, по крайней мере, чёрт, это же Роар! Он божественный!

Лорана с сомнением покачала головой.

— Только не вздумай сказать, — угрожающе указала на неё пальцем женщина, — что ты отказалась, если бы он тебя вот так сгрёб в охапку и сказал “а давай, Лорана, соединимся в страстном порыве?”

Карлина прыснула со смеху, за ней Хэла, а потом и Лорана.

— Да ну тебя, Хэла!

— Я знаю, почему ты такая, — перестав смеяться, заявила Карлина.

— Ох, неужели? — повела плечом Хэла.

— Конечно — из-за ферана!

— Да-да, — подхватила Лорана. — Он уехал и ты погрузилась и вообще порой невыносимая стала. Тебе тоже не помешал бы тот самый взрыв, чтобы успокоится.

— Так! Уж кто бы говорил? — Хэла ухмыльнулась. — Небось дни сидишь считаешь, когда Гент вернётся, вот уж, где взорвётся того и гляди.

— Не правда, — вспыхнула Лорана. — Ничего у нас не будет!

— Да что такое-то? — нахмурилась ведьма. — Он же готов для тебя горы свернуть, а главное, что он в прямом смысле может это сделать. Пацан ого-го какой!

— У него невеста в Зарне есть, ты же знаешь, — возразила светловолосая девушка.

— Так она ему ни в одно место не впиалась, — фыркнула ведьма. — Она вообще там девчонка с горшка только слезла, говорят. Разве у него там не сговор был родительский?

— И что? — Лорана явно была задета за живое. — Где я, кто я? А он? Даже, если и сказать ему “да”, потом что? А как я в Зарне потом его этой невесте, которая станет супругой, в глаза смотреть буду? И... и... хватит уже! Я же говорю, ты невыносимая стала.

— Так если он где, и ты где, а что про меня и ферана тогда говорить? — возразила Хэла.

— Он от тебя давно уже голову потерял, — заявила Карлина.

— Хворый стал, инвалид без головы-то? — цокнула Хэла. — Вот кто бы тут о высоких материях не говорил, голову он потерял... На месте его голова, а сейчас проветрится на границе и вообще огурец будет. Это он просто скучал, потому что движухи не было никакой, а такому как он без движухи никак.

— Уж какую ты можешь движуху устроить — ни одна война в сравнение не пойдёт, — не унималась Карлина. — Все это видят. И ты видишь. И дразнишь его.

— Я всех дразню, — ответила на это ведьма. — И Роара, и Элгора, и вот мой любимый Тёрк вернётся — ух, буду его изводить.

— Но нужен-то один, — грустно отозвалась Лорана.

— Всегда один нужен, но взять его где? — ответила Хэла. — Вот у тебя есть, а ты не берёшь, потому что то, потому что это... идите, девки, мои. Ничего с вашей Милкой не случится. А если и случится, то уж всем можно позавидовать. Я уж точно в первых рядах завистников буду стоять.

И они недовольно переглянулись, но поняли, что говорить с Хэлой бесполезно и вышли из комнаты, направившись видимо к остальным девочкам.

— Хэла? — Милена стояла в дверях, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

Хэла внутренне ухмыльнулась: “вот как сказать этой горемычной, что на ней всё написано?”

— Что случилось? — спросила чёрная ведьма, как можно мягче и отстранёнее. — Попали под дождь? Замёрзла?

— Ой, Хэла, — всхлипнула девочка и Хэла поверить не могла — без мужика рыдаем, с мужиком рыдаем. Серьёзно? Боги, помогите!

Девушка прошла к ней и села рядом. Никого пока не было, серые ещё не успели вернуться с работ.

— Милена? — и не рассмеяться было так тяжело.

— Я и Роар... мы... это ужасно? — прошептала белая ведьма, глотая слёзы, и подняла на Хэлу свои огромные зелёные злазища. — Я ужасная?

— С чего вдруг, божечки мои? — не выдержала женщина, всплеснув руками и взяв холодные руки девчушки в свои. — Вы двое взрослых людей, которые могут делать что-то, что касается только их двоих и, если их двоих это устраивает, то почему нет? Он тебя силой взял?

Милена отчаянно замотала головой.

— Нет, Хэла, я сама... я словно... я не знаю, со мной никогда такого не было, — она шептала с предыханием, словно натворила чего и боялась, что её услышат.

— Детка, — чёрная ведьма положила ей руки на плечи, — всё хорошо! Понимаешь? Всё хорошо. Это не плохо. Ты не сделала ничего плохого. Он же жив?

— Да, — в ужасе уставилась на неё девушка, а Хэла ухмыльнулась.

— Ну, и отлично, — потом вздохнула. — Я только очень сильно хочу, чтобы ты поняла, что он ничего тебе не должен, слышишь? Он прямо сейчас имеет полное право пойти к своим наложницам и никто не сможет сказать ему ничего против. Я не хочу, чтобы у тебя болело, понимаешь, солнышко? Он хороший, очень хороший, но то, что произошло вполне может быть лишь мимолётной вспышкой...

— Было и нет, — отозвалась она, обречённо кивая.

— Но то, что было — это же прекрасно, правда? — улыбнулась Хэла, а Милена снова кивнула и уткнулась в колени чёрной ведьмы.

Через день Хэла стояла одном из внутренних балконов, что выходили во внутренний двор, в отличии от того, на котором она обычно сидела среди зубьев стены. Здесь были привычные перила, балконов было два — один со стороны жилой части дома, другой со стороны части, где жили наложницы. И на том сейчас собрались девки в бежевых платьях, глядя, как и Хэла, на то как пространство внутреннего двора заполняется всадниками.

— Что это? — спросила Милена, которая выглянула найти чёрную ведьму.

Уж не понятно пошло ли ей на пользу то, что случилось между ней и Роаром, но она определённо взбодрилась и перестала сидеть в четырёх стенах. Её можно было теперь найти и у Миты, и сидящей на дереве перед сторожевыми башнями, хотя дальше него она не

уходила.

— Это отряд достопочтенного ферана вернулся, — ответила Хэла.

— И достопочтенный феран тоже вернулся? — нахмурилась Милена, опираясь на перила и с интересом выглядывая вниз.

— Нет, — ответила чёрная ведьма. — Он же сам по себе уехал.

— Эмм, — вид у девушки был озадаченным.

— В общем, — вздохнула Хэла, объясняя. — Во всех фернатах есть, как я поняла, отряд ферана. В одних фернатах — это охрана ферана, а в других элитный спецназ. А вот в Изарии, на военной мощи которой держится вся Кармия, есть два отряда спецназа — один достопочтенного ферана, а другой достопочтенного митара. Обычно они занимаются охраной всего, что связано с домом, в смысле домом не зданием, а домом как фамилией, семьёй Горан, понимаешь?

— Ага.

— Но всё равно в определённый промежуток времени, они отправляются туда, где можно так сказать поразмяться, чтобы не заржавели элитные шестерёнки, и программа специализированного назначения не сбилась, — ухмыльнулась женщина. — Обычно это конечно война, но сейчас время мирное, поэтому — граница. То есть отряд ферана был на границе, в каком-то там проблемном её месте. А теперь, когда их сменил другой отряд... тот что мы на кострах провожали, эти вернулись обратно. А через какое-то время отряд митара, который всё это время нас охранял, отправится туда, на границу, сменят другой какой отряд. А вот эти красавцы-молодцы займут их место в охране наших весьма важных и незаменимых, хотя нет, конечно, задниц.

Мила рассмеялась, покачав головой.

— Но, если начнётся война, — добавила чёрная ведьма, — то они конечно встанут под стяги и командование достопочтенного ферана и будут где-то в авангарде.

— А ты их знаешь? — девушка стала изучать воинов.

— Почти всех. Когда я попала сюда, они как раз были стражниками в Зарне, а отряд митара был как раз на границе.

Во двор въехали несколько всадников и Хэла поморщилась, а Милена, заметив это, спросила:

— Кто это?

— Это? — и Хэле было так тошно от его созерцания, что хотелось вот прямо мор напустить, или как минимум понос. — Хм... как бы помягче...

Мужчина спешил, снял с головы капюшон походного плаща. На нём были темно-коричневые доспехи и одежда, какие-то там знаки отличия, которые говорили о его принадлежности к командирам.

— Если ты думала, что видела здесь мерзких людей, — повела головой женщина, — то ты искренне ошиблась, потому что вот он — самый мерзкий из всех кого ты тут встречала, и вполне возможно самый мерзкий человек за всю твою жизнь...

Он развернулся к ним лицом, хорошо, хоть навверх не смотрел.

“Саранчи бы ему в задницу рой”, — зло подумала Хэла.

— Красивый, — заметила Милена.

— Да уж, — фыркнула чёрная ведьма. — Это Шергá.

— Шергá? — нахмурилась девушка с трудом повторяя имя.

— Да, и запомни, деточка, если тебе когда-нибудь не свезёт так, что ты окажешься с

ним один на один, — и Хэла внимательно посмотрела на Милу, — беги не раздумывая, так быстро беги, как никогда в своей жизни не бегала.

— Хэла? — Милена была явно встревожена этим предупреждением. — Кто он такой?

— А никого не напоминает?

— Не знаю, — пожала она плечами и всмотрелась внимательнее.

— Он же практически вылитый феран, — невесело ухмыльнулась Хэла.

— А? — нахмурилась в непонимании Милена и снова уставилась на мужчину, будто пытаясь это сходство отыскать.

— Шерга его брат.

Глава 21

Стоя рядом с Хэлой, Мила смотрела на высокого, мощного, темноволосого мужчину, с красивым правильными чертами лица. Он был тоже небрит, как и большинство мужчин здесь, и несмотря на то, что в основном все прибывшие были всклокоченными и неухоженными, что было понятно в целом, они ведь несколько суток были в пути и привести себя в порядок у них просто не было возможности, его борода была аккуратной и вообще он сам был таким... “метросексуал”, — сказала бы Милена, если бы увидела его в своём мире.

Вот серьёзно — его можно было перенести в галерею какого-нибудь торгового центра и он бы там отлично вписался в толпу. А здесь он определённо выделялся на фоне остальных. Она даже не понимала, что в нём такого.

Хэла сказала: “вылитый феран”. Но вот с этим у Милены было не очень.

В её глазах феран был человеком со шрамом через всё лицо и привлекательности в этом лице не было. Рэтар Горан был жутким, от него у неё мурашки по спине бегали и хотелось сбежать куда-нибудь, а этот...

Мужчина потянулся — телосложением он и вправду напоминал ферана. Тоже был крепким, отлично сложенным, но войны здесь все были такие — высокие, крепкие и сильные.

Отдав приказ гулким и низким голосом, мужчина кого-то увидел и улыбнулся. Да, определенно он был красив, и если Хэла говорила то, что видела, в смысле то, что не могла сопоставить Мила, то феран наверное тоже был так же красив... когда-то.

— Роар сказал, что брата ферана звали Риван и он погиб, — наконец выдавила она из себя, чтобы понять, что вообще происходит.

Может это она туго соображает? Но вообще соображалка сломалась после того, что произошло между ней и Роаром.

Милена все эти пару дней ходила как в тумане. По облакам ходила. Уж что это была за магия такая, ну не любовь же, правда?

Вести себя как обычно не получалось, ей казалось, что у неё на лице всё время теперь есть какая-то придурковатая улыбка, ей словно можно было сесть с Найтой рядом и просто смотреть в одну точку, улыбаясь себе и своим мыслям. Были бы в поле цветы она бы наверное сошла за Офелию, вплетающую себе в волосы травы и цветочки, поющую песни и в конечном итоге наверное тоже можно было пойти и утопиться, от радости не топятся, но, блин, Милена хотела! Её распирало от эмоций.

Она закрывала глаза и чувствовала всё ещё прикосновения пальцев Роара на своей коже — как могут такие сильные и кажется грубые руки быть такими нежными и ласковыми?

Это было похоже на какой-то кажется наркотический трип, эйфорию... наверное вот так чувствуют себя люди, когда наркотик проникает в кровь. Они теряют связь с

реальностью, краски мира изменяются, искажаются и этот унылый серый пейзаж начинает расцветать.

Милена словно видела как тут красиво, когда весна — вот бы смочь это сделать! Она отчаянно этого хотела, вот сейчас как никогда, потому что хотела, чтобы взгляд Роара был наполнен восхищением и радостью. Он же будет рад, если у неё получится? Может Мила хотя бы здесь будет полезна, не то, что дома.

И вот она плавала в своих мыслях, даже не расстроенная тем, что все эти дни ни разу не сталкивалась с Роаром — он был завален бумагами и, как она поняла из разговоров Миты, в кухне которой она тихо сидела в уголке, предаваясь своим облачным думам, у него не было даже времени нормально поесть.

А потом внезапно началась суэта, потому что появился отряд. Все стали бегать туда сюда, в доме появились мужчины — грязные, вонючие, уставшие, взъерошенные и похожие скорее на бандитов, чем на военный отряд.

Милена заметила, что в моменты сомнения и тревоги теперь всегда искала Хэлу, потому что в ней для девушки было какое-то сосредоточение стабильности и, защиты, что ли — женщина была её убежищем во всём этом безумном и непонятном чужом море.

Белая ведьма нашла женщину наблюдавшей за прибытием отряда, замыкающими были несколько мужчин и один из них “брат ферана”.

Что вообще происходит? Никто никогда не говорил, что у ферана есть брат, сестра или кто-то там ещё. Разве вот кроме того, погибшего, которого упомянул Роар. В Милене настолько непоколебимо жила эта вера в то, что кроме него, Элгора и самого ферана в семье Горан больше никого нет, что она была странно поражена, хотя на деле не было в том, что она сейчас услышала ничего эдакого.

— Риван младший брат почтенного ферана, родной и единственный брат, — отозвалась Хэла. — Он погиб больше двадцати тиров назад — утонул в Нраве. Ещё у почтенного ферана была родная младшая сестра. И она к сожалению тоже умерла.

— А это? — Милена окончательно запуталась.

— А это сын отца почтенного Эаргана Горана и одной из его наложниц, — пояснила женщина. — Единственный брат почтенного Рэтара Горана.

Милена заморгала от неожиданности.

— Ты думаешь, что наложницы стерильны, что ли? — засмеялась Хэла. — Детка, с наложницами занимаются сексом и они в некоторых случаях рожают детей своему господину. Это же кажется вполне очевидно. Нет?

— Я как-то не думала об этом, — она смущенно перевела взгляд обратно во двор.

“И вправду, как можно быть настолько тупой? — отругала сама себя Милена, а потом пришло неприятное осознание. — Ой... а Роар? У него есть наложницы... и у него тоже есть дети? Много?”

— Папаша ферана нашего, — продолжила объяснять Хэла. — судя по всему, был тем ещё массовиком-затейником. Несмотря на свой суровый нрав и замашки тирана-диктатора, у него была маленькая армия наложниц и конечно же некоторые из них беременели от него и рожали ему деток.

И женщина многозначительно посмотрела на Милу, которая кивнула, скорее машинально, чем действительно понимая до конца, что именно говорила Хэла.

— Основная масса выживших сынков в армии Изарии, конечно же. Вот Шерга один из них, он младше ферана, есть ещё Тёрк, — она указала на здорового, самого

внушительного мужчину, стоящего сейчас во внутреннем дворе, — он старше, ещё есть Мирган, но его что-то тут не видно, он тоже старше, но не сильно.

Милена покосилась на Хэлу в недоумении — как женщина вообще всех их помнит?

— Есть Гир. Сильно младше. Ты его должна была видеть, он командует отрядом достопочтенного и такого любимого нами митара, — Хэла очаровательно улыбнулась и Милена почувствовала, как полыхнули её щёки.

— Перестань, — смущённо попросила она.

— А, вон, с мальчиком стоит, видишь? — чёрная ведьма хихикнула и села на внутреннюю часть каменного парапета балкона. А Милена всмотрелась в молодого мужчину, что стоял рядом с юношей, который прибыл с отрядом ферана. И да, белая ведьма его определённо видела.

— А, — она не знала как спросить, да и как-то было не по себе от вопроса, — у остальных?

— Что? — спросила Хэла.

— Ну, дети, — и Мила выдохнула совсем не тот вопрос, — у Роара и Элгора тоже есть такие братья и сестры?

— Неа, — мотнула головой чёрная ведьма, — насколько мне известно у них нет. Рейнар любил только одну женщину, мать Роара, и к наложницам судя по всему, не очень любил ходить, а если и пользовался этой опцией своего положения, то видимо был очень осторожен.

И Милена была рада, что истинный и отчего-то болезненный вопрос застрял у неё в горле. Но Хэлу нельзя было провести:

— И нет, — ответила она, стараясь быть серьёзной, но даже Мила видела, что делала это с трудом. — Детей у Роара нет. У Элгора есть — одного его сына я своими руками из чрева его наложницы принимала.

И девушка поняла, что стало как-то легко на душе.

— Что до ферана, — вздохнула Хэла, — То вот мальчик, который стоит рядом с Гиrom — это Брок, и он сын достопочтенного ферана и одной из его наложниц.

Милена во все глаза уставилась на паренька — на вид он был чуть старше неё, но определить точнее она не могла, потому что мужчины здесь выросли раньше и уже лет, точнее тиров в семнадцать выглядели так будто им все двадцать пять.

Парень был очень похож на вот этого Шерга, тот же цвет волос, небольшая борода того же цвета, прямой нос, высокий лоб, открытая улыбка. Глаза... глаза даже отсюда было видно — голубые, как небо, нет, как море или океан, как на картинках. Аквамарин. Милена таких ни у кого здесь не видела.

Парень был невероятно красивым.

— Хэла! — громогласный возглас жутковатого хриплого баритона заставил Милену подпрыгнуть на месте.

Она обернулась и увидела того самого здоровенного детину, которого Хэла определила как одного из, как там это называется, единокровных братьев ферана. Самого старшего.

— Тёрк, — она расплылась в улыбке и радостно расставила руки, чтобы мужчина мог её обнять.

Милена почти квакнула от неожиданности. Это вообще как?

Она впервые такое видела. Такого никогда не происходило. Хэлу никто не трогал и хотя

было видно, что уважали и даже некоторые откровенно любили, в смысле ценили, но всегда держали дистанцию. А тут...

— Как же я соскучился по тебе, ведьмочка! — бухнул в неё мужчина, не ослабляя объятий.

— Я тоже скучала, Тёрк, — отозвалась Хэла, вполне возможно, что с трудом, потому как он издавна был большим, а вблизи оказался нереально здоровенным и явно обнимал её со всей своей мощью. — Как дорога?

— Да чтоб им, — ругнулся он, отстраняясь. — Чего нас вообще отправили в эту проклятую Картару-то, раз ты её заговорила?

— Там всё хорошо? — улыбнулась женщина.

— Да там лучше, чем тут. Я ждал разрухи, голодных умирающих на улице людей, а там тишь да красота, — и он фыркнул, словно конь. — Они лучше нас выглядят, клянусь богами! Только задницы себе отбили... знаешь какие там дороги, ведьмочка? Не смейся! Я слишком стар для всего этого дерьма. Где феран-то?

— На границе, разве не встретили его? — ответила Хэла.

— Нет, — нахмурился дядька. — Чё он там забыл?

— Приказ эла, а за подробностями не ко мне, — она привычно повела плечом.

— За главного митар? — уточнил мужчина.

Хэла в подтверждение повела головой.

— Ох, как же я по тебе соскучился! — он издал какой-то странный рычащий звук, снова сгрёб Хэлу в охапку и спросил: — Слушай, ведьмочка моя, а не могла бы ты мне удружить и сделать так, чтобы задница перестала болеть, а? А то Шерга, засранец, гнал отряд от Картары сюда так, словно за ним хотры гнались.

— Тёрк? — позвал митар и Милена обернулась на такой обожаемый ею голос, которого она не слышала кажется вечность.

Их взгляды встретились на мгновение и, боже, кажется она была готова полететь от этого тепла в его глазах медового цвета.

— Роар, — мужчина оставил Хэлу, перед этим поцеловав её в макушку и повернулся к митару. — Точнее, — откашлялся, — приветствую тебя, почтенный митар Изарии, процветания, силы и мощи твоему фернату!

Роар засмеялся и расставил руки в приветствии, дав возможность Тёрку обнять и его.

— Приветствую тебя, тан, — проговорил митар. — Как дорога?

— Ему не понравилось, — ухмыляясь, ответила за мужчину Хэла.

Тёрк отстранился от Роара.

— Это было... — начал он кажется возмущаться, но потом замер, обернулся на чёрную ведьму. — Женщина! Ты...

Хэла вопросительно подняла на него бровь, и она сейчас была самой шикарной женщиной, которых Милена вообще видела в своей жизни.

Тёрк сделал всего один шаг и этого ему хватило, чтобы вновь оказаться возле Хэлы.

— Хранят тебя боги, Хэла!

И с этими словами его огромные ладони захватили её лицо и он её поцеловал. Милена была поражена. Роар фыркнул и потёр ладонью глаз, он смеялся. А Тёрк, отстранившись, воскликнул:

— Прямо, как новый! — бухнул он, ухмыляясь.

— Всегда к твоим услугам, дорогой, — рассмеялась Хэла.

— Хэла, а может, ну его? — и Милена увидела, как это здоровяк стал таким милым и очаровательным, что глазам не поверила. — Давай я тебя отсюда заберу, а?

— Тёрк, — Роар, улыбаясь, подал голос. — Где Шерга?

— Да, где-где, — и мужчина снова изменился и стал прежним. — К девкам ринулся, небось.

— Побежал наложницам Элгора жопки мять, — как бы дополнила Хэла.

— Вот, видишь, ведьма дело говорит. Мудрая женщина, — ухмыльнулся Тёрк. — У тебя же память нечего, — и он указал в сторону митара своей огромной ладонью. — Да ещё, чего доброго, сам ему морду намнёшь.

— А почему именно девкам Элгора? — рассмеялся митар.

— Ну, как, — развёл руками мужчина. — Они оба девок любят помоложе, а я вот всё никак не могу от Хэлы “да” услышать.

— Иди отдыхать, Тёрк, — улыбнулась чёрная ведьма.

— Да, я для тебя и без твоих заговоров здоров, как тоора, а уж после них и еще поболее могу!

— Тёрк, — позвал Роар, спасая женщину, хотя Миле казалось, что спасение ей было не нужно, — всё, уймись. В Картаре были?

— Да были мы в вашей Картаре. Какого рваша вы нас туда отправили-то? Она же, — он указал кивком головы на Хэлу, — всё сделала, мы туда чего потащились?

— Потому что надо было проверить, — ответил митар. — Мы не были уверены, что посланник всё сделал правильно, а Хэла была очень уставшей, когда творила заговор, так что... уж прости великодушно, уважаемый старший тан!

Тёрк фыркнул.

— Ладно, пошли, расскажешь мне, что да как тут у тебя. Хэла, — он повернулся, — люблю тебя, ведьмочка, и не забывай, что для тебя я всегда готов хоть Изара с неба стащить, хоть Тэраф стянуть.

— Я помню, Тёрк, — она игриво склонила голову. — И не нужны мне ваши божественные светила, оставь их в покое.

Он на это рассмеялся и мужчины ушли, но перед этим Роар глянул на Милену, пропуская Тёрка вперёд и она могла поклясться, что в его взгляде была тоска. А может ей показалось?

Оставшись наедине с Хэлой, девушка уставилась на чёрную ведьму и, поражённая поведением этого огромного мужчины, не удержалась спросить:

— Что это вообще было?

Чёрная ведьма рассмеялась:

— Тёрк из тех, кому сам чёрт не брат, — ответила Хэла. — Я когда здесь появилась, он шутики шутил, а я отвечала, но был настороже. Не доверял. А потом, как-то... не знаю. А когда я спасла наложницу Элгора и их сына, он совсем потеплел. Не знаю, — она пожалала плечами, — он вот такой. Огромный, как папа-мишка.

— От тебя поцеловал, — и это было для Милены невероятным чем-то.

— Поцеловал, — она фыркнула и ухмыльнулась. — Он мне всё время в любви объясняется. Как-то подошёл ко мне и говорит “Хэла, не могу больше, скажи мне “да”, ведьмочка, расшибусь ради тебя”, а я ему “Тёрк, не надо расшибаться, ты мне и такой вот целый вполне себе нравишься”. Ну, и смеёмся над этим с тех пор. А ещё он меня всё время в объятьях своих мнёт, — и Хэла повела плечами, зажмурилась от удовольствия. — Хоть кто-

то мнёт, чёрт. Хорошо!

Почему-то Милена чувствовала, что шутки шутками, а вот если Хэла сказала бы Тёрку “да”, то он и вправду бы сделал для неё всё.

Девушка и сама не понимала, но она как-то осязаемо чувствовала это влечение, которое было в Тёрке к чёрной ведьме. Да и, к её какой-то совершенно стыдной обиде и ревности, в Роаре она тоже видела такое влечение.

— Ого, Хэла! — Милена снова вздрогнула, услышав пока незнакомый голос, а Хэла закатила глаза и словно оцетинилась.

— Ого, Шерга, — отозвалась она и в голосе её было столько яда, что можно было кажется отравиться просто от нахождения рядом.

Белую ведьму передёрнуло. Теперь, видя этого человека близко, она улавливала одинаковые черты в нём и в Роаре или Элгоре. Глаза у Шерга были тёмные и, при всей красоте его лица, злые.

Передёрнуло Милену именно от его присутствия, словно мужчина заполнил собой всё пространство и стало невозможно дышать. Также она чувствовала угрозу исходящую от Элгора, но кажется сейчас это чувство было в сто раз сильнее.

— Как поживаешь, чёрная? — ухмыльнулся он.

— Не твоими молитвами, — ответила Хэла.

— Всё кусаешься? — проговорил Шерга. — Смотри, ведьма, доберусь до тебя...

— Смотри, как бы потом целым уйти, — парировала женщина.

Мужчина усмехнулся, а потом посмотрел на Милену.

Вот бывает такое, что паника начинается ни из-за чего? Вот бывает, что самосохранение вопит от ужаса... и вот если оно вопило, когда с ней рядом был Элгор, то сейчас оно не могло вымолвить ни слова — самосохранение парализовало, парализовало после того, как оно забралось в самый дальний угол сознания.

Нет, виной тому было не то, что сказала Хэла про этого человека, виной тому была та энергия, или как это можно было назвать, аура, которая исходила от этого человека. Он был опасен. Очень-очень опасен. Словно Мила смотрела сейчас в глаза самому страшному чудовищу, которого встречала в своей жизни — это был страх во плоти.

— А это у нас, что такое? — прошептал Шерга, а показалось, что прошипел.

Хэла стала мрачной и угрожающей, вот именно такой, какой она была тогда, когда ругала Милену за её неосторожные слова. Жуткой. Угрожающей. Женщина встала между ними, девушка даже не заметила, как она спрыгнула с перил.

— Новая серая? — он видел угрозу, он напрягся, но отступить не хотел. — Неужели это та самая белая ведьма?

Его голос сейчас был полон какой-то мерзкой сладости, такой от которой тянет в тошноту, приторной и дрянной.

— Иди-ка к достопочтенному митару, Шерга, он тебя искал, — проговорила Хэла полным стали голосом.

— Заговаривать меня пытаешься?

— Нет, если бы пыталась, тебя бы тут уже не было.

Он усмехнулся, но через силу, Милена прям видела, как отчаянно он сопротивляется страху перед чёрной ведьмой.

— Будет ещё время поизучать новую крошку, — отозвался он и с этими словами, поклонившись насмешливым поклоном, полным издёвки и бравады, скрылся в коридорах.

— Хэла, — вытащила из себя Милена, вцепившись в рукав её платья.

Но чёрная ведьма мотнула головой:

— Я ещё раз повторяю тебе, детка, не оставайся с ним наедине. Никогда!

Девушка понимающе закивала и, взяв предложенную Хэлой руку в свою, пошла следом за ней в дом.

А внутри всё естество ещё долго сотрясалось от страха и леденящего ужаса.

За несколько последовавших после этого дней всё стало совершенно непонятно и неясно.

Туман дурманящий голову прошёл, суета от возвращения отряда стала сходить на нет и постепенно всё пришло в ту привычную и размеренную норму, к которой Милена привыкла.

Однако чувствовалось напряжение и внутри серых, было оно и внутри самой девушки. И кажется причиной был именно Шерга.

Некоторые серые приходили в содрогание только от упоминания его имени, а уж, когда слышали его голос, казалось их охватывала паника. Смятение несчастной добычи, которую вот-вот достигнет хищник.

Милена тоже поддавалась этому чувству. Она всё чаще старалась быть с кем-то, сидела с Митой, бродила по дому за серыми, когда те делали свою нехитрую работу, привязывалась к Хэле и ходила за ней, как утенок за мамой уткой.

С Роаром белая ведьма сталкивалась мельком и внутри неё всё выло и стонало. Она хотела прикоснуться к нему, да хотя бы просто побыть рядом, но не получалось — столько народа было вокруг, что можно было сойти с ума.

Постепенно стражники, с привычных Милене воинов, сменились теми, что прибыли. Новые лица, хоть теперь и не походившие на охотников-неандертальцев, но были чужими, и оттого тревога только усиливалась.

Мила привыкла выходить из комнат серых и находить в коридоре перекошенное лицо Брима или Тарпа, привыкла к тому, что во дворе утром была всегда тренировка, привыкла видеть тренирующихся ферана, митара, бронара... привыкла видеть наблюдающую за ними Хэлу, сидящую на перекладинах внутреннего загона тоор.

А в последние дни всё шло кувыркком в её жизни, и она начинала скучать по этому чему-то ставшим для неё привычным.

Ещё она стала замечать, что её больше не тянет домой, ей уже не хотелось оказаться утром в своей постели, дома, и чтобы за окнами шумел город. Точнее, она перестала удивляться, каждое утро открывая глаза и видя над собой огромный высокий каменный потолок с огромными деревянными балками. И Милена не понимала, как реагировать на это.

В один из достаточно погожих дней, все серые отправились на реку полоскать постиранное бельё. Кто-то из девочек забыл дома специальный хват, который здесь использовали для того, чтобы удерживать бельё, чтобы не уплыло и Милена вызвалась его принести.

Она бежала домой через поле, слыша как на реке поёт Хэла, а девочки ей подпевают, кто-то из них смеялся, а два светила так невероятно мягко дарили тепло, что хотелось, чтобы этот день не заканчивался. Вбежав радостно во двор, она влетела в коридор и вприпрыжку спустилась в подвал за палкой. Но влетев обратно на лестницу, она в прямом смысле со всего маха воткнулась в Шерга.

Подняв на него глаза, Мила поняла, что спастись не получится.

Он ухмыльнулся и это была самая жуткая ухмылка, которую она видела в жизни. Кажется она станет сейчас героиней фильма ужасов. Где-то там пели песни, где-то там было слышно бурлящую и яркую тёплую жизнь, а здесь в этой полутемном подвале ей преграждал путь этот жуткий мужчина, от которого становилось тяжело даже вздохнуть.

— Куда это ты так спешишь, белая? — прошептал он и этот голос уже не казался ей приятным, хотя был таковым, он заставлял кишечник заплестись в тугой узел.

— Пропустите меня, пожалуйста, — выдавила она из себя.

— Хм... знакомое словечко, — он ухмыльнулся и спустился на одну ступень ниже, надвигаясь на неё. — Мне показалось, что ты меня избегаешь, девочка?

Милена не могла ничего ответить, она почувствовала себя в ловушке, из которой выхода не будет, кажется всё, что она могла она уже выдавила из себя — на большее не было сил.

— Не показалось, — проговорил он, отвечая за неё и ухмыляясь.

Может, если она стукнет его палкой?.. Ведь она укусила Элгора и ничего ей за это не было. Он даже смотреть в её сторону перестал. А тут это... Но были ли у неё шансы?

Элгор был самонадеянным мальчишкой, а Шерга был уверенным хищником, даже Милена, так плохо разбирающаяся в людях, видела разницу между ними — Элгор дразнил, Шерга угрожал.

— Не бойся, сладкая, — он протянул к ней руку и она машинально опустила на неё хват для белья, который крепко держала в руках, но, как она и предположила, её ждал провал.

Мужчина легко перехватил палку и резким движением дернул её на себя, а Милена не успела палку отпустить и потому уже в следующее мгновение оказалась во власти страшных и жестоких рук.

Шерга прижал её к стене, обе руки, в одной из которых до сих пор был хват, были зафиксированы им над её головой и тоже прижаты к стене.

В голове пронеслось сотни сценариев происходящего дальше, в некоторых из них она даже умудрялась его победить и сбежать, но вот только тело предательски замерло, ужас сковал её, парализовал. Она смотрела в его страшные тёмные глаза, чувствовала, как его свободная рука легла сначала на её щёку, потом палец стал проводить линию и пошёл вниз:

— Гладкая какая, — шепнул он ей на ухо.

“Закричи!” — попросила сама себя Милена, но сил вдохнуть не было. Вот где она была несчастной мартышкой, которую сейчас сожрёт питон.

В голове ясно всплывала картина из мультфильма про Маугли, где Каа гипнотизировал бандерлогов... почему именно сейчас? Почему именно это она видит, пытаюсь понять, как ей спастись или может она просто уже понимает, что спасения не будет?

А в голове всё мелькают картинки “танца Каа” и его голос шепчет “подойдите ближе” — она так боялась этой части мультфильма в детстве... так боялась.

Пальцы Шерга тем временем спустились к её груди, он нагло ощупал её и отправился дальше.

— У меня никогда не было ведьмы, — ухмыльнулся он. — Не бойся, крошка, я буду очень ласковым.

Его дыхание обжигало, в какой-то момент Милене показалось, что он сейчас попробует её поцеловать, она попыталась отвернуться, уткнуться в рукав платья — глупая попытка спрятаться... А рука уже опустилась к её бедру.

Он её изнасилует?

Мысль эта её так ударила, что показалось, что она сейчас потеряет сознание и наверное

так лучше, правда. Зажмурившись, она стала молить внутри себя о спасении, о прощении, о пощаде... она уже сама не понимала кого она просит, о чём, она даже не могла заплакать!

— Шерга! — грубый голос теперь уже ставший знакомым выдернул её из транса и оцепенения.

Милена открыла глаза и глянула вверх, туда откуда слышала голос. В проёме, заслоняя его весь стоял Тёрк. Взгляд его был диким, полным ненависти и ярости. Шерга отпустил её мгновенно, ей даже показалось, что она на ногах-то не сможет устоять, когда его мерзкие руки оставили её.

— Тёрк, какого рваша тебе надо? — зашипел Шерга.

— Иди сюда, девочка, — позвал её мужчина и в голосе его она явно слышала сожаление и сочувствие.

Милена с трудом поднялась по ступеням, заставляя себя делать каждый шаг. Тёрк протянул ей свою огромную руку и помог преодолеть последние ступени.

— Беги-ка, детка, отсюда, поскорее, тебя на реке ведь ждут?

Милена задрала голову, чтобы увидеть его лицо. Здоровенный, бородатый, на вид она дала бы ему чуть меньше пятидесяти. Он был действительно огромным — насколько у неё получалось судить метра два, а то и больше, роста, он был больше, чем все здесь, самый большой. Рядом с ним она выглядела ребенком, даже не подростком, а словно пятиклассница.

Её ещё не начало трясти, она ещё не до конца поняла, что сейчас произошло и от чего её только что спас этот большой и, уже совершенно точно, невероятно добрый мужчина.

— Спасибо, — прошептала она.

Тёрк слегка нахмурился, но кивнул и пропустил её за свою спину, к спасительному выходу на улицу.

Она припустилась бежать, скорее туда, к серым, к Хэле... там было спокойно и хорошо, там могли защитить... ведь правда?

Мила слышала, как Шерга что-то шипел в сторону Тёрка, а Тёрк что-то громыхал ему в ответ. А потом они стали нереальными и далёкими.

Девушка добежала до реки, и сначала кто-то из девочек поддел её, что она очень долго ходила, но потом, видимо увидев её лицо, шутки прекратились.

Хэла вострепелась, Милена попала в её мягкие и такие любящие, уютные объятия и разрыдалась со всей силой своего голоса, она рыдала, слёзы текли по щекам и единственное, что она смогла сказать, что с ней ничего не случилось, плохого, того, что могло бы случиться, что всё хорошо, что её спас Тёрк.

Чёрная ведьма облегчённо кивнула, обняла её и запела какую-то очень печальную песню, сильную, мощную, что-то про прялку [1], чтобы Милене было легче плакать, а серым доделать своё нехитрое, но не лёгкое дело.

Вечером Милена сидела вместе с Хэлой на любимом месте последней — на балконе, что выходил на внешнюю часть дома и явно исполнял военную функцию. Зубцы стены, возможность забраться чуть выше по уступам в стене и попасть в одну из верхних частей замка, но только по внутренней части стены.

Хэла любила здесь бывать, она говорила, что здесь она не слышит суеты внутреннего двора, ну и вид открывается прекрасный. И Милена, всматриваясь в этот вид, была совершенно уверена, что именно такой она видела из окон кабинета ферана, когда была там

и говорила с Роаром.

При воспоминании о митаре у неё щемило сердце, тот ужас, который она испытала сегодня, сразу же возвращался внутрь неё и снова начинало крутить и к горлу подступал ком. Ей так хотелось, чтобы он её обнял, ничего другого она не хотела — только бы почувствовать силу его рук, вдохнуть его запах, услышать его голос.

Девушка всхлипнула. Хэла погладила её по щеке.

— А давай-ка я принесу нам горячего попить, а? — улыбнулась она.

— Я с тобой, — вздрогнула Мила.

— Нет, деточка, не бойся... я быстро — туда и обратно, — успокоила её чёрная ведьма. — А его сейчас в доме нет.

Милена сделала над собой усилие, чтобы не поддаться панике, ведь надо же как-то пытаться жить, ну, правда — невозможно же всё время держаться за юбку Хэлы.

Чёрная ведьма ушла, а Милена уставилась в небо — уже потемневшее, непроницаемое, но невероятно наполненное звёздами. На глаза снова навернулись слёзы. Она такая маленькая во всей этой Вселенной, этой или какой-либо другой.

— Я говорил — отсюда видно лучше, чем со двора.

Это было таким счастьем, что наверное ничего во всём происходящем не могло бы сейчас её задеть.

— Да, — проговорила она, улыбаясь и кивая, сама не веря, что вообще действительно слышит его голос.

— Я думал, что ты с Хэлой, — сказал Роар, останавливаясь в проходе.

— Она пошла за горячим отваром, — стараясь спокойнее говорить, ответила Мила.

— Эй, ты плачешь? — нахмурился он. И всего одного мгновения ему хватило, чтобы оказаться рядом с ней.

— Нет, — она махнула головой и конечно не успела вытереть слёзы, наполнявшие её глаза.

Руки Роара обхватили её лицо и уверенно, но с невероятной лаской заставили её посмотреть на него.

— Не обманывай меня, — и она видела беспокойство в его взгляде и была такой счастливой. Действительно помешалась.

— Станешь фераном и накажешь? — спросила она, стараясь не поддаваться истерике.

— Сейчас я феран, забыла? — проговорил митар.

— Кажется мне конец, — прошептала девушка.

На его лице появилась озорная улыбка, он наклонился и легко поцеловал её.

— Почему ты плачешь? — шёпотом спросил он прямо в её дрожащие от губы.

Как Милена могла бы ему это сказать? Она представила себе, как гнев заполняет собой этот момент, которого она жаждала столько времени, как злость рушит вот это тёплое, нежное, прекрасное, что есть, действительно есть, между ними.

Она глупая, наверное, конечно глупая, но Мила ни за что сейчас ему не скажет о том, что случилось. Сейчас она просто хочет, чтобы он обнял её, чтобы поцеловал ещё раз, чтобы вот это простое и удивительное дало ей надежду на то, что произошедшее между ними несколько дней назад действительно было значимым для него... и даже, если она ошибается, пусть!

— Не обращай на меня внимания, — прошептала Милена, — я просто... просто пласка...

— Прости меня, — он поцеловал её глаза. — Навалилось столько всего, что я даже не помню спал ли я в эти дни.

— Я понимаю, правда, я...

Он отрицательно покачал головой:

— Я же сказал — ферану лгать запрещено. Действительно накажу тебя.

— Накажи, — отчего-то внутри взорвалась смелость, то ли он нестерпимого и обжигающего желания, то ли от безумия всего сегодняшнего дня.

— А вот это ты зря, маленькая, — прошептал Роар низким потяжелевшим голосом.

— Не зря, — покачала она головой и в этот же момент оказалась снятой с выступа на котором сидела.

— Я всё время думал о тебе.

Слов не хватило, такие простые слова вызвали такой бешеный приступ агонии.

Милена и не поняла, как оказалась в просторной и очень просто обставленной комнате, принадлежащей Роару, не успела осознать происходящее, как оказалась на огромной кровати, обнажённой и сходящей с ума от прикосновений и поцелуев.

Ощущения были не менее яркими, чем в первый раз. Только на этот раз она осмелилась тоже прикасаться, тоже целовать — и всё равно всё было как в тумане, покрытое дымкой невероятное неги и одновременно пробирающей до дрожи страсти. Милена никак не могла понять, что такого вот сейчас особенного происходит — ничего!

Но от наполненности она теряла возможность соображать, мысли покидали её голову и ей становилось отчаянно мало того яростного напора, которым обладал Роар, ей хотелось ещё большего, только вот ещё больше и она умрёт, правда... Она окончательно растворится в этом мужчине и вот ни капельки в ней не останется.

Так наверное представляется “в омут с головой”.

Милена лежала рядом прижимаясь так сильно, что внутри всё сводило. Вот сейчас она боялась потерять его тепло, его силу, его уже ровное и такое надёжное дыхание...

— Ой, — сознание и навалившийся стыд словно придавили её.

— Что? — Роар напрягся, Милена прям физически ощутила напряжение всех его мышц.

И опять стало стыдно, но уже за то, что испортила момент спокойствия.

— Мы забыли про Хэлу, — виновато буркнула она.

Он рассмеялся и расслабился:

— Не переживай, — успокоил её мужчина, — думаю она всё поняла.

Но внутри начала расти тревога, а вдруг Хэла подумает, что с Миленой случилось что-то дурное, вдруг она подумает о Шерга и... ведь Роар-то не знал, для него ничего не случилось, а для них, серых и Милены, сегодня случилось что-то очень отвратительно, что могло бы повториться.

— Правда, маленькая, — он прижал её к себе одной рукой и нежно поцеловал в макушку.

Милена кивнула и попыталась успокоить себя. Одна рука её лежала поперёк тела Роара, бледная на фоне его смуглой кожи, идеальное тело, которому позавидовали бы многие, да и она сама всегда завидовала видя мужчин с такой развитой мускулатурой, с идеальными пропорциями тела. Смотрела на них и всё время находила в себе какие-то недостатки.

— А можно я спрошу? — тихо прошептала она, пытаясь хоть как-то отвлечься от совершенно некстати явившихся в её голову мыслей о том, что она не такая, как надо.

— Угу, — лениво отозвался он.

Она подняла на него взгляд — лицо его было спокойным, глаза закрыты — может он уже засыпал, а она тут решила поговорить.

— Спрашивай, — отозвался он и открыл глаза, во взгляде которых было озорство и усмешка.

— Думала, ты спишь, — она виновато повела плечом.

— Не, — вздохнул Роар, — мыслей в голове слишком много. Что ты хотела спросить?

— Я про шрамы, — она провела пальцем по рваному шраму на его ключице.

— Стрела, — бесстрастно пояснил он, — выдержнул и пошёл дальше.

— Нет, я, — Милена нахмурилась пытаясь не транслировать на себя чувства, которые может испытывать человек, в которого попала стрела. — Я думала, что маги, когда лечат, убирают и шрамы тоже.

— Да, но то маги. Они не всегда лечат. Так, — он улыбнулся, — давай объясню. Иногда, в каком-нибудь большом сражении, маги принимают участие наравне с воинами. Они как боевая мощь, они усиливают наступление, или оборону, используют боевую магию. Некоторые из них, те, что послабее могут быть среди лекарей и помогать лечить. Фернаты, которые побогаче, могут нанять себе личного мага, а то и нескольких, чтобы они во время боя лечили мелкие раны или помогали сильно раненым не умереть.

И Милена кивнула, давая понять, что понимает.

— Но война же это не всегда армия вышла в поле против другой армии, — продолжил митар. — Так что в мелких стычках, если тебя ранят — лекари тебя залатают и уж тут шрамов не избежать. Можно, конечно, потом пойти к магу лично, отвалить ему побольше камушков и он тебе сделает так, что будешь, словно ничего не было. Но это для тех, кто, как мой братец, боится любой царапины, а мне как-то всё равно — шрам, и шрам... не смертельно и ладно.

— А тот что на спине, — она вспомнила огромный шрам, что был у него на спине от лопатки и шёл вдоль позвоночника.

— А тот, что на спине... это было большое сражение, меня окружили, Рэтар не успел ко мне, и меня всего истыкали. Их было человек семь-восемь. Спина, бедро вот тут, вот здесь под рёбра, — он показал на шрам идущий вдоль нижнего левого ребра и поморщился, — мерзкая рана, скажу тебе.

И Роар усмехнулся, словно они погоду обсуждали, а не раны, которые наносят оружием, которые кровоточат, причиняют боль, от которых можно умереть.

— Помню, как Рэтар тащил меня на себе и ругался на меня, что подставился, как ребёнок, и что из-за меня ему пришлось выйти из сражения, — и митар рассмеялся, повёл головой. — Он всегда в первых рядах. Маги меня привели в чувство, шрамы никто не стал, конечно, залечивать, оставили на потом, я вернулся обратно в бой. А потом на шрамы как-то времени не нашлось. Да и не мешают они мне.

— А Элгору мешают?

— Да, не знаю, — он усмехнулся. — У него их тоже много было бы, если бы не бежал с ними к магам, он повоевал за свои тирры достаточно, хотя до Рэтара нам всем далеко.

— А почему он... — она замолчала, запнулась, потому что кажется уже это вообще не её дело.

— Почему он не убрал свой шрам на лице? — улыбнулся Роар, угадывая вопрос. — Честно? Не знаю. Никогда у него не спрашивал. Когда он его получил, случилось очень много всего плохого. Со всеми нами.

— Прости, снова я о грустном, — с сожалением прошептала Митена, а Роар издал какой-то странный звук и обняв её подтянул к себе так, чтобы можно было поцеловать.

— Не думай об этом, маленькая.

Он замер, а девушка, посмотрев в его лицо, увидела невероятно довольную улыбку.

— Ты чего? — спросила она нахмурившись.

— Знаешь, это так невероятно приятно, что я могу вот так прижать тебя к себе и не выпускать, хотя бы до утра... этого мало, конечно, но намного больше, чем ничего.

Она улыбнулась и поцеловала его в шею.

— Определенно, — отозвалась Милена и положила голову ему на плечо.

Утром она проснулась одна, в лицо из окон пробивался мягкий свет первого светила.

“О, боже, надеюсь первого!” — мелькнула в голове почему-то невероятно стыдная мысль.

Она подскочила и выглянула в открытое окно, из которого в комнату попадал свежий морозный воздух. Окна комнаты Роара тоже выходили в сторону полей, реки и дороги, той, что уходила в селение. Сейчас там было много людей, телеги, запряжённые какими-то животными, отсюда не похожими на тоор.

— Проснулась, — Роар подошёл совершенно неслышно и она подпрыгнула от неожиданности, когда он обнял её и прижал к себе.

Только сейчас Милена поняла, что встала с кровати совершенно голой и стыд, который всегда был внутри неё от созерцания себя в зеркале, полыхнул ярче яркого и ей захотелось съёжиться до размера песчинки.

— Этот вид мне определённо нравится, — сказал Роар, глядя на неё сверху вниз.

Сказать ему, чтобы не смотрел, было какой-то нелепостью. Они дважды занимались любовью, правда оба раза это было в сумерках, при совершенно слабом и даже незначительном освещении, а сейчас...

“Боже, — ей захотелось испариться, — стыд ужасная вещь!”

— Знаешь, какая ты красивая? — спросил он.

Она бессильно качнула головой из стороны в сторону, пытаясь раствориться в его взгляде.

— Ты безумно красивая, — заключил он, с невероятно довольной улыбкой на лице.

Можно даже задницей покраснеть? Кажется можно. По крайней мере у Милены было чувство, что она покраснела с макушки до самых пяток.

— Прекрати, — прошептала она, утыкаясь в его грудь.

— Не проси, — он подхватил её на руки и прижал к себе. — У меня есть еще немного времени побыть с тобой, так что не собираюсь тратить его на разговоры...

И он не стал. Кажется она понимает теперь, что такое быть зависимой от секса или скорее от секса с конкретным человеком. Как вообще можно держать себя в руках и не сходить с ума от всего этого?

— А что там на дороге происходило? — спросила она, когда он поцеловав её, встал и стал одеваться.

— Ты про торговцев? — кивнул в сторону окна Роар.

— Торговцы? — переспросила она и глянула в сторону окна.

— Да, Элгор и Шерга проверяют обозы, — ответил Роар. — И, если всё хорошо, в селении будут торговые ряды.

— Ярмарка? — спросила она.

— Ярмарка? — приподнял он бровь и уставился на неё. Кажется этого слова у них тоже нет.

— Торговые ряды, — улыбнулась она. — Когда много торговцев привозят разные товары отовсюду и торгуют ими.

— А, — кивнул он, — да.

— А чем здесь торгуют? — поинтересовалась Милена.

Он повёл плечами:

— Да много чем: оружие, украшения, предметы быта, кое-что из еды, или новые семена, обувь, одежда...

— Платья... — мечтательно вставила она.

— Платья, — рассмеялся Роар и сел обратно на кровать. — Если хочешь, то можешь пойти на ряды, если Элгор пустит торговцев.

— А почему может не пустить? — спросила Милена, не очень понимая, что Элгор может плохого в торговцах усмотреть.

— Причин может быть множество, — улыбнулся митар. — Главный их ему не понравится, и он их всех развернёт. Или, например, что-то в них его насторожит. С торговцами часто в селения или города приходят воры или шальные люди.

— Разбойники?

— Да, — согласно кивнул Роар. — Но, если пустит, то можешь сходить и купить, что тебе хочется.

— Мне бы пряжи, я бы вязала... — сказала Милена, а потом стушевалась, потому что он нахмурился — кажется она обнаглела в край.

— Что? — спросил митар, и нет, он не хмурился, он был удивлён.

— Пряжа, — пояснила девушка, не меньше Роара, потому что неужели слова “пряжа”с тут нет. Или никто не вяжет? Или ей нельзя вязать, она же серая! — Ну, я бы тогда вязала. Ведь мне можно вязать?

— Я не очень понимаю, что такое вязать, — ответил он, проподнимая бровь. — Точнее — вяжут стальные рубахи для воинов, но вязать из пряжи... что можно вязать из пряжи? Ткать.

Милена засмеялась его озадаченному выражению лица.

— Что? — спросил митар.

— Это просто невозможно, как я могу объяснить принадлежность вещей, которые в моём мире повседневны, а тут их даже в помине нет. Это так сложно... — и Милена задумалась. — Из пряжи можно вязать одежду. Но я не знаю можно ли мне вообще вязать?

— Хорошо, если тебе станет от этого легче, ты можешь вязать, — он поцеловал её руку и встал. — И вообще можно же купить не только пряжу.

Он подошёл к двери и девушку внезапно охватила паника — а как она вообще отсюда выйдет? Там же стража в коридоре и её увидят, но Роара, кажется это вообще не волновало.

— Кстати, остальные серые тоже могут пойти, — и он стал открывать дверь, чтобы выйти.

— Стой, Роар...

— А? — он обернулся на неё и застыл с дверью нараспашку.

— Как мне уйти? — она была готова простынь на голову натянуть.

Он уставился на неё в недоумении. Потом посмотрел на дверь и снова на неё.

— Эм... я ж тебя не закрываю, — он совсем не понял её беспокойства. — Как

оденешься — просто выйди в дверь, Милена.

— А стража? — буркнула она и залилась краской.

— Ох... понял. Никого нет, все внизу, во дворе — тренировка же, Тёрк с Мирганом лютуют, можешь спокойно выходить и не переживать, что тебя увидят, если, конечно, не будешь слишком долго собираться, — он лукаво ей подмигнул. — Тогда придётся остаться жить здесь. И я совсем не против.

[1] Мельница "Прялка"

Глава 22

Иногда Хэла прям чувствовала, как тени захватывают её естество и становилось страшно, что, когда это происходит, она не сможет остановиться.

И, пока они с серыми шли со стиркой обратно к дому, женщина отчаянно молилась, чтобы Шерга не попался ей на глаза. Она знала, что внутри сейчас тьма и можно сделать лишнего, того о чём потом пожалеешь, тем более, что и просто наговор на такого, как он, уже ой как плохо... по крайней мере без ферана.

Митар в расчёт не шёл, и Хэла очень надеялась, что Тёрк, спасший Милену от выродка, Роару ничего о произошедшем не рассказал — это была бы катастрофа.

У обожаемого чёрной ведьмой светловолосого мальчика было много достоинств, но недостатков тоже хватало, и один из них был вспыльчивость — головой Роар был горяч до безобразия и в этой ситуации Шерга наверняка не поздоровилось бы. И конечно Хэла с удовольствием посмотрела бы, как митар превратил самодовольное холёное лицо возомнившего себя невесть кем недобратца ферана в кровавое месиво, но к чему это в конечном итоге могло привести? Сплошные трагедии...

А главное права у митара не было наказывать кого-то такого ранга и обладателя таких регалий, как это тут называлось, даже несмотря на то, что он сейчас замещал ферана, тем не менее, если и могло быть какое-то наказание, то исходить оно должно было только от самого ферана напрямую.

Но какое наказание могло быть за то, что он девку пощупал? Смешно же для них... до плохого не дошло! Тут, как и у Хэлы и Милки в мире, — вот что случится, тогда и крик поднимайте.

Она фыркнула про себя — жаль, что когда она делала отворот у Шерга от серых, чтобы он к девочкам больше не подходил, Милены тут не было. Можно было бы сделать этот отговор сейчас, но для этого Хэле нужно было столкнуться с ним вплотную, а он сейчас её ну очень усиленно избегал, а искать с ним встречи самой, у неё не было сил.

Вообще, столкнувшись впервые с этим мерзким носителем громкого звания “один из единокровных братьев ферана”, Хэлу в прямом смысле чуть не вывернуло. Тогда она ещё не очень понимала, что к чему, кто кем кому приходится и уж тем более кто и что из себя представляет. У неё не было тогда понимания насколько и кому вообще можно доверять, чего и от кого можно ждать. Да и магию свои она пока не очень могла разобрать — училась она тогда себя понимать и слышать, как чёрная ведьма.

И вот Шерга вызывал у неё весьма однозначную реакцию, да у всех вызывал. Даже феран, к её удивлению, относился к данному своему братцу с раздражением и ожиданием недоброго. По началу даже было странно, что именно он командир отряда ферана, но потом до Хэлы дошло, что тут Рэтар Горан действовал из расчёта на видимо работающее во всех мирах правило: “друзей близко, а врагов ещё ближе”.

Да и разобравшись Хэле стало понятно, что, например, Тёрк, который имел намного

больше права быть командиром любого отряда, но был на позиции второго в отряде ферана, именно из-за Шерга. Он был тем самым контролем, глазами всегда смотрящего.

Знал ли об этом Шерга? Да знал, конечно, и к несчастью тех, кому он делал зло, у него получалось от этого контроля уходить.

Когда Хэла поняла, что за человек феран, она сделала заговор от злых побуждений Шерга — это была её благодарность за его отношение к ней, за то, что доверился, за то, что отнёсся по-доброму, когда мог бы поступить совсем иначе.

Тогда же она заговорила и серых.

А потом отряд ферана ушёл на границу, в самое проблемное место границы, плохое, опасное — Шер-Ашгар. И было чудом, что вернулись почти все.

Однако истерика Милены была не единственной сейчас сердечной проблемой среди серых — Лорана была на грани, и Хэла, занимаясь белой ведьмой, чувствовала, что очень нужна и этой девушке тоже.

Вечером, оставив Милену, Хэла видела Роара. Спустившись вниз и проследив за его жизненным огоньком, с удовольствием обнаружила, что он добрался до Милки. Подождала, чтобы, если надо, остановить Роара от попытки прибить Шерга, но или Милка была умницей и догадалась, что о беде своей говорить не надо, или может одного присутствия достопочтенного митара было достаточно, чтобы девочка забыла о своих невзгодах, но огонь его взвился только полыхнувшим желанием и в результате белая ведьма оказалась у мужчине в комнате.

— Вот и славно, — буркнула Хэла себе под нос и заметила возню в коридоре.

Пройдя в ту сторону, наткнулась на рыдающую, сидящую на лестнице в подвал Лорану и успокаивающую её Карлину.

— Что случилось? — спросила Хэла.

Взгляд бывшей ученой был очень сочувствующим, вообще насколько это было возможно, потому как способностью к эмпатии она не очень отличалась.

— Гент, — проговорила она только губами.

Хэла нахмурилась — паренька, который до умопомрачения обожал Лорану и волочился за ней, предлагая горы свернуть, она с возвращения отряда вообще не видела. Почему-то сразу подумалось самое плохое?

— Погиб? — спросила она у Карлины так же одними губами. Но к облегчению та отрицательно мотнула головой.

— Он на меня даже не посмотрел, — всхлипнула Лорана. — Я его так ждала, а он... он... Хэ-э-э-э-ла... чего так больно-то?

Она ещё раз всхлипнула и снова зарыдала, уткнувшись в юбку.

— Так, идите-ка спать, куропатки мои? Сил с вами нет уже никаких, — Хэла всплеснула руками.

Но от её слов Лорана разревелась пуще прежнего, и ведьма, сев рядом, запела первую пришедшую в голову песню, но, как всегда, попавшую в самую цель:

“У сестры моей косы светлые

Косы цвета льна.

У сестры печаль безответная —

Видно, влюблена...” [1]

Допев песню до конца, она подумала, что сервис “окей, Хэла!” кажется можно уже патентовать, недовольно крякнула про себя и крепко обняла Лорану. После чего Карлине

наконец удалось забрать рыдающую девушку в комнаты серых.

Хэла тяжело вздохнула. Как-то внутри стало гулко, что можно было завывать на луну, жаль только не было её здесь.

Выйдя во двор, женщина заметила устроившегося на скамье при загонах тоор Тёрка и, улыбнувшись, пошла к нему.

— Только не говори, что ты на посту спишь, братец, — она присела возле него и конечно сразу же была поймана в его объятия.

— Шутишь, ведьмочка моя, — пробухал Тёрк ей в плечо.

— Всё-всё, пусти, а то задушишь! — рассмеялась Хэла.

— Слышал, как ты пела, — он не встал, а она села на лавку рядом, оказавшись прямо у его головы, и подобрала под себя ноги, устало прислонившись к стене.

— Пела, — вздохнула она. — Хотела сказать тебе “спасибо”, за то, что девочку спас сегодня.

— О, она тоже мне это слово сказала, — ухмыльнулся он. — Знакомое слово, это ты ведь так благодаришь всех. И она тоже? У тебя научилась уже?

— Нет, нас с ней из одного мира призвали, как оказалось, — ответила ведьма. — И даже из страны одной.

— Ого, — удивился мужчина. — Это редкость, Хэла.

— Да, я так и поняла, — проговорила она, всматриваясь в спустившиеся сумерки. — В общем благодарю тебя, Тёрк, сплеховала я, что её одну отправила...

— Не надо, — отозвался он тихо. — Не за что тут... я бы ему давно уже морду разбил, да повода не даёт, вот же папа не туда вставил...

Хэла усмехнулась:

— Тёрк, ну, кто так при девушке-то выражается?

— Хех, — ухмыльнулся он и повёл рукой. — Покорнейше прошу меня простить, уважаемая моя!

Ведьма рассмеялась и положила на него свою руку, подвинулась так, чтобы он мог положить голову ей на колени. С ним ей было спокойно, невероятно спокойно. Тёрк обнял её руку и поцеловал ладонь.

— Но папка ваш определённно напортачил! — согласилась женщина.

— Ну, как у нас говорят, — пожал плечом Тёрк, — нельзя так, чтобы всё было идеально, когда-никогда, а мимо попадаешь.

— Лучше бы мимо попал, — заметила Хэла, вздыхая.

Тёрк на секунду замер, а потом разразился таким диким, громогласным смехом, что ведьме пришлось шикнуть на него:

— Тихо ты, разбудишь весь дом! — и она захихикала вместе с ним.

— Отличная шутка, ведьмочка моя! — пробухал он. — Вот люблю тебя, сил нет!

— Ага...

Когда смех Тёрка затих во дворе стало снова тихо, слышно было только храп тоор.

— Любовью чужой горят города,

Извилистый путь затянулся петлёй;

Когда все дороги ведут в никуда -

Настала пора возвращаться домой. [2]

Тихо пропела Хэла, потом спросила:

— Тёрк, а что там с Гентом?

— А что с Гентом? — спросил мужчина, слегка хмурясь.

— Не знаю, — пояснила она, — вот и спросила. Я вообще его не видела — случилось что-то?

— А, — он слабо кивнул. — Да.

— Что? — нахмурилась Хэла.

— Да, нас несколько раз конкретно прижимали, и ему досталось, — ответил Тёрк. — Пол луны от службы отдыхал, с лекарями развлекался. Теперь весь в шрамах от ожогов от груди до нижней челюсти.

— Переживает? — спросила ведьма, кажется понимая причины того, чего Гент от Лораны прятался.

— Не знаю, — Тёрк повёл плечом. — Сказал, что в дом не пойдет, будет только во внешних стоять.

— И где он сейчас?

— Тоор охраняет.

— А правда, что у него в Зарне невеста есть? — спросила Хэла, устроившись на Тёрке.

— Есть, — кивнул он и погладил её по спине. — Тиров десять ей.

— Серьёзно? — спросила Хэла, удивляясь. — Я думала, что это шутки все шутят и дразнят его, когда говорят, что у него невеста вчера с горшка слезла.

Тёрк слегка рассмеялся.

— Не, — повёл он головой, — правда. Его отец зажиточный, из корты скотоводов. Гент старший сын и должен был стать наследником, но вот проблема — у него с тоорами-то натянутые отношения, а что до другого скота, то вообще всё плохо.

Она рассмеялась.

— В общем, он свалил от отца и ушёл в дом служения, и тут уже у него намного лучше всё получалось, — проговорил Тёрк. — Если бы ещё пешим ходить, то он один из лучших моих парней. Но отец расстроился, хотя у него ещё сын есть. Но что-то там папе не так, и в конечном итоге по сговору на верный союз решил Гента к корте привязать. Гент не может отцу отказать, поэтому с первой дочерью другого зажиточного из корты вынужден обвязаться.

— Слово какое, ужас, — фыркнула Хэла.

— Чего тебе слово не нравится? Верный союз связывают нитью, но сейчас, конечно, простой, а раньше небесной нитью вязали. Этот союз святым считали.

— А почему сейчас небесной не вяжут?

— Так её мало, — ответил Тёрк. — Ценнее этого в нашем мире нет ничего. Если у тебя есть клубок небесной нити, то этого может хватить до конца твоих дней, чтобы прожить без бед.

— Ммм, — задумалась Хэла. — И что он теперь должен на ребёнке жениться? Ну, в смысле...

— Обвязаться? Да... а что делать? Единственный способ отказаться от семьи, а тут, сама понимаешь, повод должен быть весомый, — Тёрк снова повёл плечами. — Да и не сейчас у него будет обряд, а когда девица эта пройдёт через принятие богини, а это будет когда ей тринадцать или четырнадцать тиров исполнится. А может позднее. Как там она готова будет.

— Ох, сложностей сколько, боги, — вздохнула Хэла.

— Сложно, это когда я предлагаю тебя отсюда забрать и увезти на край света, чтобы счастливой сделать, а ты всё никак не соглашаешься, — возразил он, вроде в шутку, но Хэла видела его серьёзность.

— Тёрк, я чёрная ведьма Изарии, куда я от неё денусь? — она уткнулась в него лицом, а он обнял её и второй рукой, крепко к себе прижав.

— Иди, отдохай, ведьмочка моя.

— Только, Тёрк, — Хэла подняла голову и всмотрелась в мужчину, — достопочтенному митару о том, что с девочкой случилось, не говори.

— Чего это? — нахмурился он, повёл бровью.

— Кончится плохо, — улыбнулась Хэла.

— Ох ты ж... что? — бухнул он в деланом возмущении. — Уже? Вот они засранцы мелкие, один я вот мучаюсь тоской по женщине, а, Хэла?

Она качнула головой и поцеловала его в губы.

— Хочешь я тебе наговорю кого? — прошептала ведьма.

— Мне только ты нужна, — покачал головой он, слегка улыбаясь и глядя её щёку.

— Спокойной ночи, Тёрк, — проговорила Хэла пожелание, которого тут никто не говорил.

— И тебе, ведьмочка, — шепнул он ей в ответ.

Зайдя к серым, Хэла не без радости увидела, что кровать Милены пуста. Она тихо прошла к постели Лораны, которая лежала уткнувшись в подушку.

— Спишь? — шёпотом спросила она.

— Нет, — отозвалась Лорана и подняла на Хэлу заплаканные глаза.

— Ранили его, — сказала ей чёрная ведьма. — Сильно зацепило. Он, думаю, поэтому так с тобой. Наверное считает, что такой тебе не нужен, понимаешь?

— Какая мне разница? — отозвалась Лорана охрипшим от слёз голосом.

— Так пойдёшь и скажи ему об этом, — ответила женщина. — Только хорошенько подумай сначала — может оно и к лучшему, что он так? Ведь невеста никуда не денется.

— Я не думала, что мне так плохо будет, Хэла, — прошептала Лорана. — Я просто хочу, чтобы он мне объяснил, что я такого ему сделала, что даже приветствия не заслуживаю...

— Тогда, он стоит стражей у тоор. В доме его не будет, он сам просил. Лучше возможности с ним поговорить не выпадет.

— Я же наверное такая страшная сейчас? — спохватилась девушка, трогая заплаканное опухшее лицо.

— Ты прекрасна, Лора, — улыбнулась ей Хэла. — Ты женщина, которой больно и это ему стыдно должно быть, что он тебя до такого вот довёл. Иди, если так важно, или не ходи, но и не горюй больше.

И ведьма, поцеловав её в щёку, пошла к своей кровати. А Лорана тихонько встала, закуталась в плащ и выскользнула в коридор.

Вернулась серая только под утро и весь день мурлыкала себе под нос песни.

“Ты стала сводней, Хэла”, — подумала про себя женщина.

А когда вернулась Милена, сверкающая, как начищенный медный таз, так и вообще стало не по себе.

А может Хэла всех просто заговорила? Может не стоит вот так вот всех друг с другом сводить?

— Хэла, — белая ведьма присела возле кровати женщины. — Прости меня, я вчера

исчезла... ты наверное волновалась?

— Я знала, что ты с Роаром, — ответила она.

— А? — и эта наивная удивлённость во взгляде делала Хэлу мягкой. Она повела плечом и улыбнулась. — Хэла... а можно я...

И снова эта девица начала стыдливо мямлить, покрасневшись, уткнулась в матрас.

— Ага, — кивнула чёрная ведьма..

— Знаешь, я тут подумала, — девушка старалась сформулировать вопрос, — это так странно. Я бы никогда-никогда так себя не вела дома, понимаешь? Я, в смысле, чувствую себя какой-то ненормальной, что ли...

— А дома что? — и Хэла поставила локоть на ногу и положила на руку голову.

— Ну, не знаю, — насупилась Милена. — Там свидания, прогулки, подарки... готовишься... к этому, ну ты поняла...

— Сексу, — кивнула чёрная ведьма, сдерживая улыбку.

— Ну, да...

— Готовишься?

— Блин, Хэла, — и Мила стала почти пунцовой. — Ванная, всякие кремы, бреешься, бельё надеваешь красивое.

— А тут с места в карьер? — спросила женщина и как же это было забавно, сил нет. — Ни эпиляции зоны бикини, куда там ноги, как у неандертальца, белья шикарного нет, да, никакого нет — вот печаль!

— Да, ну, тебя, я про то, что я бы отказала, если бы была такой, как сейчас, понимаешь? — девушка посмотрела испытывающе. — Вот, как так без подготовки?

— А так, — пожала плечами Хэла. — Вот голову снесло и не важно, где там у тебя чё растёт, — и она захихикала.

Милена снова уткнулась лицом в матрас.

— Детка, ты красавица! — проговорила женщина ласково. — Ты невероятно красивая. И для него желанная, что ещё надо?

— Не знаю, мне стыдно...

— Боги, Милена! Ты моешься каждый день и этого больше, чем достаточно, — и Хэла фыркнула, закатив глаза. — Серьёзно. А то, что ты, господи боже мой, не брилась? Да ему, как и всем мужикам здесь, искренне наплевать на волосы на твоих ногах, подмышках и везде в других местах. У них в голове не насрано.

И чёрная ведьма пожала плечами.

— Им наплевать, как ты выглядишь, — она ухмыльнулась. — У них у многих два критерия отбора — стоит или не стоит. Всё. И уж прости, что я такая грубая и прямая, но, детка, эти мужики завтра могут умереть. По-настоящему могут умереть, понимаешь? И эта вот конкретная женщина, которая сегодня сказала “да”, может быть последней в жизни. И всё равно есть у неё целлюлит, живот, какого размера у неё грудь, насколько подкачено у неё тело, есть ли у неё пресс и сколько волос на её теле. Брось!

Хэла недовольно повела головой.

— Это наш мир в твоей голове говорит, не равняй наших мужиков и этих. Те, которых ты знала, качали своё тело и приводили его в “идеальное” состояние только для того, чтобы выложить фотки в соц. сетях, чтобы покрасоваться перед публикой, а тут херово выглядишь — помрёшь. Не выносливый — помрёшь, — чёрная ведьма развела руками. — Они машут мечом не для красоты и эффектности момента, кадра и чего там ещё, а потому что надо

уметь махать, иначе смерть! Очень даже конкретная и фатально прямолинейная.

Милена подняла на женщину глаза, которые увлажнились, потому что, как поняла Хэла, эта девочка всё пропускала через себя.

— Им нужна любовь, ласка, нежность, — продолжила она мягче. — Потому что там, куда они могут прям завтра отправится, их приласкать может только костлявая с косой, или как она тут у них выглядит. Забудь об идеалах внешности, навязанных глянцевыми журналами. Правда. Забудь о диетах, лишних физических нагрузках. Хорошо бегаешь — это уже достижение! Спасёшься от врага и добежишь до ворот — вот и все необходимые умения. Здесь не считают лишние килограммы, их нет, тут наоборот — дородная баба отлично, худая, как ты — надо бы подкормить! Ты в глаза его посмотри, они же светятся, глядя на тебя! Всё — уже победа!

Милена улыбнулась:

— Ты нечто, Хэла, знаешь?

— Знаю, кажется, — лукаво ухмыльнулась она.

— А можно ещё вопрос? — и белая ведьма прикусила губу.

— Можно, — Хэла засмеялась.

— Я не очень понимаю, но меня кое-что смущает, — нахмурилась Мила.

— Что?

— Ну, — она замялась от стеснения. — Понимаешь... Роар он, даже не знаю...

— Так, говори давай, как есть, — не выдержала чёрная ведьма. — Он что?

— Ну, он всегда меня разворачивает к себе спиной, понимаешь? Я думала, может бывает, а теперь... так всё время. До того... как... — и она очень многозначительно повела бровями, чем вызвала у Хэлы нервный смешок, — нормально, а потом снова он сзади. Мне кажется? Я дура?

— Нет, — и женщина мотнула головой. — Это у них тут типа... ну как с миссионерской позой, понимаешь? Так надо.

— В смысле? — не поняла Милена.

— В смысле, нельзя женщине в лицо смотреть во время секса, — пояснила Хэла. — То есть у них тут вот эта поза основная для секса и другие, где женщина к мужчине лицом, под запретом.

— Почему? — искренне удивилась девушка.

— Вот этого я не знаю, — чёрная ведьма пожала плечами и развела руки в стороны. — Эти их суеверия одно другого страшнее. Спроси у Аполлона своего, в самом деле.

— Шутишь? — выдавила из себя Милена.

— Нет, — Хэла серьёзно посмотрела на девушку. — Типа, Роарушка, а можно как-нить сконнектиться в другой позе, а то мне уже кажется, что я такая жуткая, что тебе на меня в процессе страшновато смотреть.

Белая ведьма прыснула со смеху.

— Да, Хэла, да, блиииин! Ну, тебя! — и она слегка ткнула женщину кулачком.

— Если узнаю раньше — расскажу, — подмигнула чёрная ведьма, потом нагнулась и поцеловала девочку в макушку. — Ты у меня прекрасна!

Милена потянулась и обняла её.

— Я люблю тебя, Хэла.

— И я люблю тебя, детка! — улыбнулась ей женщина.

Милена встала и пошла в задние комнаты.

— Кстати, нам разрешили пойти на ярмарку, если она будет, — сообщила девушка у двери задней комнаты.

— Ярмарка? — встрепенулась Хэла, хмурясь. — Что?

Суэта вокруг торговых рядов, которые быстро разворачивались на площади в селении, достигла и серых. В день, когда наложницам и домашним слугам разрешили пойти на торги, все были оживленными и немного сошедшими с ума.

Серым же разрешили не работать в этот день и все они дружно сидели в комнате и обсуждали, что они хотели бы купить и мечтательно говорили о платьях и украшениях.

— Вот бы можно было пойти на торги, — отозвалась Аня, сидя на кровати и обнимая свои колени. — Никогда такого не видела.

— Пффф, — фыркнула Куна, отец которой был торговцем и она, как никто из всех присутствующих здесь, знала как что в торговле устроено, потому что на поверку оказывалось, что видимо во всех мирах смысл и процесс был одинаков, различными были лишь условия сделки. — Да ничего особенного.

— Это тебе ничего, а мне интересно. А правда можно взять что-то и это будет твоё? — поинтересовалась девчушка.

— Купить или обменять можно, — возразила Куна, — а взять без оплаты — это воровство!

— Интересно, а можно нам что-нибудь красивое себе? — мечтательно отозвалась Донна.

— Например? — поддела её Маржи, с которой они были очень дружны.

— Не знаю, браслетик? Серьги? Или нам нельзя? Можно же на ногу? У меня знаешь сколько их было дома? — она немного надулась.

— А я бы купила горушку, — отозвалась Найта, которая сидела вместе с серыми, потому что ушедшие на торги домашние слуги её с собой не взяли, боясь, что она натворит чего в суматохе торгов.

— Горушку? — переспросила её Милена.

— Ну да, горушку... и подарила бы её достопочтенному митару, — лицо девочки озарила невероятно милая и очаровательная улыбка. — А если он горушку возьмёт у меня, то я стану его избранной и он меня, когда я вырасту, обяжет.

Кто-то из девушек похихикал, кто-то улыбнулся — в целом никто Найту не обижал. Она была очаровательной, глупенькой и все знали, что без ума любила достопочтенного Роара Горана.

Девушки грустно завздохали.

— Слушайте, так пойдёмте на ярмарку, — воскликнула Мила, просветлев.

— Так нам нельзя, — отозвалась Грета.

— Почему? Мне разрешил... достопочтенный митар, — она залилась краской и все заулыбались.

— Ну, пойдём, и что? — отозвалась Хэла невесело.

Её вся эта возня отчего-то раздражала — виной была тревога, которая всё росла, как снежный ком, а может начавшиеся месячные.

— Посмотрим, — ответила Мила. — Нам и купить что-то можно. Мне митар разрешил вязать, я бы пряжу купила... а ещё можно же украшения, или заколки какие для волос... если платья нельзя, то ну... обувь можно. Вдруг ты себе сапоги сможешь найти.

— Хмф, — фыркнула чёрная ведьма, — вы, куропаточки мои, как-то забываете, что за

вещи нужно платить, а вы чем платить собрались? У домашних хоть жалованье есть, а у вас что? Или ты, Милашка моя, за пряжу серьгами своими платить будешь? А ничего, что они тут не стоят ни шиша?

Возбуждение, которое было возобладало над девушками, сошло на нет. Конечно, у них не было ничего — по сути они были рабынями, которые за еду, кров и, в данном фернате, за хорошее отношение, выполняли нехитрую работу, чтобы поддерживать каким-то там образом давнее колдовство.

— Эмм, — в дверь просунулась голова Брока, — можно?

Он скромно протиснулся в дверь, словно она больше, чем на половину, не открывалась. Ему явно было не очень уютно стоять посреди комнаты среди серых, которые сейчас во все глаза на него смотрели.

— С чем пожаловал, котик? — спросила его Хэла.

Как же она любила этого мальчишку. В ней при взгляде на него гудела колокольным звоном тоска по её собственному сыну, а ещё Брок был очарователен — Хэла видела в нём столько черт молодого Рэтаря, что зная уже о феране достаточно всяких историй, от грусти щемило сердце. А эти глаза... и что внутри опять завывало?

— Я пришёл спросить, вы пойдёте на ряды? Потому что, если не пойдёте, то мы сами пойдём, а если надо вас сопровождать, в смысле, тогда с вами пойдём.

— Нас сопровождать? — Хэла приподняла вопросительно бровь.

— Это приказ достопочтенного митара, — пояснил Брок. — Он мне сказал, чтобы я и ещё несколько бойцов с вами пошли.

— Покупки таскать? — усмехнулась Хэла.

— Эээ... а? — он стусевался и нахмурился.

— А денег он тебе случайно на покупки наши не дал? — спросила чёрная ведьма.

— Денег? — юноша нахмурился, а потом просветлел. — А, ты про камни? Дал. Я должен оплатить, если вы что-то захотите купить.

— Ох, какой мужчина, была бы я, девки, помоложе, схомутала в раз! — ухмыльнулась чёрная ведьма. — А денег-то много дал, а то нас ведь не раз-два — обчёлся.

— Нормально, — улыбнулся Брок.

— Ну, тогда, — она довольно крикнула. — Куропаточки мои, чего сидим? Давай, девоньки, шороху пойдём наведём?

Уговаривать девушек идти за покупками на чужие средства наверное долго не нужно ни в одном существующем мире. Столько радостной суеты эта комната никогда не видела. Правда оделись они по всем правилам — покрытые платками головы, капюшоны плащей. Орден монашек.

Уже очень скоро весело щебечущая процессия бодро направлялась в селение.

Хэла искренне переживала за то, как в селении встретят серых, но кажется всех унесло оживление ярмарки. На серых никто не обращал внимания.

Девушка правда держались вместе и старались не терять друг друга из виду, по одной не ходили, но эта невероятная детская радость на их лицах — оно того стоило. Они таскали за собой Брока, который, как оказалось, умел торговаться и вполне себе неплохо сэкономил те средства, которые ему были выделены на то, чтобы немного порадовать девчушек покупками какой-то мелочёвки.

Хэла устроилась на одной огромной и уже пустой бочке из под какой-то привозной браги и, взирала на суету, попивая что-то очень похожее на пиво, но потом, она сделала эту

вкусную жижу немного крепче, в надежде, что градус придаст ей чуть-чуть спокойствия и расслабит, потому что как бы ей не хотелось признавать — тревога никуда не уходила даже из её слегка пьяной головы.

— Ты чего сидишь здесь в одиночестве? — Роар подошёл к ней и опёрся на бочку.

— Да вот смотрю, как они планомерно тебя разоряют, — ответила она и кивнула в сторону, стоявших недалеко серых.

— Пустое, — махнул он рукой и рассмеялся. — Себе ничего не хочешь купить, Хэла?

— Не надо, Роар, у меня всё есть, — она подняла кружку.

— Неужели цнелю пьёшь? — он удивился и она протянула ему напиток. Попробовав, Роар поморщился и засмеялся. — Хэла, ты никогда не перестанешь меня удивлять.

— Хэла, — к ним подскочила Грета. — Посмотри какие?

Девушка протянула ей какие-то странные шарики.

— Попробуй, — предложила девушка, когда чёрная ведьма скептически уставилась в её ладонь.

— Они сладкие вроде, — кивнул митар и девушка закивала ему в поддержку, совершенно забыв о, так сказать, субординации.

— Сладёна, — рассмеялась Хэла и взяла один шарик, который на вкус был напоминающий сахарные шарики из детства.

— А почему ты голову не покрыла? — спросил Роар.

— А зачем мне? — ухмыльнулась она. — Я ж чёрная, пусть уж знают, на что можно нарваться.

— На тебе не написано, — усмехнулся митар.

— Правда? А по-моему они все это видят.

Где-то сбоку началась странная суэта, через секунду кто-то закричал, потом суэта переросла в панику. Хэла вскочила на бочку, Роар схватился за меч.

Где-то там, со стороны дома корты пекарей что-то теснило народ.

Чёрная ведьма нахмурилась, а потом стала видеть тени. Те самые, что всегда были с ней, но, когда рядом была смерть, растущие и яростно клацающие невидимыми пастями. Она попыталась их увидеть — и ясно, как будто в тепловизоре, распознала фигуры нападавших. Потом она попыталась понять, где серые и да, сейчас в первую очередь её волновали именно они, а потом уже всё остальное.

Воинов на площади было предостаточно, конечно активно защищаться было сложно из-за достаточно большого скопления людей. Она посмотрела на Роара, точнее туда, где он только что стоял и никого не нашла.

— Вот чёрт, — это было очень плохо.

Потом она увидела Донну и Маржи, которые держали на руки Найту, увязавшуюся за серыми на торги. Она махнула им рукой и девушки подбежали к ней. Дальше потихоньку из толпы вынырнули остальные серые... все, кроме Лораны и Милены.

Лорана была с Гентом, который был одним из сопровождающих их воинов. А Милена... а Милена, как всегда...

— Где Милка? — строго спросила Хэла у Карлины.

— Прости, я думала, что она была за мной, — всех потряхивало от страха.

— Хэла, — на площади появился Тёрк, несколько воинов и Элгор.

— Отведите их назад кто-нибудь, — попросила Тёрка Хэла.

— Нет времени на это, — отмахнулся он и приказал Гнарку, так же сопровождающему

их воину, отвести всех серых и Найту в дом службы.

— Мне надо туда, — женщина ткнула в сторону дома корты пекарей.

— Хорошо, пошли, ведьма моя, — кивнул Тёрк и спустил Хэлу с бочки.

Сначала они нашли Гента и Лорану — парень отбивался от нескольких нападавших, а Лорана тихо сидела на корточках возле одной из лавок.

— Лора, — чёрная ведьма присела возле неё, пока Тёрк помог Генту.

— Не могу идти, Хэла, не могу... хочу, но не могу, — шептала девушка, всхлипывая. —

Он мне говорит — убегай, а меня как к месту приморозило...

— Я помогу, — Гент поднял её на руки.

— Серые в доме службы, давай её туда и оставайся с ними, сюда не суйся, понял? —

Тёрк был сосредоточен и хладнокровен. — С Гнарком там командование на себя возьмите.

Гент принял приказ и унёс Лорану. Чёрная ведьма прикрыла глаза в поисках знакомых огней.

— Туда нам, — указала в сторону Хэла, где явно видела тени, и образ Брока под ними.

Мальчишка был ранен. Тёрк взвалил его себе на плечо.

— Сам отнесу, — рыкнул мужчина. — Откуда их столько вылезло, рваш! Как Элгор такое просмотрел? Пойдём, ведьма моя, а то не нравится мне это.

Женщина кивнула и проводила Тёрка взглядом — вот сейчас ей совсем не надо было возвращаться.

Хэла потеряла его из виду и направилась совсем в другую сторону и, вылетев на открытое пространство, она увидела Роара и Милену. На глазах Хэлы один из нападавших со всей силы воткнул меч в живот Роара — она ясно видела острие вышедшее из-за его спины. Меч митара опустился на врага и тоже прошёл его насквозь...

И... Хэла заставила всех нападавших упасть.

Она сама не поняла как у неё это вышло. Она видела только Роара оседающего на руки совершенно безумной на вид Милены, она видела лишь светящиеся силуэты врага, которые она просто... выключила? Они, как один, осели на камни площади по всему периметру, по которому нападали. Просто потеряв сознание.

А Хэла просто не смогла сделать ничего другого. Плохо или хорошо — сейчас лишь кровь и тени сгущающие тьму над митаром.

Лишь его жизнь...

Подскочив к нему она упала на колени и зажала рану руками. А что толку? Сзади на камнях растекалась алая лужа.

— Вот я как... подставился, — усмехнулся он.

— Держись, Роар, держись, родной, сейчас, мой хороший! — шептала Хэла, но на деле сделать ничего не могла. Без разрешения не могла творить такое сильное колдовство. Только гнать от него тени, чтобы не лезли к нему, отбирая остатки жизни.

Милена сидела на коленях и рыдала, сжимая до побелевших пальцев его куртку.

— Тёрк, — заорала Хэла, что было мочи, — Тёрк!

Из-за рядов выскочил Элгор.

— Роар? — он уставился на лежащего на камнях брата и застыл, не в силах пошевелиться.

— Чтоб тебя, Элгор, он умирает! — зарычала Хэла и тем самым привела его в движение.

Без труда взвалив брата себе на плечи, он понёс его в замок и Хэла видела, как его

спина становится красной от стекающей крови, а тьма становится непроницаемой.

[1] Мельница "Сестра"

[2] Би-2 "Пора возвращаться домой"

***

Сидя на полу возле двери в покои Роара, Хэла отчаянно пыталась сделать так, чтобы тени были обращены на неё, а не на митара, который сейчас был там внутри. Белую ведьму никто не посмел от него забрать — она сидела возле кровати рыдая и что-то бормоча. И видимо внутри у суровых мужчин рождалась надежда на то, что у Милены получится заговорить Роара от смерти, ведь белые ведьмы это умели, в отличии от чёрных...

Из комнаты вышел Элгор.

— И? — в коридоре стояли Тёрк, Шерга и Гир, только вернувшиеся из селения.

— Плохая рана, — глухо проговорил младший брат Роара. — Лекарь ничего не смог сделать. Он прекратил кровотечение, но времени прошло уже очень много.

— Что б тебе, — ругнулся кто-то из мужчин, но Хэла не поняла кто.

— Что с Зеуром? — спросил Элгор.

— Ничего, — отозвался Гир. — Нет его. Оставили ему сообщение.

— Нет времени на это, надо другого мага искать, — буркнул Тёрк.

— А договариваться с ним кто будет? Ты что ли? — зло бросил Шерга.

— Я своих могу поднять, — старший мужчина был на взводе. — И ферану вы сообщить не планируете?

— Хэла? — Элгор посмотрел под ноги и видимо только заметил чёрную ведьму. — Что ты тут делаешь?

— Тени собираю, — отозвалась Хэла. — Чтобы хотя бы отсюда они туда не лезли.

— Тени? — недовольно фыркнул Шерга.

— Смерть... — ответил за ведьму Тёрк. — Может возле Роара их собирать надо, а не здесь?

— С ума сошёл? — зарычал командир отряда ферана. — Нечего чёрную пускать туда, и белой хватает.

— Она ничего не умеет пока, у нас только надежда, что она поможет, — ответил старший брат. — А Хэла может, все знают.

— Ты её защищаешь с расчётом потом к стеночке прижать и между ног у неё наконец побывать?

Тёрк издал какой-то весьма страшный звук и Шерга отскочил от него на расстояние, которого было бы достаточно, чтобы не получить кулаком куда бы то ни было.

— Тихо! — рыкнула Хэла. — Вы множите тьму! Хотите померится членами, вон идите, а тут и без вашего хватает черноты.

Элгор присел перед Хэлой.

— Ты можешь сделать так, чтобы он не умер до тех пор, пока придёт маг?

— Я могу только пообещать тебе, — прошептала она с трудом, — что, пока я жива, я буду отгонять от него смерть и поддерживать в нём его свет.

— Тогда иди, — кивнул он ей. И Хэла посмотрела на него с недоверием. — Мне больше некого сейчас просить, ведьма.

— Не делай этого, Элгор! — Шерга был весь налитан необузданной тьмой, которая сейчас кидалась на женщину, потому что он её ненавидел.

— Молчать. Бронар здесь пока ещё я, и Роар мой брат. Решать мне, — прохрипел Элгор

в сторону командира отряда ферана. — Хэла, иди...

Она кивнула и зашла в комнату, не слыша, что уже там происходит за её спиной.

Тьма здесь была почти непроницаемой. Времени было так мало, что хоть плачь. Но Хэла не могла ничего сделать без разрешения. Правила её призыва лежали на ней мёртвым грузом. Ей разрешили отгонять тьму, поддерживать жизнь, а не лечить, а она смогла бы вылечить — наложить руки и излечить, и дело было не в том, что ей не простят, она бы сделала всё, даже несмотря на кару, но без разрешения порой просто нельзя было колдовать, ничего не получалось правильно, а может станет хуже. Потратила бы силы без толку.

Просить у Элгора было бесполезно, она видела это. Несмотря на то, что он был сейчас страшно напуган, подавлен, он был упрям и Хэле не доверял, презирал. Она надеялась, что страх за Роара пересилит эту неприязнь, но когда? И не станет ли слишком поздно? Только если позовут другого мага... хотя это было, ой, как не просто. Одна надежда была на то, что придёт Рэтар и тогда разрешит Хэле вылечить своего тана... но почему-то чёрной ведьме казалось, что Элгор ферану не сообщит, Шерга подавно. Тёрк... только если Тёрк...

— Ты можешь его вылечить, — самое доступное, что можно было бы сделать, это просить Милену, её сила была иной, не чёрной, всё по-другому.

— Не могу, не могу... я не понимаю, я вообще ничего не понимаю, — девочка была в дичайшей истерике, она трясла головой и всё хваталась на рукав Роара, словно это она умирала, а не он.

Хэла вздохнула и стала творить свою работу. Это было невероятно сложно, особенно когда рядом сидит достаточно сильная другая ведьма и внутри неё беснуется столько боли, отчаяния и страха, что им можно было заполнить весь Трит снизу доверху.

Где-то за дверью взвыла Мита. Хэле не сложно было представить, как женщина под тяжестью своего горя оседает на пол, а сильные руки воинов пытаются держать её и успокаивать. Повариха Горанов любила Роара. Она выкормила его. Она вырастила его. И для неё сейчас здесь умирал не достопочтенный митар Изарии, а её сын.

В комнату зашёл Элгор. Чёрная ведьма открыла глаза и поняла, что за окнами уже почти стемнело — день почти прошёл.

— Хэла... — бронар силился сказать, но у него это получалось с невероятным трудом. — Зеур... он не сможет пока прийти. Ты... его можно спасти? Ты можешь его спасти?

Она уставилась на почти безжизненное тело Роара и теперь, когда смерть почти забрала его, когда огонёк внутри тлел у неё был только один способ для его спасения и её передёрнуло от осознания того, что именно ей придётся сделать.

— Могу, — прошептала она, потому что сил почти не осталось.

— Тогда спаси его, Хэла, — голос Элгора был дрогнувшим, потухшим, как и он сам.

— Вам надо выйти и оставить меня с ним наедине, — сказала женщина. — Пока не скажу не заходить, иначе тени и тьма вас поглотят, я не смогу защитить всех... понимаешь?

Элгор кивнул, она не видела, она просто знала, что он кивнул.

— Милена, — Хэла тронула девушку за плечо.

Та казалось успокоилась, но это просто слёзы высохли из-за долгого плача, не было сил на что-то и она просто потерялась в самой себе. Непонимающе моргая, она всё же дала Элгору себя вывести из комнаты. Там она дёрнулась к закрытой двери, но мужчина не дал ей пройти и она, бессильно осев в его руки, снова зарыдала.

Хэла встала и попыталась найти иной способ от того, который ей усиленно подсовывал её внутренний колдовской мир.

— Желания имеют мерзкую способность сбываться, — прошептала она, силясь не заплакать.

Подобрав юбки, она забралась на Роара и села на него сверху, положив руки на рану.

— Знаешь, было у меня один раз, дорогой, вот почти такое же приключение, но тот был не такой шикарный, как ты, и не умирал, а был мертвецки пьян, да и не было у нас ничего... я как-то люблю, чтобы мужчины были поактивнее, а не вот это вот всё, — она горько усмехнулась, понимая, что шутками просто пытается привести себя в порядок.

Но у Хэлы не осталось выбора — или спасай или в целочку играй.

Раздеть его у неё никак не поднималась рука, но тьма стала совершенно непроницаемой и пришлось стиснуть зубы, потому что внутри у неё уже тьма не помещалась и грозила уничтожить самую чёрную ведьму.

— Прости, Роар, родной, — всхлипнула она и вставила в себя его член, а потом пропустила через себя ток, который ушёл в его тело.

Отзыв был моментальный — Роар открыл глаза, руки его легли на бёдра Хэлы и через юбки платья она явственно почувствовала ту силу, которая была в этом мужчине... пожалуй может даже синяки останутся.

Кровь усилила свой бег по его телу и Хэла ощутила это во всей мере.

— Ох, — она всё ещё пыталась шутить, хотя из глаз неконтролируемо текли горькие слёзы. — Хорош молодец, жаль, что это у нас не по обоюдному согласию, да?

Взгляд Роар был абсолютно пустым, она даже не знала, а видит ли он её, и очень хотелось, чтобы он, придя в себя, напрочь забыл обо всём, или, ну, пусть в голове он думает, что это Милка была... но морально от этого легче не становилось.

Хэла отпустила магическую силу и на её глазах внутри Роара стал снова разгораться огонь. Из маленького тлеющего, он превратился в огромное пламя, которое собственно всегда и горело внутри него и, чего говорить, Хэла любила на это пламя смотреть.

Вообще огонь каждого, кто её окружал был особенным и всегда невероятно красивым, у Роара был сильным, ярким, оранжевым, у Тёрка сильным, тёплым, жёлтым почти всегда, но больше всего ей нравился огонь Рэтара — силы в нём было в разы большее, он был буйным, яростным, горящим, как зарево, жестоким, таким, который не потушишь, и она как замороженная обычно смотрела, как он его внутри себя умирал.

Роар выгнулся под ней, его семя заполнило её, волна тепла пробежала по телу и вернулась обратно к нему, а тени шипя и яростно извиваясь, как и в прошлый раз, когда она спасла сына Элгора, озарились ярким светом, пройдя сквозь весь дом, всё ухнуло, завопило и успокоилось.

Роар стих, руки его, стальной хваткой державшие бёдра Хэлы, ослабли и опустились, дыхание стало ровным и, наконец, сильным, как прежде.

Она аккуратно слезла с митара, оправив его одежду и свои юбки, почувствовала как тени зовут её. Чёрная ведьма почти теряла сознание от бессилия, но, найдя в себе силы, всё-таки села возле изголовья кровати и уткнувшись в плечо Роара прошептала сквозь слёзы:

— Прости меня, родной, — прошептала она, глядя его по голове. — Прости, я не знала как ещё можно. Забудь об этом, мальчик, хорошо? Я так виновата, но мне надо было тебя спасти... хотя бы так...

Поцеловав его в лоб, она на непослушных ногах вышла из комнаты. Она не видела уже

почти ничего из реального, но всё из скрытого. Слишком много отдала... слишком сильно тени вьелись в неё.

Она видела Элгора прижимающего к себе рыдающую Милену — да он влюблён в неё по уши... боги, неужели поэтому так себя ведёт? Ревнует? Бесится из-за Роара? А вообще знает? Ох, не дурак, понял уже наверное, что у них что-то есть, да и чего ей так вот рыдать? Или из-за своего страха брата потерять ничего не соображает?

Навстречу из комнаты, где был портал, вылетел Зеур. Всклокоченный и взвинченный. Ему тяжело давался каждый шаг, словно было что-то, что его изнутри изводило, но он словно и не заметил Хэлу, бредущую по коридору.

Шерга был на лестнице, она с таким трудом сдержалась от того, чтобы не погасить его огонь... она может гасить внутренний огонь?

Но вот знаешь, что можешь затушить горящую свечу или спичку? Знаешь... можешь... но проверить ведь нельзя.

Мужчина отшатнулся от неё, как от прокажённой.

Выбравшись с трудом на воздух и втянув его всей грудью, облегчения найти не получилось. Хэла добралась до каменной скамьи, одной из тех на которых совсем недавно лежал Тёрк и устало на неё опустилась. Хараги оцетинились и побоялись к ней подходить, забившись в самый дальний угол своего своеобразного загона.

— И ты, Брут? — прошептала ведьма и слёзы уже бесконтрольно полились из её глаз.

Она почти впала в истерику. Ей хотелось пойти на реку и окунуться в неё и вода бы всё забрала, тени, что были внутри... и жизнь.

— Хэла, ведьмочка, ты что? — руки Тёрка выдернули её из рыданий. — Зеур же сказал, что ты его спасла, ты чего рыдаешь, милая моя, Хэла?

Она обняла его и уткнувшись в грудь завывала ещё сильнее.

— Ну-ну, девочка моя, поплачь, хорошая, поплачь, — Тёрк обнимал её одной рукой, а второй гладил по голове. — Что мне сделать, чтобы помочь? Ты только скажи, я всё сделаю, Хэла... для тебя всё, родная моя! Деточка.

С наступившей ночью тени стали ещё более яростными. Внутри у чёрной ведьмы всё рвалось, боль и стыд за то, что сделала, съедали изнутри. И не важно, что спасла, не важно... можно было подождать мага, можно было не делать этой мерзости.

— Тёрк, родной, прошу тебя, пообещай мне, что если тьма меня заберёт, ты передашь Рэтару, что мне очень жаль, обещаешь, пожалуйста, я тебя очень прошу, — она шептала так быстро, как только получалось, иначе она не сможет больше ничего сказать.

— Боги, Хэла, не надо так, — мотнул он головой, сильнее прижимая её к себе. — Всё будет хорошо, ты же справишься, ты же у нас сильная, что тебе тени, правда, Хэла? Не пугай меня так...

— Пообещай, Тёрк! — упрямо проговорила она.

— Обещаю, обещаю, моя хорошая, я передам, но не случится этого, правда, ты устала очень, на тебе лица нет, как в прошлый раз. Иди поспи, родная... хочешь отнесу тебя, если идти не можешь? Хэла... прошу тебя, Хэла... пойдём?

— Я сама, — мотнула она головой. — Не надо... не надо, Тёрк.

Она с силой втянула в себя воздух успокаиваясь. Разум стал словно ледяным. Она встала и мужчина не стал её держать, он лишь кивнул ей вслед, и она почувствовала его тоску... по ней? Неужели? Нет... нет...

В коридоре женщина наткнулась на Элгора.

— Хэла, — он был странным, внутри словно рвалось на части — с одной стороны желание поблагодарить её, а с другой гордость и юношеская надменность. — Ты Роара спасла, так Зеур сказал. Я...

— Отпусти меня, достопочтенный бронар, — она сама чувствовала, как начала леденеть изнутри.

— В смысле?

— Мне нужно куда-то отсюда уйти, очень нужно... иначе я всё тут испорчу, понимаешь? Слишком много внутри тьмы сейчас... прошу тебя, дай мне уйти.

Бронар нахмурился.

— Зеур сказал, что ты можешь захотеть уйти... иди, — кивнул юноша. — Я не смогу отблагодарить тебя. Я буду должен тебе, ведьма.

— Не надо, я не возьму с тебя этот долг, я ценю твоего брата и спасла его, потому что хотела, чтобы он жил.

Элгор повёл головой неуверенно, но согласно. Прошёл дальше, а Хэла с трудом, никем не замеченная с случившейся суете, поднялась наверх, зашла в комнату с порталом и войдя в него просто закрыла глаза, подумав о том, что ей нужно туда куда её зовут тени.

Портал дёрнулся, Хэла исчезла и пришедший привратник в недоумении уставился в пустоту — порталы не работают без участия проводника или трифа, ключа портала, что были только у Горанов.

Глава 23

В детстве, когда мама и папа ругались, Милена всегда чувствовала себя виноватой, так словно они ругались из-за неё или на неё, а не между собой на совершенно не касающиеся Милену темы. И дело до их склок было только ей — ни Колька, ни Маринка вообще не обращали на это внимания.

Часто, после ссор, мама могла просто собраться и уйти в неизвестном направлении и не возвращаться несколько дней. И такое поведение было привычным и обыденным, Милена даже считала, что в других семьях так же. Но потом узнала, что нет. В других мамы так себя не ведут... Что до папы — он просто ждал.

Он делал всё, что мог, для троих своих детей, и ждал, когда его жена вернётся обратно.

Колька всегда злился на маму за эти её вспышки, а папу порой даже открыто презирал за малодушие. Марина всегда была на стороне мамы, она и, став более менее взрослой, настолько ярко переняла мамину манеру поведения, что Колька, когда ушёл из дома, прямо так и сказал: “ладно с одной стервой жить, но с двумя — ни за что!” Папа тогда сильно ругал Николая, но уже после того, как брат, с силой закрыв дверь, вышел вон.

Вернулся в дом старший брат Милены только, когда папа умер, и то чтобы забрать папин проигрыватель для виниловых пластинок, и сами пластинки, чтобы “стервозины не разбили или не выкинули на помойку, как все папины вещи”.

Что до самой Милы, то она обожала папу и просто хотела, чтобы он был счастлив. Поэтому, когда мама уходила, очень хотела, чтобы она вернулась, несмотря на то, что мама Милену терпеть не могла.

Когда папы не стало, а Милена стала виновницей его смерти, всё в жизни девушки как-то привязалось именно к этому событию. Словно не было ничего до и не было ничего после. Просто беспросветная тоска по папиному голосу, по его улыбке, по его доброте и участию, потому что больше никому кажется Мила не была нужна в этом мире. Точнее том мире.

И, вот она сидела на полу возле кровати Роара, и ей казалось, что всё это только её вина.

Это она виновата. Это её он хотел защитить, а значит это из-за неё умирал... виновата Милена. А потом пришла едкая, злая зависть — Хэла его лечила... а Мила не смогла. А ведь должна была!

Чёрная ведьма ушла и пришёл маг.

— Ого, — он был искренне удивлён. — Это сделала Хэла?

— Да, — отозвался Элгор, тихо стоящий в дверях и всё ещё обнимающий Милену, которая была настолько не в себе, что готова была вот-вот свалиться в обморок.

— Это просто, даже не знаю какое слово применить, — Зеур хмыкнул, расставляя над Роаром руки. — А способ... способ-то какой...

И он хохотнул, как-то нервно, неприятно. Милена была не в себе, но этот дёрганный хохоток вывернул её, зацепил.

Элгора позвал кто-то из бойцов и он, прислонив Милену к дверному косяку и убедившись, что она не упадёт, отошёл. Девушка пошла вперёд, её отчаянно тянуло к Роару, просто потому что было чувство, что если она его отпустит, то он умрёт и вот эти мгновения, пока Хэла была с ним наедине пугали и доводили до паники.

А она точно его вылечила? Он точно не умрёт?

— Не умрёт, — будто прочитал её сбивчивые мысли, отозвался маг, когда она подошла к кровати и снова вцепившись в его рукав. — Этим способом конечно обычно убивают. Чёрные ведьмы убивают. А тут... не ревнуешь? Могла бы и сама это сделать.

Милена непонимающе посмотрела на него, но он был поглощён митаром и на неё не смотрел.

— Это правда невысказано. Единением, через чрево... эта ваша чёрная ведьма меня поражает. Вот Роару будет весело узнать, когда в себя придёт, — ухмыльнулся маг. — Надо было сразу её в постель тащить, она бы тогда силёнок побольше ему отдала. Хотя, конечно, кто в здравом уме будет с чёрной ведьмой спать. Вот белая это намного приятнее.

И тут он глянул на Милу, уставился своим словно замутнённым взглядом, от которого стало неприятно и неудобно.

— Зеур? — вернулся Элгор.

— Всё хорошо будет, — отозвался маг и отошёл от Роара, поворазиваясь к бронару. — Шрам пока оставлю, если захочет я его уберу. Ты, это, если Хэла уйти захочет — отпусти её. Ей надо после такого в себя прийти.

— В смысле отпустить? — не понял тот. — А если она сбежит?

— Элгор, — Зеур ухмыльнулся, — что ты как ребенок? Как ведьму можно потерять, если она призывом связана? Её достопочтенный феран из любого места, с нашей помощью, вытащить может, если захочет. Да и куда она денется? Так, в себя придёт и вернётся. В ней просто теней много, она тут смерти набрала прилично, так что надо куда-то, так сказать, деть. Погуляет по лесу или по полю вон. Помрёт может кто из простых, если с ней встретиться, или скотины пара голов, а в доме оно тебе надо? Ты не феран, сдержать её не сможешь, а она у вас уж очень страшна!

— Хорошо, — ответил на это бронар. — Если попросит.

— Ты ферану-то сообщил? — поинтересовался маг.

— Нет, пока, не успел, — буркнул Элгор.

— Не тьяни, а то несдобровать тебе, — предупредил Зеур.

— Мне и так несдобровать, — ответил парень не весело. — Это моя вина, что такое случилось.

— Не переживай, скоро в себя придёт, — маг похлопал его по плечу. — Он у нас настоящий Горан.

— Ага, — отозвался бронар. — Гораны долго не живут...

— Это потому что вы все отбитые и с головой не дружите, — усмехнулся маг. — Пошёл я, если что — зови.

И Зеур ушёл. Элгор постоял рядом с Милой и Роаром ещё какое-то время, потом тихо спросил:

— Может тебе стоит поспать немного?

— Нет, — она отчаянно замотала головой. — Можно я тут побуду, не выгоняйте меня, пожалуйста.

— Тихо-тихо, — остановил её Элгор. — Никто тебя не выгоняет.

— А может стоило? — Шерга стоял в дверях и ухмылялся. — У нас же всё наоборот? Раз чёрная лечит и жизнь в себе несёт, то может белая приносит несчастья и смерть?

Он будто ударил её, наверное никакая пытка не смогла бы принести столько боли, сколько вот эти полные яда и зла слова. Милена сжалась, хлебнула воздуха.

— Шерга, — зарычал Элгор. — Пшёл вон!

— Не зарывайся, малец, — прорычал мужчина и, медленно вышел, закрыв за собой дверь.

Мила же так силилась больше не плакать. Так старалась прийти в себя, но ничего не получалось, а сейчас... сейчас... может она и вправду приносила несчастья? Она убила папу, а теперь почти убила Роара. Элгор присел рядом и обнял её.

— Тише, тише. Ш-ш-ш, не плачь, Мила, не надо, — погладил её по голове юноша. — Он же жив, слышишь, он не умер, и не умрёт, хорошо всё.

— Это я виновата, я виновата, он же меня защищал, это я такая... никчёмная я, ни на что не гожусь, — слёзы накрывали волнами, с силой разрывая всё внутри.

Милена сидела в объятьях Элгора и стучала по нему кулаками, со всей силы, со всей своей болью, растрёпанная, вся в крови, рыдающая уже не один час, заикающаяся, с сорвавшимся голосом.

— Мила, Мила, — Элгор взял её за плечи и тряхнул, он был таким сильным, что она будто и не весила ничего, метнувшись в его руках, словно её током ударило. — Это я виноват, слышишь? Я. Это я недосмотрел, я пустил их в селение и твоей вины в том, что случилось нет. Только моя. И Роар защищал бы любого — тебя, меня, да кого угодно, понимаешь?

Но она замотала головой, он вздохнул:

— Ты, моя девочка, не надо так, прошу тебя, хорошо? Не надо... — его руки обняли её мокрое от слёз лицо. — Не плачь, он будет жить, не оплакивай живого, Мила, — прошептал он с болью.

Она посмотрела в его глаза, тёмные, почти чёрные, полные такого невероятно сожаления и боли... он же его брат. Брат и больше никого нет. Вот сейчас он был похож на ребёнка, который почти всё потерял. Он был таким же как она... только ей можно было плакать, а ему нет.

И она всё смотрела в его глаза и тонула в чёрном омуте, обычно таком опасном и непроницаемом, а сейчас таком открытом и ранимом. Пальцы Элгора с нежностью вытирали её слёзы и ей на минуту с ужасом показалось, что сейчас их обоих унесёт куда-то и

это будет совсем плохо, совсем жутко, совсем ужасно... но Элгор нагнулся к ней и поцеловал в лоб. А потом он встал и ушёл, оставив её наедине с Роаром, наедине с тяжёлыми мыслями и вдруг на неё навалилось понимание слов мага.

Хэла спасла Роара... как?

Милена уставилась на мужчину, лежащего на кровати, на его мерное дыхание, на его бледное бескровное лицо — она любила этого мужчину... любила? А Хэла?..

И ураганом взвилась яростная ревность, боль скрутила её в тугой узел, до тошноты, до воя, до ужаса, что хватал за горло и душил... душил... вот бы умереть от этого удушья. Вот бы её не стало и что тогда? Всем было всё равно. Там дома никто и не заметил ведь что она пропала, правда?

“Это из-за твоей никчёмности отец умер! Лучше бы ты умерла, а не он! Пропади ты пропадом...” — последние слова матери, которые услышала Милена застучали у неё в голове.

— Пропади ты пропадом, — повторила девушка и взвыла беззвучно, кусая свои пальцы.

Кому она приказала только что пропасть? Себе или Хэле?

Мила так и уснула, а может просто потеряла сознание от невозможности уже понимания происходящего и всего этого безумия, что на неё навалилось. Разбудил её Элгор и приказал идти вниз переодеться, привести себя в порядок и чего-нибудь поесть, ну или хотя бы выпить отвара из трав, пока он побудет с Роаром.

Сначала она отказывалась, но бронар возражения не принял — убедительно заявив, что меньше всего надо, чтобы Роар пришёл в себя и увидел рядом с собой белую ведьму в том виде, в котором она сейчас была. И Милена согласилась.

Девушка ни с кем не разговаривала, ни на кого не обращала внимания, она просто на автомате сделала всё, что ей было приказано — помылась, передела платье, причесалась... Потом словно в забытьё вернулась обратно в комнату митара.

Элгор лежал на полу растянувшись вдоль кровати Роара. Руки его были под головой, а глаза закрыты. Милена подошла к нему и присела на корточки, обняв руками колени. Он приоткрыл один глаз и глянул на неё:

— Так намного лучше, — тон его был почти привычный, немного надломленный, но тот самый дерзкий и грубоватый.

Мила кивнула, внутри жалея, что этот Элгор вернулся, и не успела даже моргнуть, как рука его схватила её и потянула на себя. Потеряв равновесие, девушка сначала упала на него, а потом, подхваченная его руками, оказалась под ним, надёжно прижатой к полу всем его весом.

— Так вообще хорошо, — усмехнулся он, а потом его губы накрыли её, и Милена потерялась.

Поцелуй был, как и прошлый — грубый, жестокий, горячий, но как бы ей сейчас хотелось, чтобы такой же ужасный, как тогда... но внутри снова взметнулась обида и она, боже, господи, уже никто кажется не спасёт её душу, закрыв глаза, ответила на поцелуй...

Но Элгор в этот момент отстранился, Милена открыла глаза и встретила с жестоким и смеющимся взглядом.

— Сладкая, — прошептал он, облизывая губы и вставая. — Надо же было тебя как-то взбодрить.

Бронар ухмыльнулся и вышел из комнаты.

А Милена осталась тонуть в болоте — можно упасть ещё больше? Уйти на дно ещё

глубже?

Она лежала на полу и прижимала руки к глазам, пытаясь вспомнить, как дышать.

Её снова ударили... хлётко, жестоко... а она вообще достойна жизни?

Милене захотелось, чтобы её обняли, погладили по голове, ей хотелось утешения и слов поддержки, но она была одна, одна... лежала на полу возле кровати Роара и только что целовалась с Элгором, пока там на кровати лежит раненый мужчина, которого она любит... ведь любит, любит!

А под вечер Роар очнулся, посмотрел на неё совершенно пустыми глазами и спросил:

— А где Хэла?

Мила опешила, на глаза навернулись слёзы:

— Я не знаю, — ответила она ему едва слышно.

А он кивнул, закрыл глаза и опять потерял сознание.

И ревность, которая почти унялась, почти подчинилась смирению и пониманию причин и следствий, снова взметнулась лютым пламенем внутри девушки.

“Пропади оно всё пропадом...”

Глава 24

Роар открыл глаза и огляделся. Он был в своей комнате, в открытое окно попадал холодный воздух, утро ещё до конца не вступило в свои права и лучи Изара только начинали озарять горизонт с виднеющимися на нём хребтами гор.

Когда он был ребенком эта комната принадлежала его отцу и он проводил в ней много времени — отца почти никогда не было и маленькому Роару позволяли жить здесь.

Хотя обычно в Трите дети жили на третьем этаже замка, там, под крышей, были небольшие комнатки в которых они спали по двое или по трое, в зависимости от того, сколько детей находилось в замке в тот или иной промежуток времени. В комнатах под крышей всегда было сухо и тепло, а когда открывали все окна то по комнатам гулял ветер, завывая под закрытыми дверьми.

Если Роар жил в отсутствие отца здесь, то часто, просыпаясь, находил Элгора спящим возле кровати на полу. Младший брат приходил к старшему, особенно когда тот самый завывающий из под дверей ветер становился невыносимо угрожающим и громким. Роар брал Элгора на руки и укладывал рядом с собой. А если он и сам спал там же наверху, со всеми вместе, то младший брат приходил спать к нему в ноги, словно фицра.

Сейчас рядом с Роаром спала Милена. Она была бледной и несмотря на сон выглядела уставшей.

“Напугал я тебя, маленькая,” — подумал Роара, изучая её, и у него защемило сердце.

В голове проигрывался бой — как он вообще мог так попасться? Тот воин, что ранил его, он знал, что умрёт, но знал, что скорее всего этот последний выпад будет удачным.

Чего вообще хотели эти шальные люди? В Изарии такие нападения были редкостью, но это до того, как начался этот непрекращающийся холод, а с ним пришёл и голод. И он побуждал людей на разбой, воровство и другие страшные вещи.

“Надо было проверить обозы торговцев самому”, — вздохнул он, недовольно. Дёрнул рукой и понял, что рука Милены стальной хваткой держит его рукав.

— Роар? — голос был хриплый, почти не слышный, глухой такой дорогой.

С тех пор как потерял голову в бринте, он пытался разобраться, что с ним такое происходит. К Милене словно тянуло невидимыми нитями, наверное с самого того момента, как он её увидел впервые.

Думал, что дело в крови, но после близости с ней, понял, что кровь была не при чём.

Мысли возвращались с тому, что случилось, к потерянной, словно он неразумный мальчишка, голове. Ему безумно хотелось эту женщину — ловить её взгляд, слышать голос, вдыхать запах волос, прятать в них лицо, чувствовать дыхание, ровное, когда спит, или возбуждённо прерывистое, когда теряется вместе с ним от их близости.

Роар бы бросил всё, закрылся с ней в комнате, чтобы никто не трогал их, не мешался. И, получив это совсем на немного, его переполнила диковатая радость и это пугало. Роара раздражало, что он не мог открыто заявить, что это женщина принадлежит ему. И странно было, ведь у него были женщины, разные: знатные, простые, наложницы, да и серые... и вот такого не было. Словно он безумен. Даже с Язой не было, а её он любил — Роар точно знал, что любил.

Но, когда видел невообразимо красивые глаза цвета тариса, ему хотелось смотреть в них вечность. И в голове была мысль, что может это не просто желание, которое пройдёт, притупится, отпустит...

Сейчас Роар невообразимо рад был видеть её лицо, протянув руку, прикоснуться к щеке.

— Испугалась, маленькая? — прохрипел Роар и боль ударила под дых и прошла по всему телу. Он прислушался к себе, понимая, что задело сильнее, чем подумал.

— Очень, — кивнув, прошептала она одними губами.

Милена выглядела невообразимо уставшей, какой-то потерянной, замученной.

— Всё хорошо, — улыбнулся он, вдохнул и закрыл глаза, пытаясь понять, как себя чувствует. Его столько раз лечили маги, что он уже точно знал как именно он должен был себя ощущать сейчас, но всё было иначе.

— Как ты? — спросила она.

— Странно, — ответил он шуря глаз.

В нём бурлила сила, словно он не был ранен вовсе, а обычно после магов чувствуешь себя побитым не только морально, но и физически. А сейчас плохо было только в душе и может разве что была боль, которая обычно очень быстро проходила, но сейчас — какие-то совершенно противоречивые ощущения.

— Зеур приходил? — задал он вопрос, который первым пришёл на ум — вполне возможно, что его просто лечил другой маг, оттого ощущения другие.

— Да, — кивнула Милена.

— Жажда мучает, страшная.

— Сейчас, — она засуетилась и налила из кувшина воды.

Сесть у Роара получилось, но с трудом — опять странно. Рана болела. Он поднял рубаху и изучил рубец. А это вот как раз странно не было. Маги никогда не лечили до конца, всегда несколько раз, да и понимание, что рана была очень тяжёлой, у видевшего разные раны в своей жизни Роара, тоже было, а значит вылечить такое за раз было весьма сложным делом.

— Сколько я тут валяюсь? — спросил митар.

— Трое суток, — она нахмурилась, поправилась, — то есть три мирты.

Дверь с силой открылась и в проёме появился дико злой и всклокоченный Рэтар. Увидев сидящего Роара феран шумно выдохнул и лицо его немного смягчилось.

— Тан, — прохрипел митар.

— Чтоб тебе, Роар, — рыкнул на него Рэтар.

— Я жив, — отозвался тот, пытаясь успокоить тана.

Рэтар была взводе, уж это митар видел и точно знал. Вот тот самый момент, когда

надо по идее спрятаться бы, но понятно, что всех вокруг искренне спасало то, что Роар в сознании, сидит, разговаривает и не истекает кровью. От воспоминания митар поморщился.

— Подставился, как неумеха, — митар повёл головой и виновато улыбнулся.

— Нельзя оставить ни на мгновение, — Рэтар подошёл к нему и они обнялись.

— Прости, тан, — повинулся Роар. — Откуда тебя выдернули?

— Из Ханота, — ответил феран, вглядываясь в тана, потом переводя взгляд на рану.

— Ого, быстро ты, — заметил тот, наблюдая, как недовольно хмурится Рэтар. — Совсем немного осталось.

— В бездну, — отозвался феран и посмотрел на Роара, — отправлю отчёт, как есть, с посланником, и не собираюсь вообще пока слышать об этом.

В коридоре началась какая-то суета.

— Что ещё? — зарычал Рэтар, разворачиваясь. — Эй?

Митар заметил, как вздрогнула от его крика Милена, потом перевёл взгляд на одного из стражников, который повернулся на зов ферана.

— Пришли вести из Шер-Аштар, достопочтенный феран, — отозвался стражник.

— А что там? — спросил митар, хмурясь.

— Нападение было, — пояснил феран. — Отдыхай, давай. Позднее приду.

И он ушёл, оставив Роара наедине с Миленой, которая всё время присутствия в комнате ферана кажется даже не дышала.

— Страшный он? — усмехнулся митар.

— Что? — она взглянула с непониманием, потом поняла смысл слов и покраснела. — Нет, нормально всё. Просто его не было... а тут появился.

— Порталы дело такое, — ответил на это Роар. — Хорошо ещё, что мы можем себе их по средствам позволить и почти во всех основных крепостях по границе они есть.

— А разве дело в средствах? — спросила девушка.

— Да, в некоторых фернатах вообще один портал в главном городе и всё. Без средств портал не создать. Это дело такое... магическое, сложное и очень затратное.

Митар стал вставать с кровати.

— Стой, Роар, что ты делаешь? — Милена вцепилась в него, пытаясь остановить.

— Спокойно, — улыбнулся он и поцеловал её в макушку. — Хорошо всё. Никогда так долго без дела не лежал и поскольку пока тобой полноценно заняться не могу, помоги мне рубаху переодеть, и пойду послушаю, что там делается. В Шер-Аштар всегда очень сильные потери, а это значит, что надо мне свой отряд поднимать и туда отправлять быстрее, чем планировалось.

Забирая у него кровавую рубаху и протягивая чистую, она что-то хотела сказать.

— Никуда не уходи, хорошо? — он подмигнул ей и вышел в коридор.

— Ого, достопочтенный митар, пришёл в себя, — громыхнул Тёрк со своего поста возле дверей в рабочую комнату ферана.

Роар прихрамывая от боли прошёл к нему.

— Жив? — ухмыльнулся мужчина.

— Жив, — кивнул митар.

— Вовек с Хэлой не расплатишься теперь, — повёл головой Тёрк.

— С Хэлой? — нахмурился Роар.

Тёрк расставил в стороны руки и удивлённо приподнял бровь.

— Ну, а с кем?

— Подожди, а Зеур? — спросил митар.

— Что Зеур? — фыркнул Тёрк. — Маг пришёл, уже когда ты целёхонький был и вполне так себе не умирающий. Кажись он вообще ничего не делал. Шрам-то убрал?

Роар мотнул отрицательно головой, пришло понимание, что причина его странного самочувствия в том, что это было не лечение мага, а лечение ведьмы.

— А где Хэла? — спросил он.

— Наверное в комнате серых, — пожал плечами старший тан. — Как после Эроны, в себя приходит. Но она так рыдала после того, как тебя у смерти отбила. Никогда не видел, чтобы Хэла плакала, не то что рыдала.

— Рыдала? — и Роар тоже не мог вспомнить, чтобы слышал или видел, как Хэла плачет.

— Душеньку вытянул ты из неё, ух, взгрею тебя, если она захворает, — рыкнул Тёрк. — Сожру, засранца.

— Согласен, — рассеянно кивнул Роар.

Мимо прошла девушка из домашних, митар остановил её и попросил узнать, как там Хэла. Девушка поклонилась и ушла, а митар, повернувшись, увидел Брока, пришедшего сменить Тёрка. У мальчишки была повязка на щеке и заканчивающаяся на шее.

— Ты чего такой красивый? — нахмурился Роар.

— Так его не ведьмы с магами лечат, — хохотнул Тёрк. — Хочет на отца походить.

— Хорош, Тёрк, — взвился юноша. — Ранили на рядах меня. И в бок ещё.

— Красавец, — не унимался старший мужчина.

— Феран видел? — спросил митар.

— Нет ещё, — отозвался Брок и устался в пол.

— Ладно, — Роар толкнул дверь в рабочую комнату ферана и вошёл внутрь.

Рэтар изучал списки раненых и погибших в отчёте из Шер-Ашгар, а возле него стоял Элгор. Младший брат выглядел так, словно по нему пробежало стадо тоор, Роар едва заметно ухмыльнулся. Элгор взглянул на него и глаза его прояснились. Они кивнули друг другу и митар протянул руку к отчёту. Феран отдал ему один из листков бумаги, на которой был выведен длинный список.

— Подожди, раненые? — Роар в недоумении смотрел на имена воинов и несколько раз сверился с тем, что было написано сверху. Ошибки не было — раненые.

— Да. А это погибшие, — на втором листке было шесть или семь имён и это было настолько необычно, что озадачивало.

— Может перепутали чего? — спросил Элгор.

— Может, — согласился феран, хмурясь. — Я запросил ещё один. Посмотрим. Может те, что ранены, очень быстро станут погибшими, — заключил он. — Иди отдыхать, Роар. Справимся без тебя.

— Я хотел сказать, — начал митар, вздыхая. — Я виноват...

— Да хватит, а? — взвился Элгор, перебивая брата. — Иди уже отсюда, вечно виноватый. Вина на мне и нечего её на себя вешать. Я не ребёнок, Роар. Уж могу ответить, если виноват.

— Элгор, — повёл головой старший брат.

— Что? — возмущённо рыкнул младший. — Ты ещё скажи, что тебе надо было за мной торговцев проверить.

— Хватит. Оба, — спокойно отрезал феран. — Роар, иди.

Митар вздохнул и вышел — кажется брат всё-таки вырос. Возле двери в коридоре стоял Брок, а Тёрк наверное ушёл отдыхать. Они кивнули друг другу и Роар пошёл к себе. У двери его догнала та самая служанка, которую он попросил узнать о состоянии Хэлы.

— Достопочтенный митар, — девочка поклонилась — В комнатах серых чёрной ведьмы нет.

— В смысле? — спросил он. — Ушла куда-то?

— Нет, достопочтенный митар, они, серые, не знают, где чёрная ведьма.

— Как так?

— Серые сказали, что с момента нападения не видели её. Они думали, что она у вас, достопочтенный митар, как и белая ведьма.

Роар пытался понять, что только что услышал, а девочка ещё раз поклонилась:

— Могу я идти, достопочтенный митар, или будут ещё просьбы?

— Нет, иди, — он отпустил девушку.

Служанка ушла, а у Роара внутри начала разрастаться пустота, мерзкая, пугающая, скручивающая. Митар толкнул дверь в свои покои.

— Где Хэла? — с порога спросил он у Милены.

— Я не знаю. Я почти всё время была здесь, — ответила белая ведьма. — В спальне серых наверное.

— Её там нет, — сказал Роар и всмотрелся в девушку.

— Я не знала. Я... — она побледнела, спрятала взгляд, нелепо скрутила юбку платья, и внутри у него щёлкнуло.

— Не смей мне врать, — и одного его шага было достаточно, чтобы нависнуть над ней, отчего Милена сделалась совсем крошечной, и от того, что он сейчас так плохо с ней обходился, его почти выворачивало.

— Я... не знаю. Правда. Маг сказал, что она может захотеть уйти, в ней очень много теней, — она говорила со страхом, задыхаясь. — Может ушла?

— Что ещё? — и Роар понимал, что это только часть того, что он должен знать. Она не сказала ему, что его вылечила Хэла, не сказала, что Хэлы нет в комнатах серых. Что ещё?

— Ничего, — прошептала она, сжимаясь.

Но Роар точно знал, что есть ещё что-то.

— Милена, — он схватил её за руку.

— Да на что она тебе сдалась? Пропади она пропадом эта твоя Хэла... — голос девушки стал злым, тем самым, который он уже слышал, когда она на второй день пребывания здесь устроила истерику и пыталась наговорить невесть чего, но была остановлена чёрной ведьмой. — Что вы с ней носитесь? Всем она так нужна, прям тошнит.

Он посмотрела на него, злая, рот её скривился, из глаз потекли слёзы. Она мотнула головой.

— Или, если она с тобой переспала, чтобы вылечить, то всё? Никто больше не нужен кроме неё? — Милена взвыла, а он ошарашенно отпустил её руку. Девушка, закрывая лицо руками, осела на пол.

Внутри митара метнулось что-то незримое, колючее, в глазах потемнело, голова закружилась.

Роар выставил руку и опёрся о стену, а другой схватился за голову, и резкие образы стали заполнять его мысли, яркими невыносимо болезненными вспышками. Они словно

шептали, липкими и мерзкими пальцами хватались за нутро.

Хэла сверху на нём... Хэла плачет... По его телу проходит удар молнии... Он на пределе... Хэла плачет...

“Прости меня, родной... забудь об этом, мальчик... я так виновата... надо было тебя спасти...”

Хэла целует его в лоб... Хэла горячая, словно в горячке...

Роар тряхнул головой, чтобы прийти в себя. Но его захватил испуг — куда могла деться Хэла? Уйти? Куда? Не могла далеко.

Её можно найти, её надо найти! Быстрее! Надо сказать Рэтару, чтобы вернуть её.

И столько тиров Роара не душило с такой силой безысходностью, а сейчас накатилось яростно, беспощадно, что пошевелиться было сложно. Митар зажмурился и увидел тело мёртвой Хэлы, так ясно, словно мог к нему прикоснуться.

“Нет, Хэла, родная, не надо”, — сжало внутри жутким предчувствием.

И Роар ринулся в коридор, к порталу, к Зеуру, но из комнаты портала, спеша, вылетел прямо на митара посланник из Шер-Аштар. Роар развернулся к открытой двери рабочей комнаты ферана. Посланник отдал тому очередной отчёт. Взяв бумагу и взглянув в коридор, феран рыкнул:

— Роар, чтоб тебе, иди уже отдыхай, на тебе лица нет, — потом Рэтар развернул послание. — То же самое и ничего не поменялось.

Митар как-то бессознательно кивнул, словно получив какой-то незримый сигнал к действию. Посланник вышел в коридор закрыв за собой дверь.

— Сильно вас там? — спросил у него Роар зачем-то.

— Сильно, почтенный митар, — кивнул посланник. — В этот раз весь отряд бы положили, корнайские твари, кабы не ведьма...

А дальше Роар уже не слушал.

Всё как в тумане.

Портал.

Привратник:

— Почтенный митар, вам нельзя в портал.

Желание удавить несчастного.

Мерцание и пустота портала.

Сырость и невозможный запах гари в Шер-Аштар.

Он вышел из охранной башни заставы под холодный со снегом дождь и моментально стал мокрым насквозь. Но его тянул вперёд жуткий страх и до конца мужчина не хотел верить, что всё может быть плохо.

Разве можно сразить Хэлу? Хэла она же... сильнее её он ведьмы не видел!

— Хэла где? — схватил Роар первого попавшегося под руку бойца.

Вокруг была суэта: воины, раненые, лекари, командиры — а над ними явственно был виден невообразимой красоты и силы магический защитный барьер.

— Хэла? — уставились на митара полные непонимания ошалелые глаза воина.

— Ведьма, ведьма, чтоб тебе! — рявкнул митар. — Ведьма где?

— А... там? — и боец ткнул пальцем куда-то в сторону навесов, которые нещадно трепал дождь со снегом и ледяной ветер.

Роар отпустил его и пошёл в ту сторону. По мере того, как он подходил ближе, осознание и безумие сильнее сжимали его горло.

Под навесом были погибшие. Несколько тел, чуть больше, чем было указано в отчёте. Он проморгался и рукавом вытер капли дождя с лица, пусть и тщетно. Маленькая надежда на то, что Хэла просто где-то здесь, сидит рядом с мёртвыми, умерла, как только он осознал, что видит то, что его глаза отказывались принимать.

Рядом с навесом лежало тело. Невообразимо маленькое по сравнению с остальными погибшими. Оно лежало на боку, в грязи и воде, накрытое ставшим невнятной грязной тряпкой серым плащом. Капли дождя били по невыносимо бледной коже лица — мертвенно белой на фоне серого. Волосы были мокрыми и грязными, с налипшим где-то снегом.

— Достопочтенный митар? — кто-то из командиров подскочил к нему. — Мы вас не ждали.

— Хэла, — прошептал Роар, всё ещё не веря своим глазам.

— Да, достопочтенный митар, ведьма пришла из портала, странная такая, бледная, как мёртвая, поставила барьер и спасла одного бойца, который остался снаружи, — командир отряда видимо думал, что митар обращается к нему, но Роару было искренне плевать на всё то, что ему сейчас пытался сказать этот воин. — Её ударило огнём, ранило...

Митар в бессилии опустился возле Хэлы на колени. Рука не поднималась прикоснуться к её щеке, он уже не чувствовал холода, снега и дождя, не чувствовал боли в ране, было наплевать на суету вокруг и вот этого раздражающего своим разговором воина, имени которого Роар никак не мог вспомнить.

— Хэла, родная... Хэла... нет... не надо... Хэла... ну что ты? — он протянул руку и коснулся щеки. Ледяной, как в холодное время вода в Нраве. Дрожащими руками митар приподнял её плащ и увидел жуткую, рваную, пахнущую гарью и кишашую паразитами рану на боку. Нутро скрутило. Он сжался.

“Боги, за что?” — из глаз текли слёзы, которые скрывал дождь. Он снова накрыл её плащом и бессильно опустил руку на её плечо.

И Хэла застонала.

Это был совсем неслышимый во всём этом безумии стон, слабый, едва слышимый, словно воздух вышел из лёгких. Но этого было достаточно, чтобы привести Роара в чувства.

— Хэла? — митар аккуратно нагнулся к ней и услышал едва различимое дыхание.

Рвать. Метать. Уничтожать — ревело чудовище у него внутри.

— Сколько она здесь? — процедил он сквозь пелену слепящей злости, опустившейся на него.

— Так дня два, — отозвался командир спокойно и безэмоционально. — Жива вот пока. Ещё немного осталось. Не думал, что серые живучие такие. Жаль, что так долго мучается.

Наверное вот сейчас Роар мог бы позволить себе просто отпустить своего внутреннего монстра. Плевать на рану. Плевать на то, что это свои.

Его выворачивало наизнанку от ярости и неконтролируемого гнева. Но вот она Хэла, слабая, умирающая, и он мог попытаться её спасти. А они... они потом... и он перестал обращать внимание на то, что происходило вокруг.

— Хэла, милая, я тебя сейчас подниму и тебе будет больно, — прошептал он ей в ухо. — Ты потерпи, моя хорошая... прошу тебя, Хэла, только не умирай. Родная... прошу тебя, Хэла... слышишь?

Роар подsunул под неё руки, она была мокрой насквозь, грязная вода стекала с её платья, плаща, безвольных рук, босых ног, с волос, а голова безжизненно запрокинулась назад.

Он понимал, что надо было спешить. Если делать правильно, то нужно было сначала перейти в портал где-нибудь в Зарне или Трите, а уже потом в портал в Йероте, тот, что был в доме Зеура, но времени не было. Да и сказать себе точно, что сам он выдержит двойной переход, митар тоже не мог.

Можно было бы перейти в Трит, отдать там Хэлу Рэтару, чтобы тот отнёс её к Зеуру, но это тоже было время. А вот именно времени у Роара, как он понимал, чуял, будто хищник, не было. Она уходила. Точнее она почти ушла.

— В Йерот, к Зеуру, — рявкнул он привратнику у портала в Шер-Аштар.

— Достопочтенный митар, не далеко ли?

Показалось, что сегодня Роар действительно убьёт кого-нибудь, если не руками, то взглядом — привратник сглотнул и открыл портал.

— Зеур, — гаркнул Роар, едва держась на ногах, с Хэлой на руках. Он чувствовал невообразимую резь в ране. Вполне возможно, что портал её вскрыл. — Зеур!

— Всесила, что ты орёшь? — маг устало потёр лоб, потом уставился на Роара, словно увидел древнее чудовище. — Какого?

— Спаси её, Зеур... богами всеми тебя прошу, — митара покидали силы и он чувствовал, что ещё немного и за ними уйдёт и сознание.

— Сюда клади, — маг указал на один из столов, которые стояли в беспорядке в огромной комнате, соединённой с комнатой в которой был портал. — Не верю, что такую как она могла тьма забрать.

Зеур нахмурился, когда Роар бережно опустил Хэлу на стол и попытался отдышаться.

Митар мотнул головой и снял с ведьмы плащ.

— Рваш, — ругнулся Зеур, увидев рану, и положил руку на лоб женщины. С мгновение стоял с закрытыми глазами, а потом отрицательно помотал головой. — Нет, Роар, друг, прости.

— Зеур, — прорычал из последних сил митар, схватив мага за руку. — Она же жива.

— Её тело живо, а душа уже перешла грань, — отозвался он. — Роар, оттуда не возвращаются.

— Она меня вернула, — Роара разрывало на части. — Возьми мою жизненную силу. Ты мне должен, ты Рэтару должен, я тебе заплачу сколько скажешь, Зеур... чтоб тебя!

— Роар, — маг был отвратительно спокоен и бесстрастен. — У тебя жизненной силы чуть больше, чем у неё. Давай я лучше тебе помогу! Роар, послушай...

Но митар уже не слушал, он точно знал, что сейчас надо вернуться в Трит. Несмотря на дружбу или приказ второго человека в Изарии, Зеур не будет ему помогать, заупрямится, но можно отдать приказ иначе, можно заставить мага сделать свою работу — это мог только один человек.

— Портал убьёт тебя и старания ведьмы по твоему спасению будут напрасны, — крикнул Зеур вслед своему митару.

А Роар почти без сознания свалился с площадки портала в Трите.

— Достопочтенный митар, — привратник опустился перед ним на колени и помог встать.

— Позови ферана, — прохрипел митар.

Привратник непонимающе заморгал.

— Чтоб вам... Рэтар! — крикнул он со всех своих оставшихся сил. — Рэ-та-ар!

За дверью засуетились и в комнату влетел феран, бронар и ещё несколько стражников.

— Роар, ты что, — он опустился на колени перед таном, на рубахе которого расплзлось кровавое пятно. — Ты был в портале? Ты из ума выжил? Тащите его к нему.

Но Роар схватил ферана за рукав.

— Нет. Иди к Зеуру. Сейчас. Иди. Я тебя очень прошу. Иди.

И митара поглотила тьма.

Глава 25

Рэтар был зол. Он устал и вымотался. О ранение Роара узнал случайно и его невероятно злило то, что, судя по всему, никто не собирался об этом сообщать.

Феран вернулся, состояние Роара было хорошим и его жизни ничего не угрожало, но уже то, что тан мог погибнуть из-за какой-то стычки с шальными, приводило Рэтара в едва сдерживаемый гнев. И спасло всех вокруг только то, что Роар был в сознании и цел.

Но теперь, когда тан вывалился из портала с открывшейся раной, теряя сознание, да ещё и с навязчивой идеей, что Рэтару нужно к Зеуру, ферана снова стала заполнять ярость.

И уже без просьб было понятно, что надо к магу, раз Роара опять надо приводить в порядок.

Рэтар порталы ненавидел. С детства. Всегда чувствовал себя в них мерзко. Они нервировали и раздражали. Сейчас, выйдя из портала в доме Зеура, феран недовольно передёрнул плечами.

— Зеур? — позвал он, проходя в беспорядочно заставленную всем чем только можно комнату.

Рэтар проморгался, привыкая к полумраку, что властвовал в жилище Зеура. В нос ударил мерзкий запах сырости, гари и разложившейся плоти. Но в домах магов всегда пахло отвратительно — колдовские изыскания дело такое, дурно выглядящее и пахнущее.

Феран огляделся и на столе увидел тело.

— Опять мёртвые, Зеур? — проворчал себе под нос Рэтар и сделал шаг к столу.

Трупы его уже давно не трогали и не задевали. Каких он только не видел за свою жизнь: мужчины, женщины, старики, дети... Иногда бывало, дёрнется что-то, но в остальном — смерть была для ферана Изарии обыденной и привычной.

— О, всё-таки прислал тебя? Надеюсь не помер там, как из портала вышел? — усмехнулся маг, спускаясь с верхнего яруса своего жилища. — Но тебе скажу тоже самое, что и ему. Нельзя её вернуть. Дайте ей умереть. Жаль, конечно, понимаю. Вторую такую наверное и не найти, но что ж делать...

Рэтар нахмурился и опустил глаза на стол.

Окаменел.

На столе лежала Хэла. Хэла... Грязная, мокрая, даже просто стоя рядом, он ощущал исходящие от неё сырость и холод.

Взгляд пробежал по её телу. Сознание спуталось, разум не верил — нет, это не может быть Хэла, не может. Как? Он зацепился взглядом за рану во весь бок, грязную, мерзкую, с кишачниками в ней паразитами, рваным мясом и костями наружу. А потом — платье... изорванный подол...

“Ничего, на мой век и этого хватит”, — её голос всплыл в голове и выдержки хватило, чтобы не взвыть в голос.

“Хэла... Хэла... — внутри скрутило злой болью. — Да чтоб тебе, ведьма, не смей умирать. Не смей оставлять меня. Я же так хотел вернуться к тебе...”

— ... я сам найду вам чёрную, — а маг продолжал, как ни в чём ни бывало. — Если

хочешь, можешь потом со мной расплатиться, ну или, я всё равно тебе должен. Призову в счёт своего долга. Рэтар?

Никак не получалось оторваться от этого приводящего в панику вида. Она была на себя не похожа. Бледная, ледяная, грязная... хотелось... чего ему хотелось?

Перед глазами, которые предательски застилала слёзы, стоял её образ. Тот в поле. Мягкие черты лица, тёплая улыбка, приводящие в безумие глаза.

Рэтар забыл, что умеет плакать. Но он никогда больше не увидит этого взгляда? Он большего никогда не был достоин.

— Достопочтенный феран Изарии? — позвал его Зеур. — Ты меня сейчас своим гневом убьёшь. Я понимаю, что хороша была ведьма, но всё умирает. И она вот умирает. Бывает. Забери её, если очень хочешь, но... а давай, ты мне её оставишь и это будет плата за призыв новой? Отличное же предложение.

— Ты сказал она мертва, — глухо проговорил Рэтар с трудов вытаскивая из себя слова.

— Нет, я не говорил, — мотнул головой маг. — Пока жива, огонёк ещё горит...

— Тогда лечи, — приказал феран.

— Всесила, Рэтар, — возмущённо воскликнул маг, опуская ладони на стол. — Огонь горит. Могу починить тело, но душа ушла за грань. Всё. Понимаешь? Оттуда почти нельзя никого вернуть.

— Ты мне должен, Зеур. И это приказ. Я хочу, чтобы ты её излечил. Нужна моя сила? Бери, — Рэтар выставил вперед руку, — но вылечи её.

— Пффф, — гневно фыркнул маг, ругаясь про себя. — Вы Гораны все не в себе, безумные. Зачем мне тратить силы на лечение той, которая умрёт всё равно? Твоя жизненная сила? Ты просто растягиваешь её страдания. Неужели не ясно? Лечить надо было два дня назад, или когда её ранили? А теперь это просто...

И он рыкнул, понимая, что не может ничего поделать с приказом ферана, отошёл, но быстро вернулся с мотком небесной нити. Потом намотал её на ладонь Рэтара, другой конец намотал на ладонь Хэлы:

— Пряма брачная обвязь была бы, нет? — Зеур был зол, но феран Изарии на это внимания не обращал. — Если бы не моё скромное вмешательство.

Маг взял нить, связывающую ферана и ведьму, посередине и намотал себе на ладонь.

— Если станет плохо, скажи, — буркнул он и закрыл глаза.

— Не станет, — глухо отозвался Рэтар.

Самым главным достоинством достопочтенного Рэтара Горана всегда было хладнокровие. Это в нём ценили окружающие, это помогло ему достичь того, что имел. Он всегда мог усмирять свой гнев, давить свою ярость, держать себя в руках несмотря ни на что.

Война и смерть были с ним с самого детства, которого, впрочем, наверное у него и не было. Военные обозы, бой за боем, война за войной, потери за потерями...

Он научил себя не чувствовать, не сходить с ума, укрощать внутреннего зверя. Хотя бывало иногда, очень редко, когда давал себе возможность терять контроль, когда безумный гнев разливался ядом в крови и убивал в нём человека, делая чудовищем.

И вот сейчас он чувствовал, как теряет себя, как кровь перестаёт быть холодной, вскипает, отпуская наружу его звериную ярость. Каждое слово давалось ему с трудом, мысли стали вязкими и топили, не давая вздохнуть.

Хэла умирает...

И тени прошлого потянули в Рэтару свои липкие пальцы, начали обнимать и утягивать

за собой во тьму. А голос разума стал едва различимым, захлёбываясь в этой вязкой тьме.

Он взял руку ведьмы в свою.

И почему Рэтар раньше не замечал, что она у неё такая маленькая? Почему он дождался пока эта рука станет мертвенно ледяной? Как ему отчаянно хотелось, чтобы она провела ею по его щеке.

И он не понимал, всё равно не понимал, чем была для него эта женщина? Что в ней его так задевало, что было тем, без чего он чувствовал пустоту и становился словно обречённым на смерть, что толкало его в бездну? Это было простой прихотью? Просто желанием обладать или всё же чем-то большим?

Рэтар хотел Хэлу. Он это знал — до помутнения хотел сделать её своей, но ему были нужны её улыбка, тепло, взгляд, запах...голос... всё то, от чего сейчас ничего не осталось.

И никто в здравом уме не стал бы тратить долг мага на то, чтобы вылечить почти мёртвое, но Рэтар и не был в здравом уме — сейчас он был однозначно безумен. И он останется таким... без неё...

Он держался за её руку и едва сдерживал свой гнев, он стиснул себя как никогда раньше, словно вышел из себя и закрыл за собой дверь, чтобы там, где-то за пределами того, что сейчас происходило, вить словно раненый.

Хэла ведь не может умереть...

Только откуда взялась в нём эта уверенность? Как он мог так ошибиться?

Темень ушла и небо осветили лучи Изар. Зеур едва стоял на ногах, впрочем, как и Рэтар, — маг тащил из своего ферана силу, зло и совершенно бесконтрольно. Маг тоже был в ярости. И сейчас мстил за власть над ним, за то, что не мог сопротивляться приказу, за то, что вообще нужно было выполнять эту по сути бессмысленную работу.

Платье Хэлы всё ещё было влажным, но вода за это время стекла на пол, волосы почти высохли, дыхание, едва заметное, стало ровным, рана затянулась и на светлой гладкой коже остались яркие уродливые рубцы.

— Всё, — едва слышно прохрипел маг, пошатнулся и отпустил нить. — Прости, но больше нет смысла. Она целая и это самая большая и самая бесполезная трата моей магии за всю мою жизнь. Да и твоих жизненных сил тоже, поверь мне.

Феран лишь бессмысленно кивнул и поднял Хэлу на руки.

— Рэтар, послушай, — Зеур схватил его за руку. — Не жди многого, она ушла за грань, понимаешь? Вероятность, что она вернётся, ничтожна мала, слышишь? Она здесь пока твоя сила держит её жизнь нитью. Не жди слишком долго. Мирту, дай ей мирту. Если не вернётся — рви нить и отпусти её.

Феран снова кивнул, но наверное со стороны могло показаться, что он вообще не слушал того, что ему только что сказали. Маг недовольно цыкнул.

— И молитесь, — проговорил он в спину Рэтару, — чтобы моя сила не потребовалась для реальной помощи, потому что после такого я несколько мирт никому ничего не смогу сделать. Ищите другого мага!

Портал зашуршал, а в голове всплыло воспоминание, как Рэтар прошёл с ней портал в первый раз — его руки на её талии, её руки на его груди, её озорной взгляд.

“Боги, Хэла, я прошу тебя, просто ещё раз посмотри на меня”, — взмолился он про себя.

Привратник поднял голову и в ужасе уставился на своего ферана. Рэтар молча вышел в коридор.

— Достопочтенный феран, ты пропал... — Брок кивнул в приветствии, по привычке, потому что увидев ношу мужчины побледнел. — Хэла? Она... она...

Рэтар молча пошёл к двери ведущей в его спальню.

— Отец, — обреченно позвал его юноша, и Рэтар знал, что ведьма парнишке не безразлична.

— Пока жива, — отозвался он глухо и толкнув дверь ногой зашёл внутрь. — Если кто придёт без зова — убью.

Оказавшись наконец-то наедине с Хэлой, он положил её на кровать и в бессилии опустился на пол, и, прислонившись к стене, заплакал.

Сколько он вообще не плакал? Когда это было последний раз? Когда умерла Элара? Сколько тиров прошло с тех пор? И почему ему вообще сейчас так отчаянно больно?

Не уберёг, не досмотрел, потерял, потерял... боги, потерял...

Руки предательски тряслись, внутри разливалась мгла, готовая поглотить его и всё живое вокруг, над ним нависли призраки, его душило горе. Настоящее горе, такое которое испытываешь, когда теряешь того, кто по-настоящему дорог, а Хэла была дорога, чтоб всему истлеть, была дорога!

Он до побелевших костяшек сжимал в кулак руку с намотанной на неё небесной нитью.

Рэтар не заслужил, просто не заслужил... кто-то там в другом мире заслужил прожить с ней жизнь, а он всё разрушил, выдернул её, забрал себе силой, разве он имел на это право? А какое право он имеет на её жизнь? На её шёпот, на её взгляд, на дурман, которым она его сводит с ума, на тепло рук, тела... на её душу?

Он просто в очередной раз сотворил зло, потому что — а на что он вообще способен в этой жизни? Он... слуга смерти, прошедший в войнах всю свою жизнь?

Рэтар не знал сколько, он так просидел, сжимая в кулак руку, в которой была нить, смотрел на руку Хэлы с так же намотанной нитью и словно держался за эту связь между ними, отчаянно и с такой невообразимой надеждой. Пустой, бесплотной, но всё равно каким-то образом парящей над его несчастным и разбитым горем духом.

— Рэтар? — Роар вошёл и тихо притворил дверь.

— Я сказал, что убью любого, кто придёт без зова, — прохрипел ему феран.

— Убивай, — согласился митар и хромая подошёл к нему, уставился на Хэлу. — Она не пришла в себя?

— Может и не придёт. Её жизнь держит нить, — Рэтар говорил тихо, хриплым шёпотом, словно боясь произнести эти страшные слова громче, будто от шёпота они потеряют силу и смысл. — Оборвать нить и она уйдёт.

Митар опустился на пол, сел напротив, прислонившись к кровати спиной.

— Прости меня, Рэтар, боги, прости меня, — из глаз его потекли слёзы. — Я так виноват. Я...

— Роар, хватит, — и сейчас присутствие тана раздражало, его слёзы выводили из себя, потому что мешал... мешал Рэтару тонуть в скорби.

— Нет, — упрямо повёл головой митар. — Это моя вина. Я переспал с белой ведьмой, не думая о последствиях...

— Ты что? — и феран оторвал взгляд от руки Хэлы и перевёл его на Роара, пытаясь осмыслить его слова.

— Да, я знаю, не надо было, так мало времени она здесь, а я, — и митар хватанул воздух, словно тонул, вытер слёзы рукавом, — снесло голову, Рэтар, снесло, прости, как

мальчишке снесло. И в итоге всё это. Я Милену защищал, я знал, что подставляюсь под тот удар, я мог уйти в сторону, но она была за моей спиной и я не ушёл. И Хэла... она меня вылечила, силой чрева вылечила, я вообще...

— Подожди, что? — кажется слова Роара доносились до Рэтара откуда-то издалека, словно эхом и были чем-то невнятным, нереальным. — Тебя вылечила Хэла?

— Да. Прости. Я сам не знал. Я думал Зеур, а потом как узнал, что Хэла и этим способом... Я думал чёрные ведьмы так только убивают, а она меня вытащила из-за грани, — тан говорил сбивчиво, словно пытался успеть договорить до того как случится что-то ужасное, непоправимое. — И я помню лишь, как она надо мной плакала и просила меня её простить... рваш... она меня спасла и просила прощения за то как!

Он мотнул головой и вытер слёзы внутренней стороной ладони.

— И Милена, она узнала и приревновала, боги, она приревновала и кто знает, что в ней в этот момент было, что она могла наговорить, но сколько в ней было горечи от того, что так случилось, — Роар поднял глаза и встретился взглядом с таном. — Рэтар... я сам никогда не смогу себе этого простить. Никогда не прощу, если Хэла умрёт.

Кровь стучала у Рэтара в голове, боль была невыносимой, до воя дикой, в глазах была темень.

— И эти, — Роар зло мотнул головой, лицо его исказил гнев. — Как я могу доверять свою жизнь тем, кто так поступает с кем-то живым, с кем-то кто спасает их жизнь, а в благодарность — страшная жестокость... это из-за неё в Шер-Аштар так мало убитых, она поставила там барьер и ты бы видел этот барьер, Рэтар. Я таких даже у верховных магов не видел! Её ранили и они просто кинули её в грязь, к мёртвым! Ну и что, что живая, ну и что, что дышит — серая же, чёрная ведьма... разве она человек?

И Роар сжался, зажмурился, а Рэтара ударило наотмашь — Хэла спасла Роара, Хэла спасла Роара через силу чрева... Хэла и Роар. И... Хэла поэтому ушла? Хэла должна была быть слабой после спасения Роара, почти умирать. Но Хэла была в сражении Шер-Аштар? Её ранили? Лежала с мёртвыми?

Он тоже зажмурился, а когда открыл глаза возле у изножья кровати увидел Тёрка. Мужчина был таким же бледным, как и Хэла, на его лице было такое полное сожаления и печали выражение, что становилось не по себе, от этого безмятежного созерцания.

— Тени-таки забрали? — спросил он скорее у самого себя, чем у находившихся здесь мужчин.

— Тени? — горько усмехнулся Роар, прорычал. — Люди, Тёрк, люди её забрали... если бы в ней не теплилась жизнь, я бы разнёс всю заставу и отряд Карда. Уничтожил бы каждого.

— Что? — Тёрк в непонимании уставился на сидящего к нему спиной митара. И Рэтар понимал, что всего мгновение отделяло старшего брата от безумия яростной вспышки, несущей только неотвратимую смерть.

— Тёрк, — позвал его феран. — Отправляйся в Шер-Аштар. Я хочу знать, почему имени Хэлы не было в отчёте. Я хочу знать, почему они позволили ей умирать, но не сообщили нам. Я очень хочу это знать. Имя каждого, кто виноват.

— Если не сдержусь — не обессудь, — и Тёрк осознал, лицо его стало свирепым, злым, хищным.

Рэтар кивнул, соглашаясь. Ему было плевать, если брат уничтожит весь отряд — выжили после нападения, не спасутся от всепоглощающей смертоносной ярости Тёрка.

— И ещё, — старший брат остановился у двери, — Она просила меня, как Роара спасла... если тени её заберут, сказать тебе, что ей жаль.

С этими словами он вышел и ферана передёрнуло. Он снова перевёл взгляд на Хэлу.

— Иди, Роар, — попросил он.

— Тан, я, — начал было митар, но слушать больше ничего не хотелось. Хотелось тишины.

— Иди, — феран сорвался на рычание. — Я тебя очень прошу, уйди, Роар. Уйди. Просто встань и выйди.

Митар с трудом встал, направился прихрамывая к двери.

— Я не заметил, понимаешь, я не заметил, что её нет. Я должен был, но... — с горечью проговорил феран, потом обречённо мотнул головой. — Иди...

Когда Роар вышел, Рэтар взвыл и разорвал нить.

Всё это время без неё, он так надеялся, что станет легче, что она отпустит его, эта женщина... Надеялся, что вздохнёт, наконец, без неё, что пройдёт, но нет. Нет...

Никогда за всю жизнь Рэтар не стремился вернуться домой. А тут тянуло назад — к ней тянуло. И он вернулся, и не понял, что её нет. Совсем нет. И было пусто, без неё ему здесь пусто.

Рэтара столько времени душило её присутствие. Он проклинал свою слабость перед ней, и хотел освободиться, но вот она лежит почти мёртвая и он не знает, что ему теперь делать...

Ничто в этом мире не могло бы утешить его. Обречение, отчаяние, пустота заполняли его изнутри.

Он потерял свою несносную ведьму, он потерял Хэлу... нить разорвана, она умрёт, а он сойдёт с ума от этой боли.

— Хэла, прости меня, Хэла... не уходи от меня.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net